

БОХТИСР
БОГОВЕЗДЕ

Или
на одном
корабле

БАХТИЯР ВОГОБЗОДЕ

2-580.195

Избранное

М. Ф. Ахундов adına
Azərbaycan Respublikası
Kitabxanası

БАКУ
ЯЗЫЧЫ
1983

ПРИКОСНОВЕНИЕ СЛОВОМ

С Бахтияром я встречался редко. Два раза в Баку и два раза в Москве. Запомнилась его улыбка. Трудно сейчас определить, какая улыбка—вежливая, виноватая, стеснительная, снисходительная? Нет. Скорее всего грустная. Такую улыбку нельзя включить и выключить. Она не просто от настроения, от определенного строя воспитанности. Она скорее от характера, от глубокого опыта общения с людьми. Это не просто улыбка лица, настроения. Это улыбка всей натуры. Улыбка исключительного рода деятельности, улыбка учителя, старшего у костра. А Бахтияр, как я потом узнал, учитель. Учитель в самом широком и в самом достойном смысле этого слова. Учитель, ученый, доктор наук, профессор Азгосуниверситета, член-корреспондент Академии наук республики. Многие и многие учителя в Азербайджане его бывшие студенты. Стихи Бахтияра в хрестоматиях родной литературы. Вот и получается, что на его стихах учился каждый грамотный человек в республике от первокурсника до министра просвещения и президента Академии наук.

Бахтияр Вагабзаде — депутат Верховного Совета республики. Это тоже во многом от того, что он характером учитель, преподаватель самого высокого предмета—права быть гражданином и заботливым работником страны.

В лирике своей Бахтияр в равной мере насколько лирик, настолько же и философ. Стих его предметен. Он не только читается и слышится, он и видится. Почти нет описательности. Во всем чувствуется нерв поэта, прикосновение словом.

Бахтияр—поэт глубокой, ищущей, тревожной мысли. Его горячо волнует путь человеческого познания, восхищают гениальные вершины разума, открывающего тайны материи, космоса, но есть еще космос человеческой души—и здесь еще ох, как много «белых пятен» на тернистом и мучительном пути к совершенству духа, к гармонии слова и дела! Вот это сущность поэзии Б. Вагабзаде.

Поэт не склонен упиваться бодрыми превосходством ных всезнающих самоуверенных «лирических героев»,—нет, он напоминает нам о еще не познанной до конца мучительной, неожиданной тайне!—нас самих, и нам понятна его трезвая ироническая улыбка.

На русском языке он издавался мало и, мне кажется,

Вагабзаде Б.

Р12 Мы на одном корабле. Избранное. Перевод с азербайджанского. Автор предисловия Е. Исаев. Ред. С. Мамедзаде. Б., Язычы, 1993.—350 с.

В одностороннем известном азербайджанского поэта, лауреата Государственной премии республики Бахтияра Вагабзаде вошли стихи и поэмы последних лет. Раздумья о драматических контрастах эпохи, о нравственных исканиях человека, о возвышающей силе любви, пристальное внимание к духовной жизни современника, тревоги и надежды нашей планеты составляют главный поэтический нерв этой книги.

В 4702060201—66 Реш. кол. № 313
М 636—83 от 4. XII. 81. г.

С(Аз)2

© Перевод на русский язык: Предисловие. Язычы. 1993.

по двум причинам: по скромности своей и сосредоточенности. Сосредоточенные люди—они больше думают о деле, о своей глагольной отдаче, нежели именной. От слишком ускоренного общения их, как правило, удерживает глубина отношения к делу. Такие люди не умеют устранивать себя, таких людей красит их дело, таких людей дело ведет к людям. Они обычно несколько запаздывают к аплодисментам в свой адрес.

Бахтияр Вагабзаде скорее человек поступка в слове, чем слова без поступка. Это качество его характера, как человека и поэта, проявляется не только в его лирических коротких вещах, но и в его эпике, в его поэмах, которые учат совести, подвигу, красоте. Одна из книг Бахтияра называется «Осенние раздумья». Старый мотив? Старый, но не стареющий. Вечный и постоянно животрепещущий. И здесь где-то словом своим Бахтияр Вагабзаде приближается к поговорке. Я специально не говорю: к афоризму, поскольку поговорка теплей, общительней. Афоризм строже. Он требует мрамора и золота, пьедестала, сцены. Поговорка не любит излишней яркости, она скромна, заботлива и немножко даже на праздниках грустна, таков ход ее слова. Вот и сошлись слово и лицо, ход мыслей и жест. Явлен уже характер, явлена уже манера письма, стиль, нерв слова. Как это все похоже на Бахтияра, как это все у него от народа и в народ. Осень? Ну так что ж. Осень—это вершина зрелости, это весна мысли.

Думаю, читатель, который прочтет эту книгу, не найдет это мое высказывание слишком категоричным.

ЕГОР ИСАЕВ,
лауреат Ленинской премии
28. XII. 1982 г.

* * *

Величайшим путником
Ленин был,
Но дорогу не мерил,
А торил ее.

Величайшим историком
Ленин был,
Только он не писал,
А творил ее!

ЖИЗНЬ—ГОРЕНИЕ

Способность пламенеть — в ней наша сила.
Свети другим—хоть день, хоть час один!
Свеча—и та, когда горит—светило.
Когда погашена—лишь воск и стеарин.

* * *

Откликнись, строка, словно эхо
на гром и на шепот в толпе.
Возникни, строка, словно вежа
на чьей-то нелегкой тропе.
Не надобно благоуханья
нездешних загадочных роз—
прерывистой будь, как дыханье
всех тех, кто к работе прирос.
Не лги, не жеманничай ломко
салонным красоткам под стать,
но девушкам—сборщицам хлопка—
не дай раньше срока устать.
Будь в поисках неутомима,
и в твой сокровеннейший миг
яви мне

не каплю от мира,
но в капле

яви мне

весь мир!

Не бойся звучать из-за такта,
хоть нот и не больше семи.
Не будь констатацией факта,
будь фактом сама, черт возьми!
Круши всю пустую породу,
тори свой особенный путь
и, будь так любезна,

народу,
народу любезною будь!

Стань, стих мой,
 для тех
 партбилетом,
кто Ленина
 сердцем постиг,
и я не мечтаю об этом,
я требую, слышишь, мой стих?!
Строка,
 в тебе—вся моя сила,
как в детях—вся сила отца.
Меня до конца ты вместила—
отдай же меня
 до конца!

МОНОЛОГ НА ТЕМУ ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Мой друг, не бойся падать.
Твержу тебе опять:
на практике падений
научишься вставать!

На практике ушибов
научишься ходить,
на практике ошибок—
работать и любить.

Упрямствующий втуне—
себе

 первейший враг.
Сказать: «Я сделал глупость»,—
вот это умный шаг!

Душа, спеши в сраженья,
не страшно проиграть.
Любое поражение—
наука побеждать!

Паденье—только случай.
Вставай!

 Пора идти!
(Но все же
 падать лучше
на собственном пути).

Тори свою дорогу,
труби в свою трубу.
За пальцы не бояться,
когда куют судьбу.

Умей же зубы стиснуть,
забыть, что есть друзья:
чужую боль постигнуть
научит

лишь своя...
Тепличный, нестрадавший,
не личность—существо,—
скажи,
что людям дашь ты
от сердца своего?
В себя влюбленный нежно
сторонник полумер,
ты в мир уходишь книжный,
но это—полумир.

Что можешь ты?
Стандартно
сюжет пережевать?
На свете не страдавши,
поверь,
не в силах даже
ты
сопереживать!

Давайте же учиться
на опыте своем.
Давайте
гимн ушибам,
ошибкам
гимн
споем!
С собой же
станем строги,
взыскательны,
резки—
ведь все ж
едва ли
боги
нам обожгут горшки...

ПОЛЕТ

«Я в Кусары приехал.
Ставлю точку
посередине начатой строки.
Я выдохся и переутомился,
почти оглох от свистопляски буден,
от шелеста страниц, от голосов...
Пусть будет тишина.

Пусть будет небо
и тишина! Я руки распахну
навстречу небу,
повалившись навзничь,
я стану грызть травинку и смотреть
на облака...

Итак, да будет отдых—
желанный отдых после всех трудов!»—
так я сказал.

И внешне все поступки,
все действия мои — до мелочей—
мои слова на деле подтвердили.
И начал я прилежно отдыхать.
Я в травы добросовестно валился,
раскидывал я руки, точно павший
на поле боя,
честно грыз травинку
и сколько мог смотрел на облака.
Таков я был в моих поступках внешне.
Но только внешне...

Что ж моя душа?
Она совсем замаялась, бедняжка,
от этих процедур.

Ей стало хуже,
чем в городе, среди тысячи забот.
Лишь первый день она томилась молча,

но больше удержаться не могла.
«Покоя хочешь? — так она сказала,
иронией прикрыв свою обиду. —
Ну что ж, тогда валяйся, как паяц,
простреленный на сцене из хлопушки,
смотри на облака до одуренья,
но от меня

спокойствия не жди
и знай: я прокричу тебе все уши!
Взгляните-ка! Покоя захотел!
А у меня спросил, чего мне надо
от жизни этой?

Не спросил?

Так слушай,
я и сама без спроса расскажу.
Тревог мне надо.

Слез твоих мне надо.
И, хочешь ты или не хочешь знать,
твоих мне надо разочарований,
чтоб то, что ты вчера считал вершиной,
достигнув,

ты ступенью посчитал!
А ты — что предлагаешь мне?

Всего лишь
затянутое ряскою болото,
иначе — самоудовлетворенность:
брось камешек в него — пойдут круги,
и неподвижность вновь восторжествует...
Нет, мне удел потока подавай!
Хочу я, взяв средь ледников начало,
во весь опор

нести себя низинам,
хочу в весну стремиться из зимы,
хочу в ущелье грохотать камнями,
хочу в долинах

жизнь давать росткам...
Так дай мне крылья!

Дай парить надмирно,
дай счастье

от вершины мчать к вершине,
пристанища дай счастье не иметь!
Дай Млечный путь!

Дай мне собой измерить

всю необъятность вечности,
мгновенья
всю глубину.

Пусть грянет хор светил,
что без конца находятся в движении,
быть среди них,

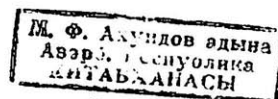
- в движение — мой удел!
Мало мне море. Мне нужна безбрежность.
И тесен день, коль вслед приходит вечер.
И вечер тесен, коли ночь приходит
за ним в черед, так страшно коротка...
Ты хочешь знать, кто я на самом деле?
Я — жизнь сама.
Я — вечности мерило.
Лишь только мной

достигнуть можно время,
лишь вечностью
меня измерить можно,

я есть —
сама Вселенная
в тебе...
Итак, в полет!

Взгляни на эти стрелки,
они спешат. Не упустит ни мига!»

Я возвращаюсь.
Отдых мой нарушен.
Мои часы «Полет» слегка спешат.

СМЕХ МЛАДЕНЦА

Во сне младенец рассмеялся.
Кто скажет—отчего?
Как чаша света расплескался
Чистейший смех его.

Не знает он своей причины,
Тишайший этот смех.
Как светлый луч упал с вершины
И заснял во всех.

Чему, чему он засмеялся—
Земле иль небесам?
Мудрец ответить попытался,
И рассмеялся сам.

В ГОРАХ ВОДОПАД—МОЙ БРАТ

Нет, не в единственный цвет—я в тысячи радуг влюблен,
В закат я влюблен, в рассвет, и в живопись грядок
влюблен,

И жить я хочу по-людски—до гробовой доски,
Не как-нибудь, кое-как, не ползая, как червяк.

Прекрасно солнце весной, и грозы—выше похвал.
И радость жизни земной, и слезы—выше похвал.
А поле нашей судьбы—арена вечной борьбы,
Где подлость быют наповал, а доблесть—выше похвал.
Но разве жемчуг морской растет в стоячей воде?
Как жаль, говорю с тоской, но я встречал кое-где
Героев легких дорог—подайте им бугорок,
Такой спокойный мирок, чтоб легкий дул ветерок.
«Ах, была бы цела голова, а прочее—трын-трава!»
Не расшибить бы лоб, а после меня—хоть потоп!»

От счастья разве рыдал, от радости разве пел—
Кто глубоко не страдал, кто никого не жалел?
Нет, обошла благодать, крепко обидел бог:
Кто не умел страдать—счастье тому не впрок!
Истинная душа тем-то и хороша,
Что радостью дышит, грустью, обенми дорожа!
Сердца без тревог пусты, как срубленные кусты.
Искатели вечных веселий—печальны всегда и грустны...

Я сроду терпеть не мог лакеев, проныр, льстецов,
Елейных речей поток, бречанье фальшивых слов.
Зачем называть горой трухлявый нарост? Зачем?
Кора и во тьме ночной видна абсолютно всем!
Я слышу ехидный смех: «Не надо быть лучше всех!»
И мы ведь не хуже всех, не так уж велик наш грех...
Не больше других мы врем, уж как-нибудь не умрем!
Уж как-нибудь, кое-как, а все-таки проживем!»

КАРУСЕЛЬ

Над каруселью крики звонки,
Кружится все, и, как во сне,
Летят мальчишки и девчонки,
Кто на коне, кто на слоне.

Счастливые сияют лица.
Забава ль это для детей,
Иль, может быть, сама кружится
Земля вокруг оси своей?

Летит кружащееся чудо,
Чтоб радость детворе принести,
Мир кружится для них, покуда
На свете папы-мамы есть.

Но слишком быстро пронесется
Лет карусель, и все пройдет.
Самим кружится им придется
В кругу невзгод, в кругу забот.

Покуда ж колесо упрямо,
Летит вперед, летит вперед.
Стоят в сторонке папы-мамы,
И те, кто очереди ждет.

Так отойдите все подальше
От тех, галдящих на лету.
И ты прими в сторонку, мальчик,
И пальчик не держи во рту.

Но он стоит, он не боится,
Он радостно кричит, как все,
И даже больше веселится
Тех, кто летит на колесе.

Пусть влезть на карусель не может,
Со стороны сегодня он
Глядит и радуется тоже,
Чужим круженьем увлечен.

Со всеми делит он веселье,
И в том беда невелика,
Что у него для карусели
В кармане нету пятака.

И я подумал не впервые,
Что стоит в этом мире жить,
Где могут радости чужие
Кому-то радость приносить.

ОЖОГ

Ожога мета на руке моей—
Реликвия давно минувших дней,
Когда свеченье жаркого мангала
Меня за любопытство наказало.

«Ожжешься!»—
Но сверканье огня
Манило несмышлениша меня.
И вот ожог — младенческий мой опыт,
Что был ценой мучительною добыт.

К огню меня тянуло с первых лет,
Что б ни горело—все меня пленяло,
Меня, едва пришедшего на свет,
Все, чем я восхищался, обжигало.

Мы часто поклонялись, увлекались,
И на кумирах наших обжигались.
Меня вела неведенья отвага,
До узнаванья я не ведал страха,

Как обжигался — говорил: пора,
С огнем моя закончилась игра.
И начинался страх:
Смотри, не обожгись...
И начиналась жизнь.

РИФМА

В стихах любых порою нет созвучья,
Но суть рифмуется гораздо лучше.
Ибо стихи—не только звон струны,
А то, что миру мы сказать должны,
То, что окроплено слезой горючей.
Рифмуется соцветий аромат
И песня птиц, что оглашает сад,
Рифмуются порой дожди и тучи.
Беда и радость—вот что изначально
Судьбою зарифмовано печально.
Есть к «миру» слово парное—«война»,
И страшно нам от этой рифмы грозной.
Ко слову «шум» есть рифма—«тишина».
И жизнь со смертью соединена
Нерасторжимой рифмой перекрестной.

НОВОГОДНИЕ РАЗДУМЬЯ

Нет радостней вас, праздничные дни!
Отложены заботы и печали.
Мы в праздники с друзьями,—не одни,
И знойное вино блестит в бокале.

И смех, и тостов дружеских не счесть,
Мы шуткам предаемся и безделью,
Но... праздник есть, особый праздник есть,
В котором грусть подмешана к веселью.

В ночь зимнюю придет его черед,
В ночь зимнюю мы старше на год станем,
В ночь зимнюю проводим старый год
И в утро новогоднее заглянем.

Что там, в окне? А то же, что вчера!
Вчерашний снег ковром лежит, не тая.
Но снежного нам мало серебра,
Тонимся мы, по новостям вздыхая.

Нам хочется счастливых перемен,
На скользком, на заснеженном пороге,
Да будет Новый год благословен!
Минувшего подводятся итоги.

Неясные предчувствия в груди
Теснятся, сердце бьется, замирая:
Что сбудется, что ждет нас впереди?
Какая это радость, грусть-какая!

В ночь зимнюю, последнюю в году,
Нам время представляется потоком
Сплошным, от нас бегущим в темноту
И сердце обжигающим упреком.

И прожитое видится опять
Так явственно... глаза не прячь, смотри же!
Но горько в эту ночь осознавать,
Что на год старше стал и к смерти ближе.

Год кончился.

Давайте ж в эту ночь
Дадим себе отчет в свершеньях наших,
И если время нам не превозмочь,
То пусть хотя б недаром станем старше.

Хвала и честь упорному труду,
Кто трудится, тот унывать не должен.
В ночь зимнюю, последнюю в году,
Я так скажу: он на год стал моложе.

КОГДА ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ...

Болтать — весь век болтать,
Сорить словами — стыдно.
Молчание под стать
Героизму, очевидно.
Хочу себя понять,
Неведение — обидно.

Весь мир запечатлен
В душе моей угрюмой,
И светом залит он,
С сердечной споря думой.

А я хотел бы сам
В светильник превратиться.
Как ярко по ночам
Сверкает мысль-зарница!
А день мешает нам
В глубинный смысл зарыться.

Когда мы аромат
Цветов вдыхаем юный,
Когда нас нежит лад
Незримой песни струнной,
Мы опускаем взгляд.

Нам свет милее лунный,
Чем солнечный. Глаза
Прикрыв, внимаем пенью!
И солнце, небеса
Покинув, нас к горению
Склоняет, спать нельзя,
Сон клонит к сновиденью.
Мысль ставит паруса.
Ночь ближе к вдохновенью!

ШЕКИ

«Почему ты родному Шеки не
посвятил ни одного стихотво-
рения?»

(Из письма).

Сколько песен сложил, но тебе ни одной.
Мой Шеки, посвятить не сумел.
И поэтому горы, наверное, мной
Недовольны. Но есть ли предел

Для сыновней любви? Предложи, назови —
Слов таких в языке не найдешь.
Разве матери сын признается в любви?
Я молчу, мой Шеки, — ну и что ж?

Сын всегда перед матерью будет в долгу.
Твоим именем клясться не смел,
Но все лучшее, что я припомнить могу
Из стихов своих — ты мне напел.

Нашептал. Не твоих ли багровых цветов
В моих строчках разлит аромат?
Не слышна ли в них быстрая речь родников,
Не твои ли чинары шумят?

Я — бакинец, гянджинец, ширванец — клянусь!
Ленкорань — нет родней ничего,
А еще я душой к Карабаху тянусь,
Но шекинец я — прежде всего!

Мой Шеки, ты в объятьях меня согревал,
Расступался рассветный туман —
И в разрывах его предо мной проступал
Солнцем залитый Азербайджан.
Уроженец Шеки, сын великой страны,
Счастлив я, что мне дали такие видны.

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПИСЬМА

Читательские письма, ярким светом
Пронизанные, сколько в вас тепла!
Сердечным согреваете приветом,
Не поза вам, а истина мила.

Читательские письма, вы—опора
Душе моей в смятенье и беде,
Вы пристальной критического взора
И, кажется мне, ближе к правоте.

Читательские письма! Ободреньем
Своим вы утешаете меня,
Когда я на стихи смотрю с сомнением
В расчетливом и трезвом свете дня.

Когда мне не хватает оптимизма,
Когда я впасть в уныние готов,
Вы кажетесь, читательские письма,
Мне эхом мной написанных стихов.

Читатель мой! Не стану притворяться,
Что знаю то, чего не знаешь ты.
Нет, я хочу огнем своим прорваться
К тебе, как ночью—яркий свет звезды.

Не угольком—звездой путеводной
Пусть горит в ночи моя строка.
Пусть она правдивой и свободной
Тебе свой свет несет издалека.

Бессонный свет, огонь души высокой,
Нам завещал великий Насими.
Веди, огонь, нас трудною дорогой,
Нелегкий труд—быть на земле людьми.

Нет без огня ни жизни, ни рассветов,
Источник света в нашем сердце скрыт.
За то и чтит народ своих поэтов,
Что в их стихах живой огонь горит.

Прочти строку—огнем она согрета,
В ней—наша боль, и радость, и судьба.
Не может быть народа без поэта,
Такой народ—лишь масса, лишь толпа.

Когда мне не хватает оптимизма,
Когда я впасть в уныние готов,
На помощь мне читательские письма
Приходят тенью будущих стихов.

Благодарю тебя, доброжелатель,
За отклик твой, поддержку и привет.
Мои стихи—письмо тебе, читатель.
Мои стихи—письмо тебе в ответ.

Друзья мои, взлетайте и неситесь
с вершин воображения
над бездной.
Сегодня мною вы еще гордитесь.
А завтра даль моя
вам будет тесной!
Сегодня вы—ученики.
А завтра
моя за вами поплетется тень,
приветствуя ваш недоступный день.
Глядел бы так Икар
на космонавта.
Нет, никогда вы не были мне чужды.
Мы на одном мечтали языке.
И мне передавались ваши чувства,
когда мы рядом шли—
рука в руке.
Смотрю, как море линию меняет.
Вода в одном заливе убывает.
В другом заливе прибыла вода.
Ученики!
Я с вами навсегда.
Уходит юность из аудиторий.
Уходит море
и приходит море.
Я тридцать лет
учу, учу, учу.
К познанию пятилетними кругами
лечу, лечу, лечу
я вместе с вами.
Вернусь сюда.
С другими полечу.
Молчат пустые комнаты и гнезда.

Здесь осень я снова жду других.
А вы уже рассыпались,
как звезды
бессонниц и надежд моих.
Но если мысль моя
без продолженья
кончается на вас,—
обрыв, тупик,—
замкнется даль! Остолбенеет миг!
Друзья, от вас
не жду я поклоненья.
В нем нет движенья,
нету в нем горенья.
Биенья нет...
Прошу лишь уваженья.
Ты застываешь с робкою душой.
Ты сам не свой.
Я тоже сам не свой.
Страхни застой! Очнись.
И песню спой—
мою, но только
на струне другой.
Все, что теряю,—
нахожу в тебе!
Все, что не смог—
ищу в твоей судьбе!
Где не бывал—
там побываешь ты!
Ученики!
Моих надежд мосты.
Потоки света,
продолженье струн,—
оттуда, где Сабир и Пушкин и Вургуи!
Уроков наших вечное начало.
Застоя нет!
И никому не быть,
не быть—последним словом идеала.
Везде и только Родине служить!

ДВА ПУТНИКА

Всегда, во всем
Заглядываем в завтра,
Вершится жизни скорая страда.
Кто скажет мне,
Куда летят,
куда деваются года?..

Где зной и стужа
промелькнувших дней?
Единой доли нету у людей.
Один пешком
к своей приходит цели.
Другой верхом
несется вслед за ней.

И я пешком
прошел дороги эти.
На силу ног своих я уповал.
Не лобовым стеклом
морозный ветер—
я телом рассекал!..

Машины, поезда
летели мимо.
Мне кто-то из окна рукой махал.
Их снег не ослеплял.
Их ливень не хлестал.
Меня за всех—
хлестали дождь и снег.

Мчал пассажир
не ведая колдобин,
Был путь его накатан и удобен.
Шел пеший по ухабистой земле,

Ноторный путь,
Морщины на челе.

Доверился колесам
Пассажир,
Он ноги в кровь не сбил,
не наглотался пыли.
Лишь пешему открылся этот мир,
А ездоки в неведение пребыли.

Равны в прошедшем—
годы и недели...
Так странен, друг,
Судьбы круговорот.
В конце концов встречаются у цели
и пассажир, и пешеход.

Кто на колесах путь вершил,
Несомый волей лошадиных сил,
Кто выбрал путь
окольный и пологий,
тот высоты не заслужил.

Ты к цели привезен—и рад.
Но твой восход
Недолог и случаен.
Ты у заветной цели—квартирант.
А пешеход—
усталый, но хозяин!

МОГИЛЫ ГЕРОЕВ

Приходим в мир...
Его дела суровы.
Уходим в тьму...
Но этот край живет!
Ведь если мы погибнуть не готовы
за Родину,
то Родина умрет.

Любовь к родной земле
не на словах,
а на крови—беду перестояла.
Мы раньше срока оседали в прах,
чтоб Родина жила и вековала!

На зов ее
во всех былых веках
я слышу отклик сына—человека.
Стоит земля родная
на руках—
отрубленных—
бесстрашного Бабека¹
Хранит земля
Священную печаль.
Все памятью нетленной
поверяют.
Могилы павших
удостоверяют
величие Отчизны
как печать.

Могилы павших...
Их не перечесть.
В земле навек соединились руки.
Нашествия... Набеги...
Битвы... Муки...
Народа моего судьба и честь.

Могилы павших... Не дадут они
мне и тебе поворотить с дороги.
Назад, вперед—
куда ты не взгляни,—
Взгляд Родины
тебя встречает строгий.

Могилы павших—думы, маяки...
Прах придорожный,
суд неумолимый.
Они поют—священные могилы.
Да! Их благословения легки.

Они тебе могли бы рассказать,
как надо жить,
как надо умирать.
А умирать
и самым храбрым страшно.
Но умерли герои не напрасно.

Люблю отчизну,—
всякий повторяет.
Язык от слов давно не устает:
Но родина заправду умирает,
не будь того,
кто за нее умрет.

¹ Национальный герой Азербайджана, предводитель освободительной борьбы против арабского халифата IX века.

* * *

Нет на небе зеленых платанов,
только синий сверкающий свет.
Нет селений, вершин, водопадов.
И поэтому скорости нет...

В пустоте и следа не осталось.
Облака пронырнули. И вот
замелькала земля... Мне казалось,
что быстрее летит самолет.

Мысль моя не однажды бродила
в беспредельной заоблачной мгле.
И весомость, и скорость, и сила—
на земле, на земле, на земле!

КАРАБАХСКИЙ КОНЬ

В 1956 году английской коро-
леве был подарен карабахский
конь по кличке Заман*

Джидыр-дюзу,¹
Арена конных скачек,
Где вознесется
Иль падет джигит...
Джидыр-дюзу,
Ты скреплено печатью
Куящих гром и молнии копыт!

Конь карабахский!
Лишь услышу ржанье—
Как слух и зренье тут же возвратят
Раскаты битв, стальных мечей сверканье,
И копий звон, усиленный стократ!

Гнедые Карабаха—
шен—струны,
опора
Кер-оглы
и Баяндура!
Когда они закусят удила,
Их не держи и не спеши с погоней,—
Верны себе породистые кони,
Их ржанье возносит, что крыла!

Прошли года
Гырат, Дюрат² прошли...

* Заман — буквально — Время.

¹ Джидыр-дюзу — высокогорное плато в г. Шуше, место ста-
ринных конных состязаний.

² Легендарные кони героя эпоса Кёр-оглу.

Настало время быстрого Замана—
И прошлое возникло из тумана
И с ним влетело в новый день земли!
Зачем тебя в гремющий век авто
Заманом нарекли неосторожно?
Ведь в прошлое вернуться невозможно,
Не стать стрелой ракете ни за что!
Что имена теперь: Гырат, Дюрат?
Экзотика, забытый экспонат.

Что королева и король сейчас?
Лишь звук пустой—былое их величье.
Не мы одни—к ним Время безразлично,
Они теперь—экзотика для нас.

А королева Англии? Она—
Носительница титула пустого.
И тщетно прячет оболочка слова
Ту «власть» ее, которая смешна.
Она еще витает в облаках,
И, отводя в воспоминаньях душу,
Живет себе во времени минувшем,
А в нашем веке—будто бы в гостях.

Машины не прельстят ее очей
И самолеты, быстрые, как ветер,—
Все бешеные скорости столетья,
Живущей в прошлом, безразличны ей.

Она глядит на замерших коней,
В карете на прогулку выезжает,
Она не труп вчерашний пеленает,
А мнит себе—младенца наших дней,
И потому стремлений не скрывает
И думает: свой век опережает.

Ей конохов не по душе возня!
И вдруг пред нею, не изведав страха,
Предстал невозмутимый взгляд коня,—
Ей по душе гнедой из Карабаха!

И повелела оседлать коня.
Но головой повел Заман сердито,
И ржаньем, как бы столбом огня,
Отсек себя от конохов и свиты.

И, королевский сдерживая гнев,
Глядела на него Елизавета.
И отошли жокен, не сумев
Смирить коня—за ним была победа!
А королева — быть или не быть! —
На царственном лице сошлись морщины:
—Неужто нет в Британии мужчины,
Чтоб этого строптивца усмирить?!

И вновь впивались гневные глаза
В глаза коня, в косулий стан Замана.
Он бил копытом—и земля стонала,
И ржанье сотрясало небеса.

И понимал, как человек, Заман,
Что он пленил красой своей призеров,
Жокеев-рекордсменов, для которых
Важнее бега—стать его и стан.

Он словно бы не видел никого
И все глядел, как разгоралось солнце.
Стремительная поступь иноходца—
Вот древнее достоинство его!

Он хочет чутая землю под собой,
Ту самую, которая взрастила,
Которая ему давала силы,
Чтобы джигит на нем умчался в бой!

Нет, не жокею быть в его седле,
Каким бы ни был всадник знаменитым,—
Клич Кер-оглы он слышит боевитый,
Гырата бег он слышит по земле.

Нет, принесенный королеве в дар,
Он не дойдет, Заман, до ушнженья.

Он хочет видеть смелую Хаджар¹
И уносить, бесстрашную, в сраженья.

Он родиною грезил наяву...
Так месяцы и годы проходили,
Его изюмом по зиме кормили,
Всеной давали сочную траву.

А по утрам, когда редел туман,
Его вели на росный луг заречный,
Но ничего не ел, не пил Заман,
И провисали в золоте уздечки...

Был горек хлеб ему чужой земли.
В Британии слабел он с каждым шагом.
Не мог он жить вдали от Шахбулага,
От Даш-алты прозрачного вдали.

И он погиб, невольник гордый, вскоре...
И потому не будет он забыт,
Что доказал: кто родиною вскормлен,
Тот родине навек принадлежит!

ГОРНЫЙ ПОТОК

Слышу твой шум в отдаленье,
горный поток.
Ты в своем вечном стремленье
не одинок.
К морю свой путь через сушу
ты проложил.
Ты в эту полночь мне душу
разбередил...
Шум твой ущельями гонит
эхо в горах.
Днем умирает твой голос
в ста голосах.
Из поднебесья ты послан
миру долин.
Жажду селенья и поля
ты утолил.
Может, вернуться ты хочешь
в край ледников,
где так привольно грохочешь
среди облаков?
Где очертания строги
горных вершин?
Нету обратно дороги,
к морю спеши!
Кровь моя ходит кругами,
бьется в виске.
Сердцем я под облаками
в странной тоске:

¹ Народная героиня.

точно поток по камням—
в небытие
время несет поколения,
время мое...

Что же, и малая капля
в крохотный срок
многое может!

Не так ли,
горный поток?

ОТВЕТ

Веры хочу, чтоб за веру
было и жизни не жаль!

Бехджет Камал Чаглар

Что? Ищешь ты предмет служенья?

Я не ослышался ли? Нет!

Стал мастером стихосложения—
еще не значит—ты поэт.

Постигший все в рифмовке, в слоге,
когда дела пошли на лад,
вдруг заметался ты в тревоге:
куда бы приложить талант?

Познавший бытие по книгам,
в себе ты холил мастерство,
а твой народ

стонал под игом
вне умозренья твоего!

А родина твоя горела,
так горько,

грозно, так тиха,
но пламя то

не подогрело
в тебе ни строчки, ни стиха.
В сердцах свобода тайным светом
сияла, как ни тщился тать,
а ты молчал.

И смел поэтом
при всем при том

себя считать!
К тебе не долетали ветры,
и все же ты в расцвете лет
уразумел:

поэт без веры,

без убеждения—не поэт...
И пусть мой стих—не совершенство,
ты б понял по нему, Чаглар,
какое грозное блаженство—
от убеждения

 черпать дар!
Твое прозрение было возле,
а я, Чаглар,
 стою на том,
что раньше честь,
 а рифма после,
сначала вера,
 слог потом.

ДОВОЛЬНО!

«Древнее нашей
И мудрее нашей,
Прекрасней нашей
В мире нет земли!
Есть Кер-оглы у нас,
И есть у нас великий Физули».
Ей-богу, много говорим об этом.
Клянусь аллахом, много говорим!
Светить
Чужим стараемся мы светом.
Хоть и считаем
Мы его своим!
Да, Физули—
Кто с этим спорит?—
Гений,
Но в пафосе хвастливой болтовни
Забыли мы, что не имеет тени
Тот, кто заснул
У прошлого в тени...
Пора подумать,
Что мы значим сами,
Довольно нам кичиться именами,
Не стыдно ли хвалить орлиный взмах
С большим усердьем
Невеликих птах?
Бабека бронзой
Хвастать не пристало.
Гордясь его величьем,
Как своим.
Хранить
Героев наших идеалы—
Вот памятник
Величественный им!

Мы у подножья гениев порою
Возвышенно умеем говорить.
Хвалить героев—
Вот где мы герон,
Но, как они,
Мы пробовали жить?!
Пусть в куцах наших
Прошное хранится.
Пусть в каждом
Слава прошлая живет...
Но время с теми,
Кто вперед стремится,
И беспощадно к тем,
Кто отстаёт!

МОЙ ТОСТ

В разгаре пир—
Сошлись друзья и гости,
Все с толком пьют,
Не просто — «Будь здоров!»,
Но друг за друга
Поднимают тосты
И не жалеют друг для друга слов.
Во всю ратуют,
Но порядок знают,
Хотя и отуманены вином,
И первые бокалы
Поднимают
За тех, кто всех важнее за столом
Слова хвалы и лести наготове:
«Лишь с вашим сердцем
Наши все сердца,
За ваше драгоценное здоровье,
Устада, благодетеля, отца.
За то, чтоб вы сто лет на свете жили.
За дом ваш, за детей,
Весь род известен ваш!...»
Слова высокопарней все и лживей.
Воспрянув духом, торжествует фальш.
Прокладывая мост
к «местам почетным»,
Здесь каждый
Сделку нужную ведет,
Здесь выясняют, кто ты и почем ты,
Продажа-купля бойкая идет.
— Не выпью,
Нет!
За здравие любого...

Но пью сейчас
 И буду пить вовек
 За нашего
 Большого,
 Дорогого...
 —Прекрасный тост...
 —Прекрасный человек—
 Прекрасно слово,
 Да только делом не подтверждено.
 Хоть всем известно это—что такого!—
 Не зря ведь льются речи и вино...
 Где начинались тосты
 Друг за друга,
 Одной заботе все подчинены—
 Не совесть друга,
 А его услуга,
 Не честь, а чин
 Не знают здесь цены...
 А где ж слова людские,
 А не «тосты»,—
 Для них ли нам
 Друг друга созывать?
 Неужто мы уже не можем
 Просто
 Повеселиться, спеть, потанцевать?!

Ведь пир есть пир,
 Пусть нам не портят крови
 Всей тяжестью услужливой возни,
 И тем, кто хочет «наше пить здоровье»
 Спасибо,
 Мы здоровы и без них.
 Но если тост необходим, конечно,
 То вот он вам
 На каждый день и час:
 —За солнце,
 Что дарит нам свет свой вечный
 И ничего
 Не требует от нас.

ПАУЗЫ

Говорила.
 Я слушал.
 Но значительней слов
 Были паузы—это дыхание миров,
 Эти пропасти, лопасти в бездне...
 Постой!
 Сколько смысла в молчанье!
 Как многое можно сказать немотой!
 Вдруг увидел я: слово—в тени,
 но волшебный фонарь
 Озаряет молчанье,
 молчанье—великий язык!
 Наши паузы, может быть,
 самый толковый словарь
 Языка, на котором написано множество книг.

* * *

—Что печалит тебя?

—Ничего!—отвечаю.

Никогда не хожу я с открытой печалью.

Я ревную ко всем свои горести, грусти.

Пусть не видит никто! Я замру в захолустье.

Погаси эту лампу! Я склонен к тому,

Что веселье мое—всем, тебе и ему,

А печали мои—только мне одному.

* * *

На этом берегу Аракса—

Отчизна кровная моя.

И противоположный берег—

Азербайджанская земля.

Ну что за родина такая?!

На склоне жизни я стою,

Но целой не видал пока я

Отчизну—родину свою.

Ужель вовек не смогут братья,

Разъединенные рекой,

Приплыть и распахнуть объятья,

И крикнуть: «Здравствуй, дорогой!»

Печаль растет горой огромной.

Я стал волной твоей, Аракс...

Так Физули, с тоской бездомной,

Смотрел на родину не раз,

Смотрел на родину с чужбины...

А я—с одной земли родной

Смотрю на горы и равнины

Земли, такой же мне родной.

ЗЕМЛЯ И КАРТА

Земля везде одна и та же,
Но мы раскрасили ее,
И Карта Мира стала пестрой,—
Границ причудливо витье.

Земля же, хоть кроил иначе,
И каждый шах, и каждый царь,
Не стала меньше, или больше—
Она все та же, что и встарь.

КОНТРАСТЫ

Когда б цветы не разноцветны были,
Они бы не ласкали наших глаз,
Когда б на свете все одно любили,
Хватило б миру одного из нас.

Есть люди—подойдут к лесной опушке,
Листва дрожит—и их кидает в дрожь.
Других же не проймешь пальбой из пушки—
Махнут невозмутимо: «Ну и что ж!»

Иной, едва заметит тучи в небе,
И тотчас сам становится сердит,
Другой же видит—морем стали степи,
Но о своем по-прежнему твердит.

Есть люди— к ним приходишь озабочен,
Поговоришь—как будто с плеч гора.
Другой же скажет, будто между прочим,
Что завтра будет хуже, чем вчера.

Иной божится, врет, божится снова,
И вновь сверлят его глаза тебя.
А при другом не то промолвишь слово
И, смотришь,—покраснел из-за тебя.

Иной боится шевельнуть рукою,
Всё думает: «Что скажут мне потом?»
Другой, ничем себя не беспокоя,
Не думает годами ни о чем.

Есть люди, только тронь—тебе ответят,
Для мшенья море одолеют вплавь.
Другие перетерпят все на свете,
Хоть плюнь в лицо, но в должности оставь.

Сердца одних весь мир в себя вмещают,
Но их влечет, как прежде, высота.
Другим живот на мир смотреть мешает,
Им нет вершины выше живота.

Придется в пору не любой чувяк,
Не всякий корм захочет и червяк,
Порою соловей не сыщет розы
И не найдет ножон своих тесак.

Зимой от снега мерзнет человек,
Зато посевы согревает снег.
Вил шелкопряд себе для жизни кокон,
Но смертным ложем стал его ковчег.

Нам кажется порою правдой ложь
И с нищим иногда богатый схож.
Где клад, там часто и змея тантся,
А в мусоре жемчужину найдешь.

Часы ручные... У кого их нет!
Мы радуемся, глядя на браслет,
Забыв, что чем мы дольше видим стрелки,
Тем меньше нам смотреть на белый свет.

Не следует любую воду пить.
Перл ювелиру дай, портному—нить.
Крупинки пота—капли водяные,
Но выше перлов должно их ценить.

Лекарство примешь—боли словно нет,
Но от лекарства польза нам и вред.
В меду своем же утопают пчелы,
Добро и зло в один ступают след.

Порой сиянье порождает тьма,
Затмение же находит от ума.
Земля до срока кормит человека,
А срок придет — и съест его сама.

ТОТ, КТО ИЩЕТ, НАЙДЕТ

*Памяти Генриха Шлимана,
открывшего Трою*

Восьмилетний, прочел он Гомера.
И в памяти запечатлелись
Все кровавые битвы за Трою
И юность земли.
Чудо вещего слова, стиха звонкозвучная прелесть
Эту детскую душу нездешним огнем обожгли.

Он как будто увидел
Париса любовь и Елены,
И с Гомеровых строк
Троя в душу его перешла.
Что за слава и пышность!..
И длинные, тесные стены
Поднялись, потекли...

Расступилась забвения мгла.
Что за башни, дворцы!..
И чертог многоцветный Приамов.
И светильников блеск, и ковры, и фонтанов струи...
Через эти врата,
Мимо этих бассейнов и храмов
Проходил он во сне,
Узнавая виденья свои.

Он рассказывал сон.
А ему говорили:
«Все это—
Лишь легенда, лишь греза...
Ты истину уразумей!
Кто же знает, где правда, где вымысел в слове поэта,
Стыдно в сказку поверить,
И не было Трон твоей...»

Отвечал он:

«Не выдумка—город, Гомером воспетый!
Красота—не обман, и—сраженья во имя ее.
Ибо истина—боль,
Ибо истина—горе поэта...
Может быть, в этот мир
Я пришел, чтоб отхлынула Лета,
Чтобы Трои найти, древней были вернуть бытие...»

Только в огненной вере все силы свои обретая,
Он, загадку великую
Словно за полы схватив,
Шел за ней по пятам...
О, подвижника участь крутая—
Жизнь по капле отдать,
Населяя историей миф!
Нужен доблестный муж,
Чтоб немислимой грезя находкой,
Только поиском жить...

Для чего в этот мир мы пришли?
Поразмыслить,
так в поиске—смысл этой жизни короткой,
И влекут нас всегда тайны неба и тайны земли.
Окрыляет нас вера,
Чтоб истины с ней мы достигли.
И растрата—как прибыль, потеря—как найденный клад
В этом чистом пылании,
И, словно расплавившись в тигле,
Станет верой стремленье...
Пусть долгие годы горят!
Божество затаится,
Чтоб кто-то прозрением веры
Мог его разыскать,
Только—вера, и выбора нет:
Кто сгорел, победив этот мрак безысходный и серый,
Тот, растаяв, как воск, превратился в живительный свет.

На дорогах исканья расплавил он жизнь.
Чтобы встали
Очертания истины,
Верую освещены.

Столько гор перерыв,
Под семью отыскал он пластами
Величавую Трои
В золе вековой толщины!
Тот, кто ищет, найдет!

...Ну, а если обманута вера?
Если б не было их,
этих пышных дворцов на земле,
Если б город был создан
лишь воображеньем Гомера,
Что тогда бы нашел
Беззаветный искатель в золе?
Тот, кто подлинно верил
И цели был предан всецело,
Отстоять свою веру сумел бы на все времена...
Ведь не город искал он,
а истину
в дымке пробела.
Если истина скрыта,
то все ж существует она!
Нужен ищущий истину!
Ищущий.
Твердый, как Шлиман,
Тот, кто светом души
Мрак рассеет, сгорая дотла,
Чтобы миф оживал,
Чтобы в поиске неутомимом
Вера, истиной став,
Из души, словно Троя, взошла.

ГОВОРЯТ ПРЕДМЕТЫ

*Памяти композитора
Узеира Гаджибекова*

Концом пути зачеркнуто начало,
И начат север там, где кончен юг...

Иначе
 это имя
 заввучало.
Историей, преданьем стало вдруг.

Теперь они—музея экспонаты.
Перо и стол и нотная тетрадь.
Они переменялись в миг утраты
И, новым смыслом с этих пор богаты,
Иную ценность стали обретать.

И кажется, они заговорили
И вышли к свету, на простор Земли
Из тесноты обыденной и пыли,
И разом необычность обрели.

Начнут рассказ...
 И жемчуг лет нанизан
На нить воспоминаний в блеске дня.
Слегка подышат... И под пеплом сизым
..Мерцает сердце, полное огня.

Его любовь и радость и гордыня,
И обращенный в будущее труд,
Раздумья, страсти и мечты отныне
В его вещах безжизненных живут.

Красноречив минувшего осколок,
И век вещей, свой сохранивших строй,
Прикосновенье помнящих,
Так долог,
Что дольше жизни гения порой.

ТЬМА

По нантию я
нашел верный путь.
В час, когда на тропе
воцарилась тьма.
Когда свет вдохновенья разум включил,
Словно с глаз пелена, удалилась тьма.
Взором внутренним космос вижу насквозь,
Жизнь предвижу и там, где спустилась тьма.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Когда упал ничком я, словно спелый плод, в траву,
То вдруг прозрел:
трава шуршит и грезит наяву.
Все в размышление:
Солнце в небе,
На лугу цветы,
Порхающие бабочки,
их крылышки—мечты.
И горные вершины на закате
в размышление.
Деревья
и река на перекате
в размышление.
И каждое создание,
кем бы ни было оно,
Сейчас
всем существом своим
в себя погружено,
Купается в волшебном аромате размышленья.

РАНА, НАНЕСЕННАЯ СЛОВОМ

Недобрый взгляд разъединял людей,
Сжигал мосты, надежные когда-то.
Взглянула ты из-под крутых бровей—
И судеб связь мгновеннем разъята.

Замены нет у жизни и мечты,
Проходит срок—и исчезает тело.
В тепле души сама нуждалась ты.
Тепла души—другому пожалела.

Забудет память беды, холода,
И даже рана заживет с годами.
Недобрый взгляд не вылечат года,
И боль недобрых слов навеки с нами.

Прошла, взглянув из-под тяжелых век,
И ласкового слова не сказала.
Жив не единым хлебом человек,
Без добрых слов душа моя устала.

Терпенье с нашим сердцем не в ладу.
И я сегодня повторяю снова—
Нередко добрый взгляд лечил беду,
Жизнь продлевало ласковое слово.

Пускай тебя высоко вознесло—
Не обижай униженных судьбою.
Как жаль, что мы скупимся на тепло,
В котором так нуждаемся порою.

Ушел Мехти¹—потеря велика.
Мгновенно сердце перестало биться.
Слова смертельной пули и клинка,
Попал стрелок—и задохнулась птица.

Я болен мстью—злостью ты в ответ.
Но стоит нам лишь времени бояться.
О люди, как прекрасен белый свет,
Всем хватит места, если разобраться.

Пусть то, что я скажу, как мир старо,
Но это повторять необходимо:
Слова и взгляд да осенят добро,
Которым жизнь бессмертная хранима.

¹ Мехти Гусейн (1909—1965)—выдающийся азербайджанский советский писатель.

МЕЖДУ «ДА» И «НЕТ»

Мне даже враг понятней и ясней.
Твоя защита—хитрости броня.
Любовь твоя таится от людей,
И ненависть закрыта от меня.

Ты был хоть раз на миг самим собой,
И, сбросив маску, выглянул на свет?
Помог друзьям, с врагом вступая в бой?—
Влачащий век свой между «да» и «нет»?

Души своей и другу не открыл,
Дрожа над нею, словно скопидом.
Скользил по жизни, ловок и бескрыл,
Во всем одною выгодой ведом.

В доме твоём не слышен телефон,
Пусть гибнет мир — ты вырвал провода.
Ничей звонок не потревожит сон,
Ничья сюда не позвонит беда.

Ты вовремя ложишься и встаешь,
Покая раб—в наш беспокойный век.
Гордясь «достойным» именем, живешь,
А недостойн званья—человек.

Чин для тебя—мерило всех начал.
Его потеря—горести предел.
Ты лишь на беззащитного кричал,
Был перед ним воинственен и смел.

Собою дорожил, как ни крути,
Двуличен на работе и в дому.
Ты жил, подобно поезду в пути,
Что верен расписанию одному.

Паденье, взлет—тебе не по зубам.
В большом и малом—сильные права.
Пред ними ты сгибался пополам,
Ни разу вверх не вскинул головы.

Живешь, как узник среди пыльных стен.
Здесь стол и стул поставлен, как прибит.
Твой дом года не ведал перемен,
Тебя от всех случайностей хранит.

Уж лучше бы споткнулся невзначай,
Во тьме скользя меж стульев не спеша.
Разбил посуду, наливая чай,
На миг один, но вздрогнула душа.

И закричал, зажегся, занемог,
Пролил слезу из-под закрытых век,
Чтоб наконец я убедиться мог,
Что ты живой и тоже человек.

ВЕТЕР И ТРАВА

«Властелин—ветер, народ—травы.
Куда дует ветер, туда склоняет
голову травя».

Конфуций

«Владыки, что ветры—могучи и правы.
Траве беззащитной подобен народ.
Лишь ветер подует—покорные травы
Смирясь, принимают насилия гнет».

Конфуция эти жестокие строки
Владыки не зря повторяли века,
В них власти верховной, кровавой истоки,
И остью насилью служила строка.

Вращались вокруг и дела и законы.
Крушились империи, судьбы круша.
О, эти слова, охранявшие троны,
От коих народная гибла душа.

Как факел они освещали дорогу,
Служили владыкам огнем и мечом.
И злу поклонялись, как молятся богу,
И слыло добро бескорыстное—злом.

Всю землю покрыли болотной ржою,
Родник не пробьется, чтоб правде помочь.
И ложь побеждала народы без боя
И днем называлась владыками—ночь.

О, эти слова над веками царили,
Лишь небо с землею противилось им.
Владевшие словом мудрейшими слыли,
Владычеством лжи—был владыка храним.

Куражился ветер—гонитель свободы.
То вправо, то влево клонилась трава,
И гнали, как стадо, сквозь годы народы
Жестокие, страшные эти слова.

А истинны слово—неслышимо было.
Ведь правда тиха—а неправда гремит.
Как истинно мудрых сгубало и било,
Любой непокорный был ложью убит.

Был ветер могучий, и травы дрожали,
И били в ладони, приветствуя вой,
Поникшие травы покорно лежали,
Придавлены силой и неправотой.

О ветер! Твой разум насильем разрушен.
Пойми, наконец, очевидную суть:
Насилье противно и травам и душам.
Так хочется воздух свободы вдохнуть!

О ветер! Пойми—незавидная доля
Всесильно гулять среди полей и столиц.

Простерта трава—в этом истины воля—
Спиною к тебе, перед правдою—нищ.

* * *

Ты говорил...
Послушай нас теперь.
«Я Родину люблю»,—сказал ты.
Что ж, прекрасно!
Но за любовь
от Родины своей
не требуй благодарности
всечасно.
Всем, что ты есть:
и славою и честью,
смятением, чувством, разумом и кровью,—
ты Родине обязан,
только ей!
Ее ты любишь... Верно!
Но любовью,
ты снова ей обязан,
только ей!
Люби, но за любовь не жди награды.
Люби, любви не требуя иной.
Любя, «моя! моя!»—твердить не надо...
Все любящие говорили: «твой».

* * *

Мосты стоят
меж разных берегов,
длинною
в тысячи
и миллион шагов.

И есть один
мост,
как и все,
но только
длинною в сорок пядей,
мост короткий¹.
Но так еще длинна
его короткость,
что не видна
в веках
преодоленность.
А я иду...
и все еще в пути...
И вот уж полтора столетия ровно
как этот мост
не в силах перейти.

¹ Мост «Прощания», разделяющий Южный, Иранский Азербайджан и Советский. Построен 150 лет назад.

ДАР МАТЕРИ

Молится мать:
—Всемогущий аллах,
Ты сотворил это небо и землю.
Милость дающего—в щедрых дарах.
О снизойди,
Просьбе матери внимля.
Нет, всемогущий аллах, меж людьми
Дара, что был бы для матери слаще.
Годы от жизни моей отними,
Дай моему их ребенку на счастье...

Что она просит?
Ребенок здоров...
Что за порыв—торопиться к могиле?
Много на свете бесценных даров.
Но чтобы жизнь так охотно дарили?..

Мать—
Я не знаю превыше высот—
И благороднее имени.
Значит—
Дара нет выше.
Мать жизнь нам дает,
Да и свою щедро дарит в придачу.

* * *

Нередко мать прикрикнет на детей:
—Не бегай!
—Не шуми!
—Где долго бродишь?
—Сиди спокойно!..—
Этого не смей,
Того не смей,
И все в таком вот роде.

А что еще ребенку делать, мать?
Когда потом он сможет испытать
Такую легкость и беспечность?
Где ж он
Порадуется жизни без помех?..
Придет пора—
Измерен будет смех
И каждый шаг
Рассудком трезво взвешен.

СУТЬ СУЩНОСТИ

Гор в простор небес влечение,
вод упрямое течение,
визревших садов свечение

— суть их сущности и есть.

Старика реченье веское,
юноши отвага дерзкая,
девушки невинность детская

суть их сущности и есть.

Веры гордое молчание,
лжи бессильное рычание
и сомнения качание

суть их сущности и есть.

Сердца искренность счастливая,
чувства сила не кичливая,
слова жизнь не суетливая

суть их сущности и есть.

Стихотворца боль сердечная,
честь работы безупречная,
нежность матери извечная

суть их сущности и есть.

* * *

Свет есть свет, он—путь огня
в бездне мрака, в слове, взгляде...
Он горит внутри меня,—
поклонения ли ради?

И светильник надо мной,
уподобленный награде
за негладкий путь земной,—
поклонения ли ради?

Свет есть свет. Кинжал из тьмы.
Пусть им жизнь и увенчалась,
самой ревностной хвалы
не приемлет величавость.

Свет взрывается во мгле,
спины разогнув, колени,
ради блага на земле,
а не ради поклоненья!

ДВА СЛЕПЦА

Я знаю одного слепца,
который все же зрит, как зрячий,
и умный свет его лица
прозреньями души означен.
Он видит сердцем,

и его
считать слепым мы б не посмели...
Еще я знаю одного,
того,
кто слеп на самом деле.
Виновника чужих скорбей
он никогда бы не обидел,
при нем товарища убей—
пожмет плечами: мол, не видел.
Он душу запер на засов
и нараспашку к вам не выйдет.
Он видит циферблат часов,
а бега времени не видит.
Не выбежит на чей-то плач,
ни за кого не похлопочет...

Нет, слеп и вправду тот,
кто зряч,
но видеть ничего не хочет!

ПОЕЗДКА В НОЧИ

Скитальцев, одиноких и усталых,
напоминают ночи на вокзалах
глухой, необъяснимою тоской,
бессонной бесприютностью людской.
Здесь жизнь как будто замирает вдруг,
и если город нами морем признан
домов и судеб,
то вокзалы — пристань,
где замкнут круг
или разомкнут круг.
Здесь город начинается—

и здесь
печально гаснет шум его и говор
для каждого, кто покидает город,
но в новизне пути еще не весь.
Таинственным свистком далекий поезд
загадочную начинает повесть...
Кого, куда везете, поезда?
Иной спешит в край возвратиться отчий,
где некогда взошла его звезда
и где глаза закрыть навек он хочет.
К последней остановке поезд мчит...
Но где она?

Кто нам об этом скажет?
Залепит стекла дым.
Спать спутник ляжет,
Безмолвна ночь.
И человек молчит.
А где-нибудь на полустанке сонном,
прижав ладонь измученно ко лбу,
ждет кто-то скорый поезд,
как судьбу
в ее крутом движенье неуклонном.

А мы?

Летят незримые года.

Несутся нашей жизни поезда!

И нет уже начала и конца,

за светом красным, яростным, запретным,

за разрешающим зеленым светом

следят с наивной верою сердца.

И если даже цель тебе ясна

и понимаешь,

для чего в пути ты,

спокойный, свежий,

или злой, небритый,

застыв у запыленного окна,

весь устремлен к тому, что далеко,

что позвало, собой все в жизни знача, —

ты сознаешь, насколько нелегко

дается долгожданная удача!

Мчат поезда — протяжным стоном, песней,

веселым смехом, бременем забот...

Сойдет один на станции безвестной,

другой в огромном городе сойдет...

Никак покоя не могу найти!

Зевая, дремлют ночи на вокзалах.

О, сколько жизней, и больших, и малых,

ждут своего свершения в пути.

Дорогой жизни, скорый поезд, мчи!

Людские судьбы—

поезда в ночи.

ДВИЖЕНЬЕ

Поток, ты в мой ворвался сон,
под тихий свод ночного крова.
Ты — словно сердца долгий стон,
что ищет отклика живого.

О чем ты? — сплюсь я понять,
что в нем, протяжном этом стоне?
Мне днем никак тебе не внять.
Твой голос в сотнях звуков тонет.

Высокогорные дары —
в твоей бушующей стремнине.
Поток, ты — как рука горы,
протянутая вниз, к равнине.

И в ночь,

и в день,

весной,

зимой

летишь — как будто бы в сраженье.

Движенье всюду, и в земной

коре, и в небесах — движенье.

Мгновенья, месяцы, года,

студеность вьюги, зноя жженье,

от деда — к правнуку —

всегда,

езде, во всем оно, —

движенье!

Вершу движение свос

и я...

И жизнь без пораженья

из бытия в небытие —

и в битве —

вершит движенье!

ДВОРЕЦ И ЛАЧУГА

Л. В. Корнилову

Лачуга... Скрип прогнившего крыльца.
Здесь вырос несравненный Фатали.
Рождаются великие сердца
подчас не там, где все б им дать могли.

Из той лачуги темной яркий свет
всем заснял в округе в добрый час.
Загадки в этом, впрочем, тоже нет:
свет мысли мраком был рожден не раз.

С лачугой рядом — диво, красота —
стоял дворец, и — странно! — от него
одна лишь растекалась темнота,
какое бы ни шло в нем торжество.

Был хан — богач, а Фатали — мудрец,
грядущему, что виделось едва,
оставил хан роскошный свой дворец,
а Фатали — бесценные слова.

Дворец... Но ханским назову ль дворцом
шедевр, что создан мастером-творцом?
Да, время, небыль превращая в быль,
порою нам в глаза пускает пыль.

Хан только деньги дал и камни дал,
а мастер вдохновенно созидал,
Заказчику внимал он, не спеша,
но вот работал — как велит душа.

О, мастера моей родной земли,
что светлые чертоги возвели!
Как часто и рождались, и росли
вы в нищете лачуг, как Фатали...

НАЙТИ — ПОТЕРЯТЬ

Как ни крути, ни прыгай,
Но за подъемом спуск.
А за холмом — лошина,
Жизнь — это стая чувств.

И голубя после взлета
Снова влечет шесток.
Дороги и перепутья
Сбились в один клубок.

Опора — железный посох,
Железные сапоги¹.
Если найдем — потеряем,
Вечно даем круги.

То в воду окунемся,
То бросимся в огонь.
Если найдем — потеряем,
Таков на земле закон.

Становятся весельем
Страдания и грехи.
Я жизнь всякий день теряю,
Но я нахожу стихи.

Мы молоко взбиваем,
Но маслица вкус хорош.
Чего, брат, не потеряешь,
Того, брат, и не найдешь.

¹ Атрибуты персонажей азербайджанских народных сказок. странников-правдонскателей.

В чистилище проверят
Расход наш и приход.
За радость и за веселье
Платить приходит черед.

И всякая судьбина
Всегда о двух концах.
В ней и беда и победа,
И радость в ней и страх.

Дорожные увечья—
За скорости налог.
Нет радости без горя,
Без рытвин нет дорог.

А жизнь потому бесценна,
Что смерть стоит поперек.

И сердцу нет отрады
Без боли и стыда.
И если не станет смерти—
Зачем и жить тогда?

То в воду окунемся,
То бросимся в огонь.
Найдем и потеряем—
И это наш закон.

ПОМЕСЬ

Моему другу А. Назарли

Каурые,
 гнедые,
 золотистые —
У всякого свой облик,
 вкус
 и нрав.
И каждый схож с другими,
 но единственный —
орловец ли, казах ли, карабах.
А это кто?
А это помесь носится.
Породы, не трудись — не назовешь.
Ни то, ни се.
Хоть на картинку просится,
В движеньи слаб,
Да и скакать не гош.
Он для хорошей скачки
ноль без палочки,
себя не утруждает на бегу.
Он так и будет
шестьствовать в развалочку,
его не под седло бы,
а в арбу.
Коню породу, масть иметь положено,
такого и машине не догнать.
Да что там конь?!

У камня придорожного
должна своя порода быть и стать.

Тогда огонь о камень
высекается...
С какой горы, скалы — известно он.
Тогда и в камнепаде
с высока летя
свой дом, свой гром
представит
честно он.

СЛУШАЯ БЕТХОВЕНА

Песни — души утешенье и милость,
Я обращаюсь к вам с низким поклоном.
Что бы ни случилось, что б ни случилось,
Связан я с миром объятьем огромным.

В душах проклюнутся горные маки,
Сладостный звук нас окатит волною.
Звуки — надежда и мысли и знаки —
Вверх поднимаются вслед за струною.

Что же за мудрость в пугливых напевах?
Сердцу просторней? Мечте веселее?
Звездное небо, сжимаясь в размерах,
Песни встречает кометой Галлея.

Жизнь, — говорю я, — прекрасна, прекрасна,
Верь ей, твори с ней и радуйся миру.
Небо доступно, мечта не напрасна —
Вверх устремляются разум и лира.

ПО НОЧАМ ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ
МНЕ В СЕРДЦЕ

Я спать не хочу ни за что до утра,
Я встречу рассвет озорными глазами...
Пусть долгая ночь, как познания сестра,
Откроет мне двери в грядущее знание!

Пусть звезды осыпятся в сердце мое,
Яснее я зло и добро размежую...
Над книгой бессонной мы с ночью вдвоем:
Себя познаю, а не мудрость чужую!..

Но если любовью к грядущему дню
Не полнится ночь,
то и утро померкнет...

Я долгие ночи ученья ценю,
Они

сотворили меня
человеком!

МОЖЕТ БЫТЬ...

Я доподлинной правды,
конечно, не ждал
От увертливой присказки,
мол, «может быть...»
Как прекрасен всегда
благородный металл
«Да» и «нет»,
если он убеждением добыт!

«Может быть»
как без соли безвкусный отвар.
Пыль пускают в глаза, и за пылью — стрела...
Лучше — честной вражды
прямодушный удар,
Чем притворная мина
юлящего зла.

Может вера пропасть от шипенья змен,
И поблекнуть надежда от мелкой возни,
«Может быть» искажает воззренья твои
И становятся тусклыми белые дни.

Подозренья — всегда я врагами считал,
Плод терпенья я вырастить в сердце мечтал.
Виноград нам вино бы давать перестал,
Если б ягод незрелых ты гроздь срывал.

Сладким снам не сдаются на милость мечты,
Пред тобою вопросы сурово стоят,
«Да» и «нет» —

должен четко ответствовать ты,
«Может быть» — малодушья убогий наряд...
«Да» и «нет» — для свободных сограждан страны...
Не к лицу обречь на бескрылость мечты,
Если крылья тебе для полета даны!

МЫ НА ОДНОМ КОРАБЛЕ

Мы на одном корабле,
называется лайнер «Земля».
Мы — это я, это — ты, это — он;
и этот и тот.
Каждый печалю всех, всякий всех
веселя
Сквозь океан, сквозь шторм
вместе со всеми плывет.
Судьбы их — вместе со мной,
и вместе со всеми моя.
Мы на одном корабле,
Этот корабль — наш дом.
Сквозь океан, сквозь воздушный мрак
В общую гавань плывем.
Общее все у нас:
девятый вал за бортом,
шторма протяжный вой,
небо над головой.
Через валы нам нелегко пробраться,
и берега желанного достичь.
Ну, не забавно ль —
пассажиры,
братцы —
У каждого за пазухой кирпич?

ДАВАЙ, ПОМЕДЛИМ...

Останови, мой друг, автомобиль.
Ты видишь, —
В сказку превратилась быль.

Какая красота!
Как свет лучится,
В ущелья проникая и сердца!
Дорога далека?
Но что случится,
Коль мы доедем позже до конца?

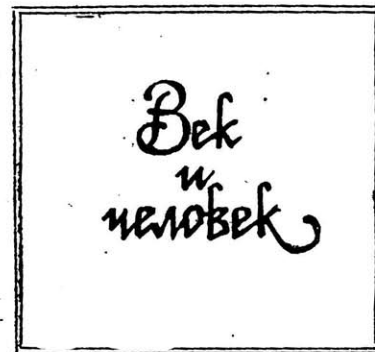
Не опоздаем все равно.
Постой,
Налюбоваться надо красотой.

Как воздух чист!
От этой чистоты
Я обновился, я родился снова.
Цветы глаза раскрыли...
Пусть цветы
В камнях от глаза прячутся дурного.

Уходит время...
Что же ты поник?
Давай, удержим время хоть на миг!
Давай, помедлим на зеленом лоне,
Где склон горы впитал закатный свет.
Ах, если б мы могли на этом склоне
Побыть еще —
На склоне наших лет!

Теперь гони.
Хоть вкось, хоть напрямк —
Ты не обгонишь время ни на миг.

Но, стоя там, где сказкой стала быль,
С ним состязаться было в нашей силе.
Остановили не автомобиль,
А время мы с тобой остановили.

* * *

Земли на свете меньше, чем воды,
Но мир Землею назван в дальний век
Лишь потому, что на земле живет
Краса и гордость мира — человек.

СОСТЯЗАНИЕ

Наш мир — подобье скакового круга,
Где обгоняют всадники друг друга, —
Так говорил философ и поэт,
Опередив меня на много лет.

Быть впереди не каждому дано,
Не мне терять от этого покой.
Мы, люди, состязаемся давно:
Все — меж собой, я — с самим собой.

Стремительностью, сердце, награди,
И я рванусь к такому рубежу,
Что голос свой оставлю позади,
Что сам себя в пути опережу.

ЗЕМЛЯ—НЕБО

Пар прозрачный, пар летучий
 небо принимает

Туча тянется за тучей—
 небо принимает.

Дым и сажу, слой на слое,
 небо принимает,

Все, и доброе, и злое,
 небо принимает.

Ужас атомного взрыва
 небо принимает.

Словно пытку, терпеливо
 небо принимает,

Все, что ни дает земля,
 небо принимает,

О пощаде не моля,
 небо принимает.

Небо воду шлет в ответ,
Небо воду льет в ответ,
 взятую вначале,

Чтоб умерить жар земли,
 смыть ее печали.

«Вся жизнь—пять дней, я в этом мире — гость», —
Решает, пятась к поговоркам старым,
И разевает рот пошире гость,
И целый век живет на свете даром.

Ну, что же я сказать могу ему?
Об этом поговорка тоже есть:
Гость глупый норовит в чужом доме
Побольше выпить да плотней поесть.

Над стадом пыль взлетает
прямо к богу!
Козел—вожак, воинственно рогат,
покашливая важно всю дорогу,
на пастбище ведет овец, ягнят.
Пастух-бедняга за своей отарой
бежит вдогонку...

Что ж, беги, беги!

Там, где ведет козел,
 хромой и старый,
нет для овец доверчивых беды.
В глазах отары выглядит геройски
ее вожак с репьями на груди.
Отара мне напоминает войско
с плешивым полководцем впереди.
Все прощати обходит стороною
козел.

идя по ровному пути.

Все овцы целы за его спиною,
и могут мирно к пастбищу дойти.
Но вот что странно... —

возле скотобойни

козел хитрит,
как будто ни при чем.

В горах овец спасавший так достойно,
становится он ловким палачом.
Там кровью пахнет...

Овцы, жалко бля,

вдруг пятятся...

Смятение в рядах...

98

Во имя жизни умереть — вот подвиг,
а ты во имя смерти умерла.
Но мало кто себя до бездны поднял,
как ты себя предсмертно поднимала!

И ты, водой, как саваном, оделась
чиста перед лицом небытия.
Твоя такая гибельная смелость
меня перевернула, дочь моя.
Те жалки, кто гнушаются корнями
и нежатся в тени своих отцов...
Ты, дочь моя, возносишься над нами
до мужества, свободного от слов.
Отец твой пел и думал не бесследно,
и Родина услышала певца.
Ты не стихами, а своею смертью
возвысилась до уровня отца.
Кто знает цену радости последней?
Никто! У жизни нет весов и мер,
но жизнь отдав отцу, как дар посмертный,
продлила жизнь короткую Улькер...

* * *

Конь мой быстролетный — хвостинка,
Руки-крылья рвутся к высоте.
Гладкие дороги и тропинки,
Первые мечтанья,
где вы, где?

Дни мои без лжи,
Где все — впервые,
Дни мои, как всплески на воде,
Мир в свеченье,
Праздники былые,
Ясные сомненья,
где вы, где?

Памятью я вижу, благодарный,
Хлеб — чурек тендирный,
Теплый,
Наш.
Чай, пропахший дымом, самоварный,
Трубочкою свернутый лаваш!

Разговор сердечный, добрый, скромный,
Все в нем —
Нараспашку, не тая!
Где же я,
Всем этим наделенный,
Где же нежность давняя моя?..

* * *

Ничего, когда слепого обзовет слепец слепцом,
Если зрячего безглазым обзовет слепой — беда!
Кто бревна не замечает сослепу в глазу своем,
Тот в чужом глазу увидит и соломинку всегда!

Потому всегда невежда норовит всех выше стать.
На язык его попался — то пощады не проси.
Кто весь мир своею грязью, злобствуя, готов обдать,
Сам барахтаться, наверно, будет в собственной грязи.

* * *

Скончался он. В слезе закрытых глаз
Весь мир угас.
И жизни свет угас.
Еще жило тепло его слезы,
И жили на руке его часы.

* * *

Человек я! Тысячи желаний, тысячи мечтаний у меня,
Но одна лишь вера —

убеждений самая надежная броня.

Компас мой — она, незаменимый. У нее на острие живом
Стрелки —

Цель моя, моя дорога, мой еще не выстроенный дом.

Все пути разветвлены, и все же без сомнений

утверждаю я:

Только нет у веры ответвлений —

вера не кончается моя!

Следуя за верой убежденной, мы идем проверенным

путем.

И недостижимого достигнем,

и непостижимое пойдем.

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ

Остановись, мгновенье!..

Гёте

Нам не хватает времени,
всю жизнь его не хватает...
Оно, словно конь крылатый,
от нас вперед улетает.

Как мартовская снежинка,
оно на ладони тает.

Нам не хватает времени.
Времени не хватает...

Мечта одного лишь часа

в три жизни

не уместится!

Не лучше ли,
как за соломинку,
за дело

нам ухватиться?

Вечно —

и ночью, и днем,

по жизни —

за часом час

влачим мы соломинку — дело,

или — соломинка нас...

Сколько не сделано — боже!

Не знаешь, с чего начать!

Это — работа на вечность,

это — работа на час...

— Не одолжите ли времени,

простите, как вас по имени?

— Ни под какие проценты. —

И не помогут протесты.

И — ни сложить, ни вычестъ —
время

отпущено в целом.

Стрелки!

Остановитесь!

Дайте покончить с делом!

Не заключаются сделки.

Дальше

вращаются стрелки,

свет

темнотою сменяется,
ибо планета вращается
вечно —

и поцно, и денно,
делая свое дело...

Сколько цветов

с ароматом,
который мы не вдохнули?

Сколько
мы недоработали?

Сколько
недоотдохнули?

Сколько одежд
не спостили мы?

Сколько преград
не осилили?

Но ведь желание

было!

...времени нам не хватило,
с временем не получилось...

Чья-то звезда скатилась,
кто-то

достиг перевала...

Времени,

времени мало!

Так воспоем откровенье
тех, кто в прозрении эщем
вдруг

остановит

мгновенье

и подчинит себе

вечность!

* * *

Весною живем ожиданьем зимы,

Зимою живет ожиданьем весны.

От малого — вечно к большому спешим,

Мечтаем о малом, владея большим.

Мы в детстве

во взрослых спешим превратиться,

А взрослыми —

в детство хотим возвратиться.

Одно ли желание?

Пять или десять?

Не счесть и не взвесить!

Не счесть и не взвесить!

Века ожидания

того и сего...

Тоска ожидания —

сильнее всего.

И рвемся на части,

И ждем свое счастье,

Имея, имея, имея его...

ДОЛГ

Сошлись, как принято в былом,
Уселись чинно за столом,
Попили чаю, чашку-две,
И, соболезнуя вдове,
Как заводные, вышли.
Смолк
Их скрип сухой.
Ужели долг
Живых перед покойным другом
Хоть как-то связан с этим кругом?
Я эту мысль прогнал с испугом.

* * *

Ты пел веками, соловей,
В садах поэзии моей.
Теперь, содрав с тебя корону,
Как если б дал ты петуха,
Тебя из нашего стиха
Прогнали камнем, как ворону.
Вдали скитаешься в долинах,
Но кто богаче стал отныне —
Стихи без песен соловьиных
Иль куст, где ты поешь в долине?

* * *

Огни семафоров считая в пути,
Я еду. — Огни пролетают, как птицы.
И ночь, две-три звездочки спрятав в горсти,
На землю сквозь длинные смотрит ресницы.

Как жаркий костер, догорает закат,
Мне весело думать, что в поезде еду.
Что в такт моим думам колеса стучат
Навстречу свиданью, навстречу рассвету.

Как светится звездная пыль, погляди,
Как эта пыльца на воде под откосом.
А вечное солнце все время в пути
И кружится так же, как эти колеса.

Колеса, колеса, по кругу, всю ночь,
По кругу, под призрачным блеском созвездий.
Но так и земля наша мчится точь-в-точь,
А можно подумать, застыла на месте.

И можно подумать, что движемся мы,
Что мы на себя эту тяжесть взвалили
И к свету стремительно рвемся из тьмы
А солнце отстало, и звезды застыли.

НЕВЕСОМОСТЬ

Пусть крыльев нет и не было у нас,
Но издавна стремились мы к полету,
И человек во сне летал не раз,
Небесную сдирая позолоту.

Стремление ввысь, крылатое мечтанье —
Врожденное ли это в нас желанье?

Как манят нас воздушные пути
И в небе пролетающая стая!
О, если б невесомость обрести,
От тяжестей земных изнемогая!

Под свод небесный уносясь мечтой,
Мы от беды спасаемся ревнивой,
И сбрасывая с сердца груз земной,
Мы меньше весим в этот миг счастливый.

Как бабочка, как бабочка, парим
Над бархатною жизнью многоцветной,
Над волшебством, над празднеством сплошным,
Над радостью, над прелестью заветной.

С заботами житейскими простясь,
Мы трепетные обретаем крылья,
И с вечностью мгновенно крепнет связь
Сама собой, вне нашего усилья.

Дома, квартиры, стены, этажи,
И лестницы, и улиц вереницы,
И площади — все это рубежи
И знаки геометрии, границы.
А я хотел бы вырваться из них,

Избавиться от всех ограничений!
Пусть слышат все,
Как рвется к правде стих,
Сметая зло, не ведая сомнений.

Что представляет мир собой? — Набор
Границ и линий, маленьких отрезков.
Душа среди них томится с давних пор,
Ей даль мила, отмытая до блеска.

Вот почему, когда на небеса
Глядим — душа, страхнув земные пути,
Взмывает ввысь. Пусть отдохнут глаза
От тесноты, от всей житейской смуты.

Простор небесный нас к себе влечет,
Стереть отрезки, линии, границы
Нам хочется, но груз земных забот,
Притягивая, не дает забыться.

И все-таки всю жизнь и я, и ты
Испытываем страстное стремленье
Избавиться от силы притяженья,
Вкусить благословенной высоты.

Но многие ли этой высоты
Достигли?
Космонавты, да герои,
Да те, в ком дух любви и доброты
Горит, как лава под земной корою.

Любовь,
Лишь ей дано нас оторвать
От косности житейской и мороки,
Она полету вольному под стать,
И творчества сродни ей дух высокий.
И день ей мил,
И сладостна ей ночь,
И любо ей земных садов цветенье.
Лишь ей, любви, случалось превозмочь
Извечное земное притяжение.

ХОРОШО, ЧТО НЕ ЗНАЕМ...

Хотя известен нам возможностей предел,
А все равно желаньям нет предела.
И снятся сны, — и как бы ни робел
Ты наяву — во сне рискуешь смело.

Когда бы жизнь мечте была равна,
Нам ни к чему бы сны, пожалуй, были.
А если б сны свершались, — не нужна
Была бы жизнь — и к ней бы мы остыли.

В любви и счастье, в горе и беде
Душа живет надеждою на чудо,
И жизнь всю жизнь нуждается в мечте,
А без мечты — она лишь тьма и смута.

Мечта, как пэри, по ее следам
Бежим... какая, в сущности, ошибка!
Отняв реальность, дымку дарит нам:
Ведь будущее призрачно и зыбко.

Как часто думы горечи полны,
Но жизнь, идя окольными путями,
Выводит к счастью. Сладостные сны
Нередко дружат с горестными днями.

Забывшись спом, раскрыл объятья ты
Цветам навстречу... Как цветник желаний
Хорош! Хотя реальные цветы,
Конечно, краше призрачных созданий.

Откуда этот голос в тишине,
Со стороны раздался он, во мне ли?

И если это я лечу во сне,
То кто сейчас лежит в моей постели?

Откуда он, поток, бурлящий здесь,
Внезапно обрывающийся бездной?..
И этот берег виден нам не весь,
А что на том — и вовсе неизвестно.

Что знаю я? «Что мало знаю я».
Всё знания так обрывочны, случайны...
А знал бы все — и сразу жизнь моя
Скучна бы стала, — что она без тайны?

* * *

Смертельный груз уносят самолеты
В невинные небесные высоты.
Машины новые,
И новое оружие,
И скорость новая,
И новая цена...
Деянье — старое,
Цель — старая,
И очень старая вина.

* * *

Полил я дерево,
 вода впиталась в землю.
Твои мне вспомнились прощальные слова.
Опять я щебету печальной птички внемлю,
А с ветки памяти слетает вниз листва.

Когда мы встретились, преодолев разлуку,
Тогда мы поняли, как жажда тяжела,
Стояли молча мы, не говоря друг другу
Слова ненужные, нас вновь судьба свела.

Как камни, косны мы и, как кора, мы грубы,
Чужие мнения у нас на языке.
Когда, потрескавшись, пересыхают губы,
Тогда вздыхаем мы о чистом роднике.

Полил я дерево,
 вода впиталась в землю.
Твои мне вспомнились прощальные слова.
Опять я щебету печальной птички внемлю,
А с ветки памяти слетает вниз листва.

НЕКРОЛОГ

Некролог — целой жизни последний итог,
Сколько лет умещается в несколько строк.
По делам воздающим последнюю честь...
Если б умерший мог эти строки прочесть,
Разрыдался бы он, рассмеялся бы он?
Посмотрел бы на нас, молчалив и смущен?
Ведь у каждого замыслов больше, чем дел,
Ведь прекрасным мечтам не положен предел.
Почему ж, подводя этот скорбный итог,
Почему бы мечты не вписать в некролог?

* * *

В последний час, в последнее мгновенье
Осознаем мы точное значенье
Всей нашей жизни,
Вот она лежит
Вся перед нами, словно на ладони.
Живи еще раз мы — на том же фоне
Она другой имела б, лучший вид.

Мы знаем все о жизни, по секрету
Обрисовать могли б добро и зло,
Но прошептать кому-то тайну эту
Нет сил у нас, и время истекло.

* * *

Я болен.
Мне б узнать сейчас температуру.
Кладу себе на лоб горячую ладонь.
Не сорок ли уже? Кому я отдал слуху
Свой градусник?
Томит сухой меня огонь.
Где градусник?
Ведь он, стеклянный, создан нами,
А знает обо мне он с точностью такой,
Что и не снилась мне...
Мое измерив пламя,
Бесчувственный, как он сверкнул бы под рукой!

КИБЕРНЕТИКА

Машина умеет
угадывать мысли:
солгать захочешь —
не даст солгать.
Машина умеет
подсчитывать мили,
уже научилась
стихи слагать!
Идет кибернетика —
век машин!
И мы, как мальчишки,
вперед забегаем:
бывает —
сами себя смешим,
бывает —
сами себя пугаем.
В умах сенсация,
даже паника:
машина рождает
себе подобных!
Хорошо, если это —
машинна-панька,
а если это —
машинна-подонок?
Тогда ей будет
не до стихов!
Обременять себя
будет не нужно
чувствами,
вроде таких
пустяков,
как тоска по родине
или дружба!..

А ты способен
на подвиг любой!
Как перед самой
высокой вершиной,
я преклоняюсь
перед тобой,
творцом,
человеком,
а не машиной.
Машина может
сван вбивать,
как самый лучший
друг и помощника.
Но можно ее
научить убивать,
она ведь машина,
она не поморщится!
А в дружбе твоей
и твоей любви
нужна ли тебе,
человек, замена?
Любое чувство
мне назови,
что так же свято
и незабвенно!
И как поэту,
и как мужчине
мне ненавистны
огонь и кровь:
можно доверить
свой гнев
машине,
но кто ей доверит
свою любовь?..

АНТЕННА

На крышах домов,
над обрывами стен,
стальные прутья антенн.
Стволы, пустившие в мир побег,
рожки, трубящие о победе
разума, о его торжестве.
Колючки венчика на голове
дня, века, прогресса,
звуковые мосты из железа,
гигантские крылья,
объяввшие мир...
Человеку угодно
каждый час,
каждый миг
из сокровищ, именуемых
всеобщим счастьем и бедою,
получать свою долю...
В клетках мозга
возник вопрос «можно»?
Люди долго решения искали...
И, наконец, как скальпель,
проткнувший коробку здания,
Порой антенна,
как голое дерево,
трепещет.
Но не от ветра!
Ее сотрясает
то, что нами содеяно.
Антенна — нерв века!

Ах, дерево без веток!
Геометрическая фигура!
Все части света
К нашим домам подтянула...

Желанья передаются по нервам,
как ток по электрическим проводам.
Все услышать хочу
первым,
дать работу своим мозгам...
Та часть света далеко,
но рядом, над крышей,
наше металлическое око,
стальные уши,
которыми слышим.

И все же... все же...
что-то меня тревожит.
Скажем, разговор со своей душой —
разве он внятен мне?
Тысяча помех!
Хорошо еще,
если мы на одной волне...
А что на душе у соседа,
перенесшего те же беды,
живущего в том же здании, —
не знаю.
Вспнюсь заранее...

Кто за это в ответе?
Я?

Он?
Кто-то третий?..
Ум наш

все хватает охотно.
Нам кажется, он глубок.
Но если душа мелководна,
Какой же в познание прок?
Давайте чувствовать
проникновенно,
давайте над сердцем
поднимем антенну!

С далью
мыслью
слились, —
сердцем
охватим
близь!

ОБСЕРВАТОРИЯ В ПИРКУЛИ

Обсерватория!..
Невзрачный домик
С куполом железным
У врат небесных,
На краю у бездны,
Что в телескопах бликами дрожит.
Он небу и земле принадлежит.
Забыв тревоги и дела земные,
На мир гляжу я сквозь миры иные,
Что родились,
Иль канули давно.
Здесь, на краю проселочной дороги,
Стоишь ты у вселенной на пороге,
Заглядываешь в звездное окно.

Посол полночный
Разума планеты,
Встречаешь ты бессонные рассветы.
Твой день тогда,
Когда звезда горит.
И там, среди галактик невесомых,
Ты познаешь в ночах своих бессонных
Мерцающих созвездий алфавит.
Ты ловишь голоса в небесном хоре,
И тьму сменяют
Пепельные зори,
И сквозь бездонного
Пространства ширь
Бредут, минуя звездные туманы,
Ночных светил усталых
Караваны,
И здесь гостят,
В ночной твоей тиши.

И только после,
Перед самым утром,
Ты возвращаешься с рассветом мудрым
В сегодняшних забот круговорот.
Но телескопа бронзовое тело
Устремлено туда,
К иным пределам,
В грядущее, которое нас ждет.
И весь твой силуэт,
В рассвете — черный,
Как будто монумент на гребне горном,
Как обелиск из будущих миров,
Куда доселе не проникли взоры...
Ты открываешь звездные просторы
И слышишь ты пространства дальний зов.

АСТРОНОМ—ПОЭТ

Ты — астроном. Я тоже астроном.
Занятие наше, словно мир, старо.
Вот телескоп. Вот хрупкое перо.
Все ищем,
Ищем,
Ищем мы в ночах
Ты — звезды новые.
Я — новые слова.
Покуда ищем мы, — душа жива.

Удачи, неудачи — череда.
Но впереди мерцает слабый свет:
Путь новый,
Слово новое.
Звезда...
Когда и где, и через сколько лет
Увидим их воочию с тобой?
Но отдыха в ночных исканьях нет,
И в тайны проникает человек,
И длится бой.

Манит светил таинственный полет,
И так тропа небесная крута...
Мы начинаем с единицы счет,
А дальше — глубина и высота.
И ты летишь — туда, где звездный ряд.

Где вероятности переплелись
И в вакууме вечности парят.

И мчишься ты, смиряя в сердце дрожь,
И, круговёртью звездною кружим,

Ты сам становишься непостижим.
Ты в этот час поэзией живешь.

Выходит, знаем мы, куда нам плыть.
И ночь для нас —
Один бескрайний дом,
И мы равны — поэт и астроном,
Когда стремимся тайное открыть.

Как труден в океан вселенский
Путь,
Там звезды слабо светятся на дне.
Но, брат мой, если суждено тонуть, —
Уж лучше утонуть на глубине,
На глубине, далеко от земли...
Не знаю хуже участи, чем страх,
Бессилье тех, кто тонет на мели,
О них забудут в тот же день и час...
Но, пусть заплатим дорогой ценой, —
Да будет путь измерен глубиной,
Где истина,
Скрытая от глаз.

ДЕД, ОТЕЦ И Я

«Мое космическое путешествие на корабле «Аполлон-8» еще раз убедило меня в том, что мы все живем на очень маленькой планете».

Ф. Борман

Мой дед лишь однажды в жизни своей
Проехал в Агдаш из Шеки,
И ему показались просторы полей
Необъятны и широки.
— И это все владения царя? —
У возницы спрашивал он.
Если подумать,
Совсем не зря
Дед мой удивлен.
Всю жизнь в Шеки всходила заря,
Заря угасала та же.
И вдруг
увеличивается земля
До самого... Агдаша!

Ровно восемьдесят километров!
Шутка ль, — по склонам гор!
Стала для деда

дорога эта
Мерой длины с тех пор.
Отец меня на руки брал, мальчика,
Подбрасывал до потолка
И спрашивал:
— Любишь ли ты отца?
Как любовь твоя
велика?

— Любовь моя велика,
Как земля! —
Кричал восторженно я.
— Молодец! —
Говорил мне отец, смеясь. —
Необъятна, сынок, земля!

Ведь мерой величия
у отца
Был мир земной,
не имевший конца...

Боюсь,
Заблудится разум мой
В пространстве, открывшемся мне,
Где руку
наш маленький Шар земной
Уже протянул к Луне.

МНЕ ЖАЛЬ ТЕБЯ

(Анонимщику)

Как ты убог, и как несчастен ты,
Бессильнейший из всех моих врагов.
Какой достигнуть хочешь высоты,
Добившись «униженья» моего?!

Мне никогда, наверно, не постичь
Не уловить твоих стремлений нить —
Какой же цели хочешь ты достичь,
Когда стремишься ближнего свалить?!

Быть может, чьей-то пакости судьбе,
Ты собственной силой упоен?
Пойми, в твоей неистовой злобе
Не сила, а бессилie твоё.

Вас много тех, кто имена тая,
Свет погасить пытается чужой...
Но писанина грязная твоя
Лишь подтверждает, что я чист душой.

Я ни печалей не боюсь, ни бед, —
На них мужал мой дух и крепнул дар,
Над бедами не счесть моих побед,
Но я тебе не нанесу удар.

Не потому, что тайно, как шпион,
Ты действуешь, от мира пряча взгляд, —
Ты сам себя убьешь, как скорпион,
В котором бродит ненависти яд.

Возвышен тем я, что живу любя,
И радостно в мой дом приходит гость.
Несчастный! Оглянись вокруг себя —
На злость твою к тебе идет лишь злость.

На злость себя ты сам обрек навек,
О, сколько зла ты на меня таньш!
Я думаю: «Неужто человек
Так низко пал, и спрятался, как мышь!

Ну, пусть достигнет цели твой донос,
Никто тебе не скажет: «Молодец!»
Но где бы ты ни показал свой нос,
Тебе одно приветствие: «Подлец!»

Бедняга! Сколько времени и сил
Потратил зря! Бумаги исписал!
Когда б ты их во благо обратил,
Ты генералом, наверное бы, стал!

МОРЕ—БЕРЕГ

Налево ли,
Направо ли пойду,
Везде, везде следы твои найду.
Глаза твои
Повсюду предо мной
Тысячеокой светят синевой.

Как от тебя бежать мне? И куда?
От этих волн, зеленых, синих, белых?
Как угадать мне —
Счастье или беда
Заволновалось,
Хлынуло на берег.

НЕ ХВАТАЕТ ВРЕМЕНИ

С людьми при жизни так всегда бывает:
То часа нам, то века не хватает.
У времени, чтоб лучше жизнь прожить,
Хоть день, хоть час хотим мы одолжить.

На быстром скакуне
Ты, время, скачешь бешено.
Ты мчишься на коне,
А мы плетемся пешими.
А пеший человек,
По всем земным законам,
И тщится, а вовек
Все ж не сравнится с конным.

А конный гонит
Своего коня,
А пеший стонет:
«Не хватает дня!»

Не покладая рук,
Мы трудимся, умелые,
Но оглянься вокруг —
Мы многого не сделали.

Как много слов и снов,
Еще не воплощенных,
Посевов и садов,
Покуда невзращенных.
Как много неизношенных одежд,
Как много неисполненных надежд!

Для тех, кто стал творцом,
Работы нет готовой, —
Перед ее концом
Придет начало новой.
По бесконечным тропам мы идем:
Подъем втекает в спуск, а спуск — в подъем.

Нам времени отпущено так мало!
Мы часто понимаем лишь в конце,
Уже с печатью смерти на лице,
Все то, что было, это — лишь начало!

ПИСЬМА

В углах своих шкафов храним мы письма,
Мы письма прячем в сундуки, на дно,
И письма, как увянувшие листья,
Рождают грусть, хоть и мертвы давно.

В былые дни мы эти письма наши
Читали со слезами на глазах!
Но отгорел костер, огонь погашен,
И я сейчас пересыпаю прах.

Те письма, чьи слова со вздохом тяжким
Я наизусть читал, во сне твердил,
Теперь всего лишь старые бумажки
С подтеками чуть выцветших чернил.

Но пожелтевшие листки угрюмо
Перебираю я в который раз...
Как собственные горести и думы
Подчас бывают далеки от нас!

Вы, что когда-то обладали речью,
Сейчас не сохранили б ничего,
Не будь воспоминанья человечьи
Живучее страдания его.

Но ваши буквы, запятые, даты,
Следы давно погасшего огня, —
Мосты, соединившие меня
С далеким берегом, оставленным когда-то.

ОТКУДА ТЕБЕ ЗНАТЬ?

О, спорщица моя, твой путь лишь начат,
И я тебе, конечно, не ровня.
Ты молода, а потому богаче,
А, может быть, и правее меня.

Хотя и не из тех я, кто завистлив,
Но я из тех, кто счет годам ведет.
Я — осень, что свои теряет листья,
Туман, оползший со своих высот.

Из двух людей счастливей, кто моложе,
И ныне делающий первый шаг.
Когда-то предстоит тебе, быть может,
Понять, что молодость прошла не так.

А мне уже пора уgomониться,
Пора смириться с множеством разлук.
Но все же уголь, что едва дымится,
Опять воспламениться может вдруг.

Что знаешь ты?
Что знает о вершине
Тот, кто весь век свой прожил под горой?
Я умудренней, ибо, старый ныне,
Уже я был когда-то молодой.

Не изнуренным жаждой слишком трудно
Понять: на свете нет желанней благ,
Чем капли влаги, что дарует скудно
Родник в степи, хоть он почти иссяк.
Прощальным светом дали озаряет
Закат порою жарче, чем восход.
И соловей нас трелью обжигает,
Когда весна уже к концу идет.

Нам, старшим, кажутся длиннее версты,
Быстрее годы покидают нас.
И то, что нам покуда тешит глаз,
Уже пронзает сердце болью острой.

Что ж до любви, любовь дается в дар
Тем, кто ее достоин озаренья.
И возраст не имеет здесь значенья:
Кто любит — молод, кто не любит — стар.

И тяжкий груз годов не очень страшен,
Покуда в жизнь еще мы влюблены.
Не жизнь годами, годы жизнью нашей
Оценивать и мерить мы должны.

И сам любить я буду все сильней
До самого последнего дыханья,
Покуда в одночасье смерть не станет
Единственной возлюбленной моей.

КТО-ТО БЫЛ,
А КТО-ТО НЕТ...*

Поэту Р. Баширли

Кто-то был, а кто-то нет
Много зим и много лет.

Жил да был богач бездетный,
Раздавал богатство бедным
Все он мог и все умел,
Только сына не имел.
Было небо у него,
Да крыла ни одного.

Где-то тьма, а где-то свет,
Кто-то был, а кто-то нет.
У кого-то дети есть,
Да в кармане дыр не счесть.
Сбоку дождь, а сверху снег.
Крылья есть, а неба нет...

Был бы молодец здоров,
Есть что есть, да нет зубов.
Есть праща, да камня нет.
Так устроен белый свет.
Никогда мы не видали,
Чтобы два конца совпали.

Кто-то был, а кто-то нет,
Кто вопрос, а кто ответ.

Некий хан ходил за нищим,
Чтоб купить его рубище.
И не то еще бывает,
И пустое—прибывает.
Кинешь камень в небосвод—
Утка наземь упадет.
Это был, как говорится,
Просто сказка-небылица.
Кто-то верит, кто-то нет,
Видно, так устроен свет.

* Традиционный зачин азербайджанских народных сказок.

ВСТРЕЧА

Сын в городе, а мать его в селе,
Живут в разлуке на одной земле.

Перед экраном мать сидит одна,
Глядит на сына, гордостью полна.

Читает сын стихи:—Родная мать,
Не жаль мне жизни за тебя отдать...

Друг против друга—сыну невдомек,
Что шепчет мать: «Осунулся сынок...»

ПЯТЬДЕСЯТ

Как все-таки вышло, что мне пятьдесят?
И что я отвечу? Мол, рад ли—не рад?..
Как будто воды долгожданный глоток,
Я выпил их разом,—все годы лишь миг.
Но был мой глоток небывало глубок,
Я знаю сегодня: он—в сердце проник.

Волнения сердца опять и опять
Меня от вершины мгновенно к другой,
Влекли... Не успел я вершин сосчитать,
Ведь я же не ведал, что значит покой.

И солнце всходило. И сердце влекло
В дорогу... А полдень уже миновал...
Уж вечер сутулится недалеко,
А я лишь ступил на большой перевал!

Как путник иду... Не считая дождей,
Снегов не считая и резких ветров.
И все же доволен я жизнью своей,
Ее повторить неустанно готов.

Так крылья расправил. Так к цели летел,
Что скорость расплавила месяцы в дни.
Я к солнцу, наверно бы, так долетел,
Ведь в космосе время—земным не сродни.

И яду испил, но и меду поел...
И все-таки юно иду по земле.
Я время свое торопить не хотел.
Само оно часто стучалось ко мне.

Его я измерил не стуком минут—
Волненьями сердца, его частотой...
Ученые, может, когда-то найдут
Изменчивость времени в жизни людской.

Когда ты наполнишь делами года,
Они пролетят, как часы или дни.
Но если ты—пуст и бездельник, тогда
Для сердца не вспыхнут полета огни.

Пусть время имеет границы свои,
Я жил не в угодку минутным страстям;
Полвека отдал настоящей любви,
Ее не измерить секундам и дням.

Взошел на вершину, где ветер поет,
Где снег... В дверь мою постучала зима.
Я прожил полвека... И счастье мое,
Что все-таки это—не старость сама.

То старец спокойный, то юноша я...
То в детство вернусь без забот и невзгод...
Но сердце от бурь роковых не тая,
Я прожил свои пятьдесят—словно год!

БОЛЬШАЯ ЛИ, МАЛЕНЬКАЯ ЛИ...

Мир не имел,
казалось нам, предела,
пока пора нная не пришла—
вокруг земли ракета пролетела
всего за час.
О, как Земля мала!

Царя и шахи,
поживиться чтобы,
кронли мир—
и кровь рекой текла.
Теперь одной, пожалуй,
хватит бомбы,
чтоб мир разрушить.
Как земля мала!

Топталась новость
вроде бы на месте
или ползла со скоростью вола.
Теперь планету облетают вести
в мгновение ока.
Как земля мала!
Рос человек,
растил мечту и волю.
Бегут дороги, версты, тополя...
Стой!
Обойди окрестные поля.
Измерь шагами, думами, любовью.
Поймешь опять—
Как велика Земля!

ЖАЛОБА НА ВОЗРАСТ

Мальчишкой представлял сорокалетних
Я старыми.
И вот сейчас пишу
О том, что сам ступил за годы эти,
Но с детством расставаться не спешу.

Так близко все—
И конь мой камышовый,
И свист кнута,
Вкус зерен на губах,
Дорога в школу,
Аромат вишневого,
Которым до корней волос пропах...

И как тут быть—
Не чувствую я годы,
Все то же сердце,
Та же страсть во мне.
То вниз, в долину, хочется,
То—в горы,
То холодно,
То весь горю в огне,

Как будто я
Вчерашний тот подросток,
Что как подарка,
Ждет другой весны.
Не упрекаю —
Улыбаюсь просто.
Не так спалось,
Чтоб видеть эти сны.

Вот и сейчас под окнами мои
Играют дети.
Как им помешать,
Когда так хочется
Быть рядом с ними,
Чтоб в детство,
Взявшись раз руки, вбежать.

Сыграть бы в прятки,
Как умел когда-то,
И, затаясь, смотреть из-за угла,
Как, запыхавшись,
Старость виновато,
Кому-то признается: «Не наша».

Увы, найдет...
Предел не за горами.
И сердце все натужнее стучит.
Споткнулся вдруг—
И виноваты камни,
Или погода—
Если что болит.
Не виноваты камни!
Сын спиною
даль заслоняет...
Только и всего?
Когда ж споткнусь вдруг
перед красотой,—
Себя считаю сверстником его.

ЧЕЛОВЕК-ЭКСПОНАТ

Люди стали не те, ей-богу, не те.

Куда мы идем и что ждет всех нас?

Раньше, скажет старейший слово—закон.

И стар, и млад. А есть ли к тому резон.

1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 26

так роптал он весь день.

Тяжело

Сам он—музейная пыль, экспонат.

открытой для нафталитов несут.

чтобы жизнь ему,

Попугайство—вот что ему по уму.

Когда звучит зурна, не дай бог, свирель

тогда пощады не жди...

Голос свой и своя в этой жизни цель.

Нет людей, как две капли похожих, нет.

По уму и запросам были точь-в-точь.

Боязнь ко всему

Почему ты крапивоюй пленен, почему,

Видеяна се по моря двестов:

Кукарекать

Залъется соловей—ты к пеню глух,

Когда все торжества и песни кончатся,

Тяжело

Сам он—музейная пыль, экспонат.

Отсюда следует, что нафталин имеет

Керамика и фаянс. Оглянись, кругом

Посмотрим на это под другим углом:

Слова твои стары, точно лунный свет.

Не лунный свет,

И фаянс был в цене, а сегодня—нет.

Кто с проблемой связан? Идет на работу,

Но разве она

Вся жизнь твоя в прошлое обращена

СЕГОДНЯ ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Ушла из жизни ты,
ушла навек.
Куда ушла—твой не знают дети.
Мгновенно исчезает человек,
Как будто никогда не жил на свете.

Погасло солнце...
В комнате темно.
Исчезла ты, как тень, в мгновенье ока.
Осталось в сердце черное пятно,
А в памяти—бездонная дорога.

Ты нас растила,
неслухов, задир,
Не зная благодарности.
Прости нам!
О мать, меня ввела ты в этот мир!
Я проводил тебя в дорогу с миром.

Пою за упокой твоей души
Я песни те,
что ты мне в детстве пела.
Поющий сон мой глаза смежил,
А ты без сна у ног моих сидела.
Ты пела мне: «Спи сладко,
мой сынок,
Спи, ненаглядный,
маленький мой воин...»
И я теперь сижу у твоих ног
И слезы лью:
«Спи, матушка, спокойно».
Да буду жертвой я твоей!

Поклон

Тебе и круг почета бесконечный.
Смогу ли уберечь твой вечный сон,
Как берегла ты сон мой быстротечный!
О, этот мир,

прекрасный как назло!
Играет мной, как свет играет с тенью.
Та, кто вчера давала мне тепло,
Плывет сегодня льдиной по течению.

О человек, витая в облаках,
За землю держишься ты что есть силы!
Несешь ты тяжесть жизни на плечах,
И на плечах тебя несут в могилу.

О, странный мир! Смогу ли я понять,
Что смерть в нем—истина,
а жизнь—лишь греза.

Ты осушала слезы мои, мать.
Кто осушит мои сегодня слезы?
Меня врачую, говорила ты:
«Да перейдут ко мне твои напасти!»
Зачем же на меня свалила ты
Такое

непомерное несчастье?
Мать,
сколько раз тебя я обижал!
Прости за те невольные обиды.
Но ты ушла.

И боль моя свежа,
Как и земля на дне твоей могилы.

Дом опустел.
Вот—кресло,
вот—кровать,
Где ты сидела,
отдыхала,
мама.

«Где бабушка?»—твердит мой сын упрямо.
Что мне ответить,
что ему сказать?

Да, странный мир.
Сосуществуют в нем

И смерть и жизнь — соседи по квартире.
Твоим дыханием согрет наш дом,
А ты уже в ином,
 беззвездном мире.
Твоя поминки:
 нынче день седьмой.

А комната твоя хранит молчанье.
Так хочется поговорить с тобой.
И высказать тебе слова отчаянья.

Заглядывают сестры мне в глаза:
— Кого позвать на мамины поминки?
— Давайте спросим маму, — я сказал, —
Она родню всю знает
 без запинки!

Еще роднее стала мне земля
С тех пор,
 как в ней родная есть могила.
Мать, ты горой стояла за меня
И гору горя
 на меня взвалила.
Теперь же
 светлым именем твоим
Назвал я дочь свою,
 к ней обращаясь,
Гляжу я на нее сквозь слезный дым,
Как ты смотрела на меня,
 прощаясь.
Ты прожила, мать,
 ровно шестьдесят.
Часы судьбы твоей теперь стоят.
Мое же время движет стрелки дня.
Оно идет
 и дни на ночи ниже.
Ты с каждым днем
 все дальше от меня.
Я с каждым днем
 к тебе все ближе, ближе...

КАЖЕТСЯ НАМ...

Нам в детстве
как будто
и время само как дитя:
еще недоступное тяготам бытия,
еще неразумное,
чисто —
святой чистотою детей.
Нам в детстве
как будто
не время даровано — тень.

Как мы его стерегли!
А время играло с нами.
Смеялось оно,
забавлялось...
Время — в руки из рук —
мячиком возвращалось.
О смене ночей и дней
знать мы тогда не могли.
И потому текли
некалендарные,
безымянные,
наши розово-пестрые дни.
Времени трезвым взором
Мы не глядели в мир.
Просто играли в прятки
с временем самим.

Выросли... Каждый из нас
выбрал в борьбе пути.
Тем временем время так спряталось,
води не води — не найти.

Время сбежало.
Мы из игры выбыли.
Был только голос издали...
Был только голос усталый...
Тем временем
нами стала
тьнь времени.

Кажется нам:
нет времени
и у времени,
как у нас,—
на многое,
и ему все теперь
безразлично, наверное.
Такая же, как у нас,
седина появилась у времени,
такая же седина...

Нет!
Это мы—обманулись.
ВРЕМЯ — во все времена —
ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ В СЕРДЦЕ

Нам радио вещает каждый вечер
прогноз погоды: «Послезавтра ливень...»
О, человек, сегодняшний и вещий,
природы прорицатель прозорливый!
Сегодня знающий, откуда завтра ветер!
Я говорю:
не возгордимся этим.
Определять умеем, без сомненья,
на всей земле погоды измененья.
Возможные порывы, колебанья
предсказываем точно и заранее...
Но отчего, всеведущие, мы
не знаем ничего о переменах
своей души хоть в следующий миг?
Четыре времени сменив за целый год,
живет земля. Приходят в свой черед
зима—зимой, весна—весной...
Все к сроку
сменяется... И никуда не деться!..
Но отчего за час единый только
четыре времени переживает сердце?
Сегодня знающим, откуда завтра
ветер,
я говорю:
не возгордимся этим!

САМОЛЕТЫ

Исмаилу Шихлы

Это сила от земли—
в поднебесные высоты
поднимает самолеты.
Ветер реял,
ливень лил —
ниже самолетных крыл.
Вот величие на взлете!
Вот величие посадки!
Горделивей не найдете
самолетовой осанки.
Самолета бег—стремительный!
Самолеты—небожители!
Пассажиру своему
гордости дают от гордости,
мужества дают от мужества...
Самолеты—вот содружество!
Не по дням, а по часам,
жизнь у часа незаметная,
связь растет межконтинентная.
Самолеты в небесах
тянут связь
и днем и ночью,
каждый раз,
и путь их точен.
Долетели
самолеты
прямо к цели.
Одолеют! Нипочем
тыщи спусков
и подъемов,
виражей
и поворотов,—

путь прямой у самолетов.
Не согревшись изнутри—
тоже не начнут работы,
скорости не наберут,
не согревшись,
самолеты.
Жизнь—и летная—не легкая...
Смерть—такая ж, как они сами,—
тоже самолетная.
Не от старости, не медленно—
как иные
оставляют
мир
и бранные заботы...
А мгновенно
умирают...
Умирают самолеты.

ВЕРШИНА

(Из цикла «Человек и время»)

Поднялся человек
На холм сперва,
затем на горы,
Где скользили тучи,
Долины те,
Где двигался едва,
Окинул взглядом
С поднебесной кручи.

Его не испугала
Высота.
Он путь не оборвал
На полдороге,
Вела все выше
Дерзкая мечта—
Туда, где прежде
Обитали боги.

Не знает разум,
Где его предел,
Рубеж мечты
Он одолел без страха.
Вершиной стал,
Кто горы одолел,
Кто был рожден
Из вечности и праха.

СВАДЬБА СЫНА

Приходит радость—и ликует голос,
Согрели душу песня и весна,
Зерно дает побег—и зреет колос,
И свадьба сына—нашей рождена.

Мой сын! Года, надеждою хранимы,
Мы жили, зная радость и беду.
Но эти дни—они неповторимы,
Как первый цвет, как первый плод в саду.

Ты счастлив только радостью своею,
А наше счастье связано с тобой,
Я этой свадьбой душу отогрею,
Мечта сегодня встретила с судьбой.

Года прошли—их не прожить иначе,
Но ты не забывай слова отца,
Грядущий день—сулит тебе удачу,
И я сегодня—счастлив без конца.

Мечты проходят, времени подвластны,
Иной сегодня цвет у них и вид,
Но ваши песни истинно прекрасны—
В них нашей свадьбы музыка звучит.

Я повторяю за отцом и дедом:
«Честь рода,
сын,
смотри не урони»,
Чтоб стыд, мой сын,
и мертвым был неведом,
Чтоб только гордость ведали они.

Они не умирают, умирая,
Молва и правда убеждают в том,
Хранит тебя земля, благословляя,
И предков дух, что песнями зовем.

Они не умирают, умирая,
Цепь бесконечна мысли и мечты,
У тех дорог, что тянутся с Алтая—
Начало—предки, а в исходе—ты.

Пусть рода дух ничем не омрачится,
Очаг родной нам светит, как звезда,
Случилось то, что и должно случиться—
Птенец взлетел из отчего гнезда.

А ты, невестка,
 сыну будь подмогой,
И наш очаг вовеки не гаси,
Весь век иди единственной дорогой,
И в трудный час любимого спаси.

Пусть эти стены станут и твоими,
Здесь жизнь твоя спокойно потечет.
Неси достойно предков наших имя,
Тыходишь в дом—тебя встречает род.

Ты тоже ветвь от корня векового,
С другою ветвью связана судьбой,
И пусть тепло родительского крова
В мой дом придет, как водится, с тобой.

Вот мой очаг—его сложили деды,
Молилась мать теплу его огня.
Да не коснутся горести и беды
Твоей судьбы. А значит—и меня.

Да будут два огня в доме едины,
Да будут ветви свято сплетены,
И не страшны ни старость, ни седины,
Как древу рода годы не страшны,

И сын и дочь—вы оба наши дети.
И вам продолжить жизнь,
 как мне,
 дано,

Не зря я жил, воистину, на свете.
Сегодня
 в вечность брошено зерно.

МАТЬ И ДЕТИ

Сын матери сказал, причем не без укора:
— Все изменяется, года проходят скоро.
Не просто объяснить тебе, родная, это.
Не задавай вопрос—нет на него ответа.

Сказала с грустью мать: «Вы, дети, поумнели,
Да, скоро вышли вы на свет из колыбели.
А прежде мы с отцом вас тотчас понимали,
В те времена, когда едва вы лепетали.
По складу ваших губ, рученок трепетанью
Я понимала вмиг тревогу и желанье».

СВОЕ И ЗАЕМНОЕ

Ты для чего решил играть в «культуру»?
Твой вид не соответствует нутру.
Ты разделил поверхность и натуру—
Такое, уж поверь мне, не к добру.

Дубленка на плечах, очки и «сейко»,
«Джеймс Бонд» в руке и фильтры на глазах—
Вот все, что украшает человека,
ты полагаешь—остальное прах.

И тысячу ролей на дню играя,
ты всякий час такой и не такой.
Твой дедушка, тулупа не снимая,
К культуре ближе был, чем мы с тобой.

Его овчина в мир вошла на деле,
Дубленкой стала и пришла домой.
Насмешки над овчиной устарели,
«Крик моды» называем—боже мой!

Твой дед не охмурял себя словами,
Творил любовь и жизнь саму творил.
Не соблазняясь чуждыми дарами,
Свою культуру он в себе носил.

Родную речь ты слышишь в отдалении,
Тебе мила беспочвенная даль.
Тебя за грош надули откровенно,
Чужой тулуп тебе подкинул враль.

Приходит и царит, уходит мода—
Как музыка в транзисторе моем,
Но доброта, но мужество, свобода
Не запоют заемным голоском.

А тот, кто моде служит ежедневно,
Живет как пустомеля. Где здесь цель?
Цель — это мудрость, красота и верность —
А не поток словесный пустомель.

Пустить слюну под западные крики —
не фокус, хоть не знаешь языка.
Вот, погляди, и западной пластинке
мелодия народная близка.

Пойми, одно достойно преклоненья —
Не мода — мысль и разума полет,
Держись всегда такого убежденья —
Культура и сама тебя найдет.

А ты кричишь — О, Элтон, Демис, Пресли —
Ты под завязку всем этим набит.
Культура не культура, милый, если
Твой ум природный дремлет и молчит.

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Откуда эти жалобы, скажи,
И вечная неблагодарность наша?
Живи и каждым вздохом дорожи.
Пусть жизнь течет в руках судьбы, как пряжа.
Книжит листва, проносятся стрижи.

А не родись—жалели бы о том,
Что нет тебя, представить бы пытались?
Как если б в стоге сена золотом
Соломинки одной недосчитались!

Что отдал бы в обмен на белый свет?
Иль получил его ты за бесценок?
Тогда к кому претензии? О, нет.
В речах бессмыслен жалобный оттенок.

Объят не молодецкою кручиной—
Впадаешь в пошлый беспредметный сплин.
Причина нашей грусти беспричинной
Намного тяжелей иных причин.

ДНЕВНИК

Веду дневник я с юношеских лет,
Исписаны толстые тетради,
В них прошлое является на свет,
Неся с собой печали и отрады.

Веду дневник. Он—кладбище моих
Минувших дней, прошедших дней, погибших.
Порой один волшебный миг среди них
Дороже многих лет, меня томивших.

Как горестно, как сладостно листать
Заветные страницы! То не строки,—
То пепел, тлеть ему и дотлевать,
То пепел чувств сгоревших, дум высоких.

Печальные и праздничные дни
Озвучены и шумом полнят уши.
То чых-то слез, лишь руку протяни,—
Коснешься, то — веселья дней минувших.

Веду дневник... Мое добро и зло,
И то, чего сказать нельзя другому,—
Таким бы жаром щеки обожгло,—
Поведано его листу сухому.

Дела свои не покрываю хной,
Сурьмы не надо истинные глаза.
Хоть мы и лжем самим себе порой,
Дневник — хранитель правды беспристрастной.

Зачем бы стал я в нем кривить душой?
И разве день сегодняшний мой лучше
Вчерашнего? И стыдно быть ханжой,
И стыдно правды горестной, кривой.

Листаю дни, мелькают чередой
Страницы жизни, временем разъятой,
И то, что угнетало на шестой,
Осмеяно мной на шестидесятой.

Былая тайна тайну выдает,
Дневник—сундук сокровищ, состоянье
Несметное мое, за годом год,
И собственных иллюзий осмеянье.

И повесть спит, лишившись новизны,
В реальность превращаются сомненья,
В обнимку спят мучительные сны
И самые счастливые мгновенья.

Дневник! Я как по лестнице иду,
За годом год—высокие ступени,
То быстро, то споткнусь и упаду,
То бодро, то дрожат мои колени.

Веду дневник! В нем все мои труды
Отражены... ведь знаю, что не вечен.
И в прошлом находя свои следы,
Я будущим надежней обеспечен.

Жизнь—это путь, петляет и кружит,
Мороз и зной, усталость и томленье,
Но запишей подневных ровный вид —
Прочту—и вдруг увижу направление.

И замерев над строчкой иногда,
Я сам себя судом сужу суровым,
И сторонюсь, и корчусь от стыда,
И вижу, как со словом спорит слово.

Но иногда своею правотой
Горжусь, делами добрыми утешен.
Хочу, чтоб мир счастливей был со мной,
Добрее был, хотя я и не безгрешен.
Чтоб ревновали, скрытые в тени,
К ушедшим дням—оставшие дни.

УПОРСТВО

Я так о будущем мечтал,
что настоящих дней
 не знал!
Как тот водитель, что с откоса
по рыхлой осыпи сползал,
дни настоящие швырял
Я—
 будущему под колеса!
Все, что имел,
 с себя срывал.
А пламень я у сердца брал.
А крылья я у ветра брал.
Я стрелки у часов украл.
—Стой!

Оглянись!

Еще не поздно!—

Я был мечтатель Бахтияр.
Теперь храню в золе свой жар.
Теперь зовут меня:
 Упорство!

ТАКАЯ МЫСЛЬ...

С душой голодной я прошу у жизни
не сытой доли,
а великой мысли!
Дай мысль такую мне,
чтобы она сияла из ненастья,
как свет в единственном окне.
Дай мысль такую мне,
чтоб выше
и любви, и счастья!
Дай мысль—дорогу,
мысль—звезду.
Блеснет!
И, перешагивая реки,
я к ней по воздуху иду.
Ее солдат—
отныне и навеки.
Иду лесами, долом, бездорожьем.
Дай мысль...
чтоб жизни
мне была дороже!
Чтоб я забыл себя—
в пути, в пыли.
Чтоб ноги сами шли,
и чтобы затекали
водой мои следы,—
и звезды в них сияли!
Дай мысль такую,
чтобы долгий путь
шумел листвою:
—Я существо и суть!
Чтоб тетивой напрячься до предела.
И внукам передать Ее,
а не свои добытки и тряпье.

И не тонула чтоб!
И не горела...
Мне снится мысль,
ее сиянье вижу.
К ней тянутся надежды и мечты,
так оживают на ветру кусты.
В себе!—
я песню боевую слышу.
Та мысль—судья!
Она определит,
что человечно истинно, бесценно,
что преходяще, суетно и тленно.
Она глазами вечности глядит!
Я просыпаюсь...
Отблеск идеала
в глазах закрытых
все бледней, бледней.
Вот я открыл глаза
и мысль пропала.
Но я живу, чтоб повстречаться с ней!

ЧЕРНЫЕ ВОЛОСЫ — БЕЛЫЕ ВОЛОСЫ

Сильно прошибла
 мои волосы седи́на.
Здорово обработала их она!
Черные волосы
 мне подарила мать.
Белые волосы
 стали их забивать.
Мать, не горюй,
 это светлые думы мои.
Это годы мои,
 это зимние ночи мои.
Это полосы дыма,
 когда сердце горит.
Разве черная дума меня тяготит?
Я не красил волос
 и друзей не чернил.
Мне лепешка нужна
 да немного чернил.
Это след моей доли—
 моя белизна.
Смерть—не горе тому,
 кто звенел, как струна.
Не жалею я черных
 волнистых волос.
И подарком природы
 давно не кичусь.
Мать, не плачь,
 просто сын твой
 немного подросток.
Сединою—
 с вершиною снежной сольюсь!

* * *

Я сам не пойму своего настроения.
Меняется быстро оно. Почему?
Не знаю, но весел я был лишь мгновенье
Назад—и опять погружаюсь во тьму.

Так точно листва то сверкает и блещет,
То гаснет, когда набегут облака,
Не знаю причины тоски этой вещей
И радости тайной, что так глубока.

Один я иль кто-то еще поселился
В душе моей? Хватит в ней места для всех,
Ах, разве я знаю, откуда явился?
Как мне раскусить себя, я ж не орех!

СОБСТВЕННЫЙ МИР

Был несчастный случай, и ашуг Вейсал
Зрения лишился в детские года...
Но огонь душевный мальчика спасал,
Озарял дорогу мальчику всегда.

Разгорался факел в сердце молодом,
Пламенным сияньем разгоняя мрак.
Юноша чудесный шел своим путем,
Вещими очами видя каждый шаг!

Темень отступила и ашуг Вейсал
Окунулся в светлый мир своей души—
Там сияло солнце, день не угасал,
Там звенели струны в неземной тиши.

«Если вы хотите, дорогой Вейсал,
Мы вернем вам зренье!»—окулист сказал.
«Нет!»—ашуг ответил.—Хоть я с детства слеп,
Не был путь мой темным, не был мир нелеп.

Не хочу я, доктор, видеть мир другим,
И не троньте, доктор, скальпелем своим
Мир, в котором прожил я немало дней,
Сотворил который в слепоте своей.

Из надежды светлой, из мечты святой
Это мирозданье в сердце я воздвиг!
Не могу расстаться с этой слепотой
Ни на час, мой доктор,—даже ни на миг!

Буду я несчастен, буду разорен,
Если мир мой рухнет,—
потому что с ним
Я одним сияньем, доктор, озарен
И ничем на свете он не заменим!

Я прекрасно знаю: он—фантазий плод
И на вашу бытность не похож ничуть!
В том-то все и дело, что во мне живет
Плод воображенья! В этом вся и суть!

Если мир мой будет вашему чета,
У меня зачахнет в сердце дивный сад!
Я боюсь: как только сгинет слепота,
Не вернется мир мой собственный назад!

Я боюсь утратить мой незрячий взор,
Дорожу я зрячей слепотой своей!
Глубоко я видел... Вижу до сих пор
Не поверхность жизни,
то, что скрыто в ней!»

Озаряя темень, жил ашуг Вейсал,
Окунулся в светлый мир своей души—
Там сияло солнце, день не угасал,
Там звенели струны в неземной тиши.

Там во вздохе каждом—тысячи стихов.
Соловьем небесным пел ашуг Вейсал,
В аромате сада, в лете облаков
Скрытое он видел, тайное читал.

И огонь прозрел он в ледяной воде,
И добро прозрел он, глядя в корень зла,
И прозрел он радость в горестной беде,
И прозрел во мраке, что душа—светла!

Там, где самый зрячий выпал из седла,
Конь летит горячий, а в седле—Вейсал!
Вот какую силу личность обрела,
Потому что собственный мир не угасал!

КОРНИ

Деревья

в глубь земли вросли корнями,
и корни
возвышают их над нами,
и корни
кормят ствол и крепнут сами.

Все, что живет у нас перед глазами,
имеет корни, чахнет без корней,
и мягкость нив, и твердь родных камней...
А наши корни—
где всего просторней,—
ведь мы их держим в памяти своей.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

На стене предо мною картина висит.
На картине—листва...
На картине—весна...
Замечательный лес!
Замечательный вид!
Только стонет береза и стонет сосна!..
В позолоченной раме, в квадратных тисках
Задыхается лес и ручьи в тупиках,
Ветви корчатся, воздух от боли дрожит
И в прокрустовом ложе дорога лежит!
С четырех эта рама сжимает сторон
Птичьи гнезда, лужайки, цветы, небосклон.
О художник, я слышу пронзительный стон,
Льют горячие слезы береза и клен!
Сквозь ущелья бежала дорога сюда,
На лету одолела холмы без труда,
Без запинки пошла на крутой поворот,
Все ручьи проскакала по камушкам вброд.
Наконец-то в лесном очутилась краю—
И уперлась, несчастная, в раму твою!
О художник, скорее услышь мою боль,—
Крик души услышав, отозваться изволь!
Ты сломай эту раму—спаси этот лес,
Ты мешаешь деревьям расти до небес,
Птицам ты запрещаешь летать высоко,
Запрещаешь дороге бежать далеко!
Разве кто-то на свете когда-то мечтал,
Чтоб дороги его упиралась в тупик,
Чтобы в ложе прокрустовом он обитал,
Задыхался в тисках?..

Этот замысел дик!

От бездушных, жестоких, безжизненных рам
Даже лес застонал на картине твоей!
Даже птицы умолкли, сидят по углам...
Даже лес, а не кто-нибудь там из людей!
О художник, опомнись! Для добрых чудес
Ты сломай эту раму—спаси этот лес
И дорогу лесную скорей отпусти.
Пусть кружится и вьется свободно в пути,
За горами теряется пусть вдалеке,
Никогда не кончается пусть в тупике!
Ты сломай эту раму, художник, сломай,
Ты лесную дорогу в тисках не сжимай,
Отпусти, протяни ее кистью в простор,
Чтобы листья вдогонку ей лес распростер,
Чтобы свежий ее обдувал ветерок,
Чтоб никто не прервал ее, став поперек!

* * *

Ты говорил, что глупо обижаться
На справедливый дружеский упрек,
А сам надулся и готов сражаться—
Лишь молвил я словечко поперек!

Нет, не в обиде я, как ты заметил.
Не с камнем в сердце я домой ушел...
Но знай: когда подует сильный ветер,
Тогда один листок—и тот тяжел!

ТИШИНА МОЕЙ ДУШИ

Тишину моей души, крик молчанья моего—
кто услышит?

Только я...

Ряд вопросов вековых—пытка страшная моя.

И однажды, наконец,

в крик беззвучный, в стон немой

я покрепче завернул

ряд вопросов вековых—и в грядущее швырнул!

Там, где падали они, там сбывались у меня

все надежды и мечты.

Так и понял, для чего крик молчанья моего,
эта пытка немoty...

Где же взять магнитофон—записать молчанья стон,
Крик молчанья, зов молчанья, весь его диапазон?..

* * *

Так хочется сказки, когда за окном
Закатится солнце за горные маски...
Так тесно фантазии в мире земном,—
Поэтому, видно, так хочется сказки!

Так хочется сказки, она бы спасла
От боли, тоски, одиночества—разом!
Диковинам разума нету числа,
Но к лунам летает за сказками разум...

Так хочется сказки, ведь крылья не те
Без воздуха этой волшебной закваски.
Так хочется сказки, чтоб жить в простоте,
Так хочется сказки, так трудно без сказки.

ДОЧЕРИ МОЕЙ

Приходишь, уходишь...

—Привет...

—Будь здорова...

Гляжу на тебя, на дочурку свою,
Ловлю твои взгляды я снова и снова—
По ним теперь душу твою узнаю.

Приходишь, уходишь...

Ни часто, ни редко...

И снова гляжу я, лишь в дом ты войдешь.

Голубка моя,

Согревает ли ветка

Тебя,

На которой гнездо свое вьешь?

Не сетуй...

Я в возрасте том умудренном,

Где знают, что жребий у каждого свой.

Отец золотым наградить может троном,

Но дать он не может судьбы золотой.

Приходишь, уходишь...

Беседа иная

Меж нами.

Не та, что когда-то была.

Приходишь ты так к нам сегодня, родная,

Как будто не здесь родилась и росла.

Застенчивей стала ты,

Стала чужая...

Когда-то шалуньей своей тебя знал!

Но ты, словно гостя у нас,

Неужели

Так скоро чужим наш очаг тебе стал?!

И как изменилась душою и правом.

Нет-нет, я твоей не мешаю судьбе,

Любить, чтоб любимую быть—твое право,

А наше—лишь думать теперь о тебе.

Любовь, моя дочь,

Каждый день, ежечасно

Беречь ты должна, как святыню теперь.

Дом отчий—опорой остался...

А счастье

Приходит в другую,

уже твою дверь.

ГАРА-ЗУРНА

Гара-зурна запеваает,
Курлычет гара-зурна—
Отставшего журавленка
В стаю кличет она...

Гара-зурна,
Твой клеткот,
Как хохот для вражьих ушей,
В нем пращур мой слышен,
Гнавший
Врагов
Из земли своей.

Гара-зурна запеваает
Опять в родимых краях,
И ветер колышет степи,
И предки мои—на конях...
В старинном яллы—хороводе
Века кружат предо мной,
И вновь оживают в сердце
Преданья земли родной.
Над башней факел пылает,
Сказания
Пробил час,
В руках у деде-Коркуда
На вечность настроен саз.

И хан Баяндур¹ выходит—
На помощь зовет страна
И гонит прочь чужеземцев,—
Пой песню, гара-зурна!
Победный напев твой
Рождался,
Над краем родным звуча,
Из зова Казан-хана²,
Из звона его меча...

Голос земли моей древней,
Песня ее без слов,
Напевом ветра седого
Звучи из глубин веков!

УТЕШЕНИЕ

I.

Время дни мои перемололо,
Потускнел огонь и чувств, и дум,
На моих ветвях осенних—голо,
Где листва их, где зеленый шум?

Ветер все печальней завывает...
До зимы мне, может, не дожить...
Только жажда жить

не убывает—

И зимы
хочу еще вкусить.

Хоть и знаю, что печальна старость,
У зимы

безжалостные дни...
Радость жизни позади осталась,
Впереди—мучения одни...

Ничего от времени не скрою,
Время взыщет векселя свои...
Годы над моею головою
Пролетели, словно журавли.

Зрение сдает... В душе—ненастье...
Но играю сам с собой в обман,
Если мне глаза туманом застит,
Говорю — на улице туман.

Все иным теперь я зреньем вижу,
Лучше вижу радость и печаль,
Пусть темнее стало то, что ближе,
Но зато яснее стала даль...

Хоть скрываю возраста невзгоды
И не чту прилюдное нытье,
Хоть бодрюсь: «Не чувствую я годы»,
Знаю—годы делают свое.

Речь моя

уже не льется сладко—
Стыдно ей зубов моих вставных,
Лишь для сына вижу кандидаток
В девушках теперь я молодых.

Это как случилось? Это что же?
Рано мне, как будто, умирать,
Но в кругу веселой молодежи
Возраст свой уже стыжусь называть.

Мир меня как будто бы обидел,
Когда возраст называют мой,
Мир дитя был,
Юношею был он,
А теперь стареет он со мной.

Может я

наскучил ему слишком!..
Где те дни далекие,
когда
Я, чтобы не выглядеть мальчишкой,
Прибавлял легко себе года!

Я тогда горел огнем желаний,
А теперь желанья—позади.
Сердце под дождем воспоминаний
Отсырело, кажется, в груди.

Почему все чаще

тех я вижу,
Что ушли в нездешнюю страну?
Почему, чем старше я, тем ближе
Чувствую седую старину?

Часто дед, отец приходят в сон мой...
Обо всем, что в мире и в душе,

ПУТИ-ДОРОГИ

Я—степь, и путь далек, ни сесть, ни отдохнуть.
Путь к самому себе — неодолимый путь.
Дороги все сошлись, все будто сговорились.
Внутри меня сплелись, в душе моей скрестились.

Откуда ж и куда так истово и яро
Я тороплюсь, боясь попасть в беду?
От Бахтияра я,
Я к Бахтияру
Всю жизнь иду,
Иду, да не приду.

БОРЬБА

Мы бьемся с морем, бурями, судьбой,
С недугом, что идет за нами следом,
С природой бьемся, бьемся с клеветой,
Одолеваем путь, что нам неведом.
С природою выигрываем бой,
Победно шествуем навстречу бедам,
И побеждаем мы в войне любой.
Идем вперед к заведомым победам.
Нам лишь исход борьбы самих с собой
Неведом.

* * *

Мой товарищ — художник творит мой портрет.
Я и сам,

как картина, — напротив.
Он глядит на меня, будто здесь меня нет,
то черкнет, то сотрет, что напортил.

Нет, не сходство одно передать на глазок
мастер умными жаждет руками:
я сейчас для него — словно камня кусок,
хочет жизнь он вдохнуть в этот камень.

Я завидую пылу чужого огня,
ощущаю кипучую душу...
Ну, а я-то сейчас, —

кто же я?

Нет меня!

Я — очаг, безнадежно потухший.

Ах, коллега, пусть даже портрет будет мил
в представление твоё о прекрасном,
ты, художник, натуру свою омертвил
своим взглядом пристрастным и властным.

Цепенею под ним и бездумно молчу,
Даже время застыло, как будто.
Стой, художник! —

тебе бессловесно кричу
я в порыве внезапного бунта.

Если думать и чувствовать нам не дано,
если праздна душа —

жизнь ли это?

Жизнь ли то, что наносишь ты на полотно?
Отвечай!

Ну, а лучше ответа —
о, художник, скорее отбрось свою кисть,
всей душою собой недоволен:
от портрета бессмысленного отрекись,
от лица, где ни страсти, ни боли!

Нарисуй —

когда двигаюсь,

мыслю,

горю,

когда жизнь не идет стороною,
сотвори мой портрет,
где я тоже творю,
нарисуй,
нарисуй меня мною!

194

13*

195

Было время, когда я,
 подобно громам,
Жил, без страха встречая любые печали.
Грудь открыта была
 и снегам и ветрам.

Это было давно.
 Это было вначале.

Были весны мои —
 и мои плоды.

И моя лишь звезда
 над землею светила.

Был я верен себе,
 не боялся беды.

Но остыла душа,
 незаметно остыла.

Что случилось, скажи,
 в этом мире со мной?

— Нет меня, — я кричу, задыхаясь от крика.
Жил я правдой,
 единственной правдой одной.

Ныне кривдой грешу,
 что от века безлика.

С каждым шагом
 все больше с собой расстаюсь.

На лице, словно маски,
 меняются лица.

Стал похожим на всех
 и признаться боюсь,

Что пора уже с миром
 безликости слиться.

Возмутиться, вспылить!
Не хватает огня.
Жизнь похожа теперь
на любую другую.
Утешенье одно
посещает меня —
По себе самому
я все больше тоскую.

ЕСЛИ НЕТ ВОПРОСОВ...

Лишь вопросы откроют сомнений замок.
Новый ключ подойдет,
Если старый не смог.
Разум путь пролагает в иные миры.
Нас тревожат загадки и держат в кольце.
И со дня сотворения каждой горы,
И доныне: в начале вопрос, и — в конце.

И вершины — вопрос, и долины — ответ.
Ночи — вечный вопрос, дни — судьбинный ответ.
Наши мысли, взыскав ответов, парят,
От земли оттолкнувшись, все выше летя.
Рассыпаются брызги вопросов, как град,
И распахнуты окна в простор бытия.

Но звучали вопросы и мучили нас,
Я не раз, онемев перед ними, поник.
В ученичестве наши ответы подчас
Превращались в оценки, заполнив дневник.

И сомнением казнь, за вопросом вопрос
Диктовал нам учитель условия задач.
Мы вопросы свои задавали всерьез,
Но оставили нас без ответа, хоть плачь.

На вопрос не отвечаю вопросом, приму
Безответный вопрос, безответность свою.
Сдать вопросы свои не хочу никому,
Лишь себе одному их теперь задаю.

Этой жизни вопросов теперь не задам,
И ответов от мира я больше не жду.
То, о чем я хотел бы спросить себя сам,
Безответно, как жизнь —
Вижу тайн череду...

Мы на звезды вопросов закинули сеть,
Мы взыскуем,
и мрак

превращается в свет.
— Кто мы, если вопросы иссякли, — ответь?
...Ни самих нас, ни мира,
Я думаю, нет.

* * *

Взгляни — течение жизни
напористо и шумно,
Умом своим не хвастай,
упорным быть умей.
Когда я понимаю,
что поступил неумно,
В то самое мгновенье
я становлюсь умней.

КОГДА ПОГАСНЕТ ТЕЛЕЭКРАН

Горит экран
Последние минуты,
И диктором я лично
Приглашен
Смотреть программы завтрашние —
Утром...
Куда спешить?
Ведь день не завершен!

Не кончен он.
В своем служебном рвении
Ты к «завтра» день сегодняшний
Пришил,
А в нем остались
Лучшие мгновенья —
Которые еще не пережил.

Я каждый день
Воспринимаю даром,
Когда бы крали у судьбы —
Украл.
Что молодость? —
Она дается даром.
А старость наша —
Грустный капитал...

Спать не хочу.
И зря меня ты травмишь.
Мое «сегодня»
Все еще со мной.

День для тебя прошел,
Но для тебя лишь.
Ты зря спешишь,
Вступая в день иной.

Ты зря спешишь.
Не уходи так рано.
Не оставляй меня
Наедине
С погасшим,
Словно умершим
Экраном
И в одиночестве —
На самом дне.

Займем у ночи
Время.
Что ей — ночи? —
Грехов и колдовства
Не занимать.
Ты хочешь спать?
Неужто, вправду, хочешь?
Ведь спать —
Синоним слову «умирать».

Продолжим ночь —
Пусть будет долгой, длинной.
Глаза в глаза —
Поговорим без лжи.
Пусть ночь сольется с днем,
Гора — с долиной.
Давай поверим —
Бесконечна жизнь.

Спать не хочу.
Бессонница — спасенье.
И потому, быть может,
Потому,
Что дорого мне
каждое мгновенье.
Когда засну —
Я их похороню.

Экран погас.
Ушел мой спутник добрый
Или соперник—
Как его назвать?
Не оставляет, жаль,
Душа подобий—
Я с ними мог бы
Время скоротать.

Погас экран—
О, как ты, жизнь, жестока!
Я одинок.
Сижу в ночи, скорбя,
Но где-то есть
Такой же одинокий,
С душой такой же,
Как найти тебя?

ОДИНОЧЕСТВО

Наедине, но разве одинок ты?
Ведь не дают
тебе заснуть заботы
о тех, других—
все сделал ли, что мог?

Пока ты с ними—
ты не одинок.

Чужая боль в твое вселилась
сердце
и некуда от этой боли
даться.
Кому-то плохо—
встанешь рядом с ним.

Чужое сердце
сплавилось с твоим.

Когда же ты
решишь в уединеньи
жить для себя,
не ведая сомнений,
когда закроешь душу на замок—
Пусть жизнь кипит вокруг—
Ты одинок.

МИГ ТИШИНЫ

Учит мудрости тишина
и перо мое ни к чему—
мысль
невидима, неслышна...
Дайте мне тишину!

Я постигнуть хочу язык
тишины
и понять сполна,
что есть вечность
и что есть миг?
Мудрость времени — тишина.

О, таинственный, странный
мир—
мысли
больно обнажены
и прессуется
вечность
в миг
тишины.

ДОБРОЕ СЛОВО

Скажи мне слово самое простое,
но доброе.
Не более того!
Я, может быть,
его и не достоин,—
лоб расшибу,
чтоб оправдать его...

Друг! Ведь одно
грядущее мгновенье
дороже жизни,
что успел прожить.
Уж лучше правды
горькое прозренье,
чем похвалу неискреннюю пить.

Две жизни бы имел,
и каждой жизнью
когда бы вольно я располагал,
злоречью в жертву,
чтобы справить
тризну,
одну б из них я с радостью заклал.

Кто пойманную рыбу
отпускает,
тот благодарности ее не ждет.
Самозабвенных
жизнь не забывает.
Самовлюбленных—
прах забвенья ждет.

И доброе к добру
само пристанет—
так повелось уже из века в век.
От доброго—
хороший лучше станет,
хорошим—
нехороший человек.

Сын человека,
говори, как должно,
и словом горьким
души не травни.
Коль люди мы,
то значит непреложно—
жить каждому среди людей.
Живи!

Скажи мне слово самое простое,
но доброе.
Не более того.
Я, может быть, его и не достоин,
лоб расшибу,
чтоб оправдать его.

ОТКРОЙ ОКНО

Я не боюсь простуды. Окна настежь!
Пусть в комнату врываются ветра.
Распахнут мир, и не законопатить
Его, как душу, в эти вечера.

Идет весна. Не закрывайте окон!
Как воздух чист, как небосвод высок!
Глядите в даль, и в отсвете далеком
Прекрасный мир ложится на висок.

И слово жаждет той струн воздушной,
И новой жизни, новой красоты.
Сюда скорее, ветер простодушный,
Влети, смети и царствуй. Где же ты?

Гори гроза, чтобы под горсткой пепла
распоыхалось огнище души,
Чтобы, взмывшись, сгнинули бесследно
черновики, листы, карандаши.

Я врос за годы в этот стол угрюмый,
Я жизнь расплавил ради новизны.
Да, буду я достигнут новой думой,
Отжившие—скорей уйти должны.

Грядущее хочу узнать сегодня,
Любимая, не закрывай окна!
Пусть торжествует свет, мне сердце полно,
Пусть воплотится в слове новизна!

ИЗУМЛЕНИЕ

«Изумление—бог мой!»—когда-то поведал
О тебе всему миру

поэт Физули.

Не сумев изумиться, не станешь поэтом.
Изумишься—и строки в тетрадь потекли.
Говорят, равнодушие опутало землю:
Ни особенной радости,

ни печали навзрыд.

Говорят, наше время чудес не приемлет,
и душа не пылает, а только чадит.
Утверждению скептиков

удивляться не будем.

Но, пройдя полпути, я постиг, наконец:
Если бог изумленья не милостив к людям,
Виновато не время, а холод сердец.
Красота не покинула мир,

но, положим,

Ты не видишь ее.

Разве мир тут виной?

Лед сковал родники...

Так порой заморожен

Взгляд души человека, насквозь ледяной...
Облака нежно-перисты, небо бездонно,
В лабиринтах земля—от ущелий до скал.
В раннем детстве на мир я взирал изумленно
И свое любопытство, как коня, объезжал.
На лугу изумления

собирал я вопросы.

Знал:

ответы на них

расцветают уже...

Если б мир мне казался

бездушным и плоским,

208

Изумился бы, верно,
своей плоской душе.
Изумляюсь неистовому цветению
Из скорлупки проклюнувшихся лепестков,
Изумляюсь победному, полновзвучному пенью
Бессловесной природы—

поэта без слов.

Разве все чудеса на земле перечислю?
Разве всем овладею,
что лежит в тайнике?
Изумляюсь своей неоформленной мысли,
К месту сказанной фразе,

крылатой строке.

Изумлен сострадающим,
созидающим сердцем,
Разжигаящим чистый огонь без золы.
Изумлен семенами,

что в землю мы сеем,

И цветком, возникающим

вдруг

из земли.

Соловьиная трель—

изумления возглас,

Изумления возглас—

воркованье ручья.

Изумленья исполнен струящийся воздух,
Изумленьем певучие ветры звучат.
Вижу камень,

могучей скалой изумленный,

Вижу ветвь,

изумленную пышной листвою,

Вижу сушь,

изумленную влагой соленой,—

Сам собой изумлен

этот мир неживой.

Так не будь, человек, равнодушным и скучным!
Изумляясь, живи!

Изумляясь, умри!

Одари меня светом, теплом и радушьем
И взамен мою душу без остатка бери!
Вряд ли чей-то костер

твое сердце согреет,

Если искру любви обронил ты в пути.

209

В мир взглядись,
 охвати его весь,
 чтоб скорее
 Изумление в сердце своем обрести...
 И когда я умру,
 не смежайте мне веки,
 Загляните в глаза,—
 попрошу я родных,—
 Не тупое страданье
 в них застынет навеки,—
 Вечный луч изумленья
 прорежется в них.

МОИ ИСКАНИЯ

Жизнью согреты мечты и заботы.
 Душу свою о спасенье прошу:
 Денно и ночью ищу я чего-то,
 Сердцем на слух и на ошупь ищу.

Денно и ночью, не зная покоя,
 Ищет чего-то,

 чего-то!.. душа.
 Строчку какую иль слово какое
 Ищет, не зная покоя,
 душа.

Вот оно! Слово, как жемчуг, сияет.
 Радуюсь строчке своей, как дитя.
 Но убеждаюсь я сутки спустя—
 Жажды души оно не утоляет.

Я воплощаюсь в свое же волнение.
 Сколько находок, восторга, труда!
 Но не испытываю наслажденья
 в найденном никогда.

Снова и снова искания трепет.
 Снова дорога,
 где песен не счесть.

Нету!
 Той радости в найденном нету,
 Той, что в отчаянных поисках есть.

Я — КОМПАС

Нет меня. Я с мыслью слит.
А мысль сама—
Мой сателлит.
Я—плод ума. Я—плоть ума.
Я с высью слит.
Я—монолит.
Ни разветвлений—ствол мой прям.
Ни разделений—нам и вам,
Ни раздвоений пополам:
Двух «я» синклит—
Он мне претит!
Я—стрелка компаса. Я—цель.
И никакая канитель
Меня с дороги не сманит.
Я с мыслью слит,
Я с высью слит.
Я—монолит.

СТИХИ О СМЕРТИ

1. Миг—тысячелетье

Мать умерла...
Последний вздох.
Последний всхлип.
Последний вскрик
перед тем, как уйти,
последнее нам: «Прости».
Человек,
который всего за час перед тем
думал,
любил,
хотел,
в постели окаменел.
И действительность
и ничто
потерялись, слившись в одно.
Миг прошел,
как мать умерла,
а живое—лежало камнем.
Самого себя—отрицанием,
отреченьем от человеческого...
Миг!
И от нас отдалена
оказалась на тысячелетия.
Это, наверное, время над нами
всеми
смертями,
смертями,
в спину нам усмехается...
Кто говорит,
что время
минутами
исчисляется?

2. Надгробие

Мать схоронили...

Пролиты слезы
до капли.

С этого дня в изголовье могилы,
вместо мамы—

надгробный камень.

Маме на смену—встало надгробье.

Тень и сама она—рядом обе.

Да умерла ли?

Как не жила вовсе...

Надписями на камне,
каменными прописями,
именами живых—
вот чем здесь отличается
один человек от других.

3. Время

Но через месяц... Через месяц ровно
я вновь пришел на кладбище.

Не с мамой—увидеться

с ее надгробным камнем,

И не нашел...

Своим глазам не веря, я бродил,
искал, не понимал, не находил...

И вдруг меня как будто осенило!

Ведь хорошо я помню:

во время похорон

была последняя ее могила

на кладбище...

А нынче — сколько их со всех сторон
прибавилось.

И дальше все хоронят...

На кладбищах, где времени не помнят,
оно и здесь,

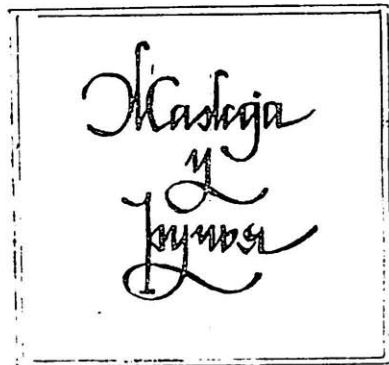
и здесь!

Не просто умирали

все мертвые...

Сходя в свои могилы,

они за шагом шаг и время отмеряли.

ТЕНИ ГОЛОСА

Ты тайна, колдовство — не знаю что ты?
Но чарам покоряюсь я твоим.
Ты темная, таинственная нота,
И голос твой почти неразличим.

В твоей душе все дальше так близко,
И смех, и эти слезы обо мне.
И сквозь ресницы проступает искра,
Из таинства рожденная в огне.

Но просиявши молнией во взоре,
Куда она направит острие?
Град возвестит или грозы раздолье?
Каким окликнуть именем ее?

Но может, ты портрет, картина, фреска,
Где черное и белое светло?
Так почему среди контрастов резких
В твоей тени мне все-таки тепло?

Густая тень граничит с многоцветьем;
Я заплутал, и где возьму ума
Понять—а ты при том или при этом?
А может, ты раздвоена сама?

Тебя не вижу—лишь твое дыханье...
Твои приметы я могу узнать.
Поток травы и листьев трепетанье—
Вот для меня твой неперенный знак.

Все эти тайны как смогу понять я?
Один лишь голос слышу ветровой.
Горы волшебной тайное заклетье
Хочу я вырвать у горы самой.

А, может быть, простой цветок ответит,
Поток в долине выболтает мне?
Я о хребтах спрошу у скал отвесных,
А у золы узнаю об огне.

Не нужен мне шепот невнятный,
Я верное слово ищу.
От душной и темной подкладки
Наверх я, к простору иду.

Теперь я слышу громкое веленье—
Пробейся к слову через звучный грай,
В основу глядя, узнавай явление,
Внимая звуку, слово постигай!

* * *

Чего мы хотим,
ты и я,
мы не знаем уже,
и, как две звезды, мы в тумане с тобой заблудились.
Чего же хотим мы? Душа не ответит душе.
Не знаем...

И вот оттого-то в ничто превратились.
День светом сияет—и светится ночь темнотой.
Ни света в нас нет и ни тьмы озаряющей той.
Летит сердце к сердцу, звезда же летит от звезды...
А мы и не там, и не тут—на распутье беды.

Я пьян ароматом цветка, что я встретил в пути.
Сорвать его — подло, не тронуть — нет муки больней...
Цветок мой, идем мы с тобой для того, чтоб идти.
Нет цели у наших текущих безудержно дней.

Конечно, кто знает, что сбудется завтра, потом?
О завтра подумаем завтра, а нынче—о том,
что в мире бывает такая святая вина,
которая больше, чем благо,
во благо дана.

Не надо печали! Пусть горы поглотят твой стон,
и ты позабудешь его, как безрадостный сон,
ведь, губы твои опалив беспощадным огнем,
он мглы не рассеет, и ночь он не сделает днем.

И все ж согласись: даже маленький самый листок
колеблется только от ветра, пусть он и жесток.
И так же без дрожи листка, с веткой всей заодно,
о ветре, большом или малом, нам знать не дано...

Чего мы хотим,
ты и я,
мы не знаем уже.
Желания наши рассеяло звезд решето.
Чего мы хотим друг от друга?
Темно на душе.
Не знаем...
И вот оттого превратились в ничто.

* * *

Ты суждена мне, ты наречена,
Ты ночью солнце мне, а днем — луна.
Зимою лето, осенью весна.
Но чем бы ни была, ты мной любима.
Когда ты далека — ты не видна,
Но если и близка — недостижима.

ЖАЖДА У РУЧЬЯ

Я был рожден мечтой о высях вековых,
О горной крутизне, повитой снежной мглой.
Мой ненасытный дух лениться не привык.
Пылать, любить, страдать—
вот образ жизни мой!

С крылатою мечтой я сросся в детском сне,
И юностью моей дышал ее полет,
И в зрелости она глаза раскрыла мне—
Во всю земную ширь, во весь разгул красот.

Тянусь, тянусь, тянусь—
 к тебе, горящий куст.
 К тебе, дрожащий клен,
 к тебе, цветущий мак!
 Я столько испытал восторгов, страстных чувств,
 Но жаден—
 не могу насытиться никак!

Я пьян от красоты,
распахнутой вблизи,
И дальней красотой безумно одержим—
Ее далекий свет
мне сердце просквозил,
Но ненасытен я—
как мир, где мы бежим!
Я ждал весны, мечтал
хоть этою весной
Я надышаться властью!
Не смог. И не смогу.

Опять я поглощен житейскою волной,
Цветка не разглядеть—
 бегу, бегу, бегу!
Ох! Это что за вздох?..
 И что за странный стон?..
Вот новость—
 прожил жизнь,
 как будто не живя.
Я видел на бегу
 о жизни сладкий сон.
И на бегу не смог напиться из ручья.

СЧЕТЧИК

—Тебе я отдал молодые дни,
Из-за тебя в огне любви сгораю,
А что взамен? Страдания одни!
Сравни — что я обрел и что теряю?

—Любимый, кто способен пламенеть,
Тот вечно жаждет этого удела.
Зачем же ты, как счетчик на стене,
Считаешь, сколько света нагорело?

ЗАМОК

Ревнуешь ты
 ко всем
 и ко всему!
Подозреваешь ты
 на всякий случай.
К чему такая ревность—
 не пойму.
Ты ни себя
 и ни меня не мучай!—
—Но я люблю...
 Да, ревность велика,
но в ней—любовь...
 Грех—ревности пугаться!
Сама огромность
 тяжкого замка
всегда
лишь от огромности богатства...

КОСЫ НА ЗЕМЛЕ

Тяжелые косы на землю упали,
Ты срезала их, у меня не спросив.
Как часто их губы мои целовали,
Был цвет этих кос бесконечно красив.

Я гладил ладонью любимые пряди,
Был запах волос так приятен всегда,
Ответь мне, какой это выгоды ради
Ты срезала то, что растила года.

Тяжелые косы на землю упали,
И, в кольца свернувшись, застыли в пыли.
Как часто их губы мои целовали,
Мои поцелуи на землю легли.

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

Любовь и жизнь —
Два полюса земли .
Для тех,
Кто предков преступил закон,
Но не любить друг друга
Не могли
В свои семнадцать лет—
Она и он.

Для тех, кто чашу счастья
Пригубил,
И смерть сама
Нимало не страшна,
Он беззаветно милую
Любил,
Она была
Не меньше влюблена.

И вот уже застыли
На скале,
Кто смерть разлуке долгой
Предпочел,
Ползли под ними
Люди по земле,
Парил над ними
Медленно орел.

С вершины жизнь —
Ничтожна и жалка,
Последний крик
Услышали орлы:
«Прощай, любовь,
И здравствуй на века»...
Он, чуть помедлив,
Прыгнул со скалы.

И взмыл в бессмертье,
Распрямив крыла,
И пробил час,
Настал ее черед.
Но, сделав шаг,
Другого не смогла, —
За милым вслед
Отправиться в полет.

Лицо **закрыв**,
От края отошла.
Душою страх паденья
Овладел,
Лишь миг назад —
Крылатою была...
Жизнь без любви —
Предавшего удел.

Лишь миг назад —
Бессмертию сестра,
Ушла любовь —
За нею вслед душа.
И видела усталая гора,
Как вниз спустилась девушка,
Спеша.

Ей крикнула гора: —
«Остановись!»
Путь преградили
Камни и ветра.
Трава и ветви
Не пускали вниз,
«Ты поклялась» —
Напомнила гора.

И эхо
Повторяло этот зов,
Металось и кружилось
Среди скал.
Но разве убеждает
Сила слов
Того, кто сам
Любовь свою предал?

До дома незаметно
Добрела...
Связала жизнь с немилым
Через год.
Но позабыть, однако,
Не могла
Ни слов любви,
Ни гибельный полет.

Тянулись долго
мертвые **года**,
И жили врозь
Живущие вдвоем.
Мы умираем
Именно **тогда**,
Когда за жизнь
Бессмертье отдаем.

Костер погас,
Зола еще тепла.
Но с каждым часом
Пепел холодней.
Несчастной жизнь
К финалу подошла,
И смерть с судьбою
Сжалились над ней.

Простуды случай
Женщине помог,
И день дожить ей
Не хватило сил.
Кого огонь любви
Совсем не сжег,
дыханьем слабым
Ветер погасил.

Вот две судьбы.
Легенда их свела.
И каждый волен
выбирать удел.
Одна, предав,
До смерти умерла.
Бессмертьем смерть
Любивший одолел.

УХОДЯ ОТ ТЕБЯ

Ты живешь на самом верхнем,
самом верхнем этаже.
Ты испытываешь сердце,
что испытано уже.
Ты советуешь напрасно:
«Будь умеренней чуть-чуть.
Поднимаясь по ступеням,
не стыдись передохнуть».
Не ступенями
усталость
измеряется моя.
Поднимаясь,
три ступени
перешагиваю я.
Но спускаясь,
три столетия
трачу на одну ступень.
Делят натрое перила
исковерканную тень.
Ухожу один, а в доме
были мы с тобой вдвоем...
Спуск по лестнице пологой
превращается в подъем.
Я прощаюсь,
я спускаюсь,
я растягиваю шаг,
Тяжесть взглядов невесомых
ощущаю на плечах.
Я иду, оставив радость,
взяв беду с собой,
иду.
Я о собственное сердце
спотыкаюсь на ходу.

Облегчение и тяжесть —
все смешалось, как назло,
Подниматься мне не трудно,
мне спускаться тяжело.
Не берет меня сомненье,
удивленье не берет,
Ведь в любви, я это знаю, —
вечно все наоборот.

ПОЭТ И ДЖЕЙРАН

Молчал поэт, джейраном восхищен.
Джейран спросил: «Скажи, ты чем смущен?»
О красоте джейрана ходят песни,
Но ничего о том не знает он.

Ах, если б мог понять на миг джейран,
Как легок бег его, как строен стан,
Как глубоки глаза, как нежен мех,—
То сам бы удивился больше всех.

ПАМЯТЬ РУК

Хорош ли, плох ли мир,
Он смотрит свысока
На нашу жизнь—
Запутались **беспечно...**
Тепло твоей руки
Хранит моя рука.
Как память рук
Остра и долговечна!

От света к свету
по дороге звезд
я возвожу
над темнотою мост.
Мгновенья—камни.
Долгий путь мощу.
Там я забыть,
забыть тебя хочу!

И нету песни,
чтобы мне помочь.
И боль унять
Иль к боли притерпеться.
Как сладить мне с собой?—
Длиннее жизни ночь,
Забудут руки—
Не забудет сердце.

В РАЗЛУКЕ

Нет тебя. Разлука есть,
вечности сестра.
Что ни день—за белый лист
я сажусь с утра.
Еле-еле длится срок,
шелестят листы.
Из моих неровных строк
возникаешь ты.
Я душой к тебе лечу
через небосклон.
Милый профиль твой черчу,—
не выходит он.
Ускользаешь ты, как дым,
таешь не спеша.
Профиль твой неуловим
для карандаша.
Загораясь и скорбя,
я пишу, пишу...
Ты—мой воздух.

Нет тебя.
Как же я дышу?
Сколько зим и сколько лет
только ты одна
по весне — мой белый снег,
по зиме—весна!
Без тебя слышней стократ
самый робкий звук...
Все влюбленные не спят
в дни своих разлук.
Все сомненья—на весы!
Я любви учусь
в эти строгие часы
испытанья чувств.

...Что с того, что сто разлук
были и прошли?
Я узнал тебя, мой друг,
от тебя вдали!
До отчаянья любя,
всей душой храня,
понял я, что без тебя
просто нет меня.
...Тот разлуки не постиг,
кто в стремленье—жить!—
захотел единый миг
в вечность обратить.
Никогда для нас с тобой
не был прав поэт:
миг в разлуке—он порой
дольше долгих лет!
Миг в разлуке—тишина,
что вмещает мир.
Миг в разлуке—середина
за единый миг...
Счастлив я моей тоской,
счастлив,
что, любя,
я, любимая,
с тобой,
даже без тебя!

ПРИСНИЛСЯ СОН МНЕ...

Приснился сон мне на заре весепней...
И длился сон мой
 в сладкой тишине
И жизнь моя
 промчалась, как мгновенье.
Как призрак,
 промелькнула в этом сне.
И в этом сне
 себя я не заметил,
Наверно, я
 лишь тенью твоей был.
Ты в этом сне
 , одна жила на свете,
Одну тебя
 я в этом сне любил...
Я не расслышал
 ветра дуновенья,
И даже свой я не
 услышал стон,
Твоим глазам
 и клятвам твоим веря,
Я крепко спал.
 Я сладкий видел сон...

ШУБЕРТ. «НОЧНАЯ СЕРЕНАДА»

Что сладостней тебя,
«Ночная серенада»?
Течет за звуком звук,
Полночная прохлада.
Жить можно ль, не любя?
Как будто в гуще сада
Таясь, любимый друг
Глядит на жизнь, скорбя.

Что может быть родней
Мелодии печальной?
Лицо твое за ней
Я вижу, взгляд прощальный.
И маленьких ягнят
Нежнее звуки эти,
И смерть, и жизнь скорбят
О нас—при лунном свете.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Показывали стрелки ровно пять...
И закружились горы в карусели!
Расстались. Я смятением объят,
Мне кажется, часы оцепенели...

Летит машина. К спинке я прирос.
Сливается все в окнах и мелькает.
Мне странно, что вращение колес
Моя тоска ничуть не замедляет.

Подернут влагой мой застывший взгляд.
Машина вдаль стремительно несется.
Лечу вперед, а мысль бежит назад.
И сердце, как отторженное, бьется.

Молчит со мной внимательный шофер,
Моей тоски догадливый союзник,
Преследует меня прощальный взор
Недавних глаз, мерцающих и грустных...

Пронесется селенья. Не понять,
Миг, или час, иль день в разлуке прожит?
Я на часы взглянул, все те же пять
Часов? Никак такого быть не может!

Спросил шофера: «Ровно семь»... Разнять
Тебя со мной пространству трудно все же.

Потрогал пульс: нет пульса на руке!
Вот почему часы остановились. -
Как друг от друга жить нам вдалеке?
Не может быть, чтоб мы с тобой простились!

Летит машина. Меркнет небосклон.
Стальная сила мною завладела.
В пространстве ею я перемещен,
Но время сдвинуть с места не сумела!

РАЗМОЛВКА

Опять разломка.
Я второпях пиджак спешу надеть,
Чтобы уйти...
Как будто я в самом себе повешен,
Как будто и любовь моя зависит
От пиджака:
Надену—перестану
Любить, легко забуду, отрекусь.
Так вот как это просто!—говорю.
Стою в дверях,
 порог переступив,
Топчусь на сердце собственном,
Колеблюсь
Меж ненавистью черной и любовью.
О, сколько раз я этак уходил,
Не уходил, а изгонял себя,—
И не вернуться не хватало сил,
Разрываю так я и не научился...
Как возвращенья эти тяжелы!
Не говори мне только,
Что уходы—
Есть следствие любви,
Ее прямое,
Точней, петляющее продолженье,
Душа моя не думала со мною
Считаться, на любое униженье
Толкала, не заботясь обо мне.
Уходы—гордое самоизгнание
По приговору трезвого ума,
Но возвращался вновь к дверям любимой
Я под конвоем любящей души...

Рассудок—не советчик нам в любви.
И день и ночь
Меж чувством и рассудком
Я разрываюсь,
Склонен ум к разрывам.
А сердце к примирению влечет,

Любовь моя,
Тебя мне дарит чувство,
А разум разлучает нас с тобой.

* * *

Как странно выглядит туманный небосклон!
Вспять солнце движется печальное мое.
О, солнце древнее,
 скорей вернись, куда ты?
С тех пор,
 как ссорою с любимой разлучен,
Встаешь ты каждый день
 со стороны заката!

* * *

Разлука—мука, но и благо в ней.
Жизнь без нее была бы слишком ровной.
Любовь в разлуке зорче и верней,
И крепче нить зависимости кровной.

У празднеств наших вкус один и цвет,
Печали же людские—многоцветны.
Мы в горе видим множество примет,
Что в радости нам были незаметны.

С тобою рядом мне твои черты
Не разглядеть, и чувства однозней.
Но от меня отторженная, ты
Мне предстаешь звездой светоносной.

Вблизи тебя, как вещь, я слеп и глух,
Душа в покое благостно коснеет.
Зато в разлуке ввысь взмывает дух,
Слух напряжен, и зрение яснее.

И близости забывчивый покой
В разлуке обретает наполненье.
Пока я жив, пусть сердце под рукой
Трепещет! Жизнь — не спячка, а волненье!

И если я—свечи́льник, ты—огонь,
Ты—это я, я—это ты... При встрече
К твоей ладони льнет моя ладонь,
А без тебя мне жить на свете нечем.

Звезда в моей мятущейся судьбе,
Сверкающая над моей тропой!
С тобою рядом помня о себе,
С тобой в разлуке я живу тобою.

* * *

Пусть продлится сияние жизни моей,
Вечер пусть опоздает, помедлит пускай!
Я узнал лишь на склоне стремительных дней,
Что такое любовь и божественный рай.
Ярче вспыхнет огонь, погружаясь во мрак.
Жарче любим последний, мучительный май.
Не бросай меня, солнце мое, не бросай,
От смертельного холода сердце спасай!

Эти листья осенние—вестники вьюг,
Эти вспышки—прощальное зарево дня.
Удержи для меня это счастье, мой друг,
Этот свет и тепло удержи для меня!
Ярче вспыхнет огонь, погружаясь во мрак.
Жарче любим последний, мучительный май.
Не бросай меня, солнце мое, не бросай,
От смертельного холода сердце спасай!

Пусть продлится мой день, мой весенний мотив!
Много песен я знаю, куда я жив,
Много песен о том, что и старость сладка,
Что и в старости страшно любовь глубока!
Ярче вспыхнет огонь, погружаясь во мрак,
Жарче любим последний, мучительный май.
Не бросай меня, солнце мое, не бросай,
От смертельного холода сердце спасай!

* * *

Хоть во сне мою милую видеть бы мне!..
Без нее от тоски почернел я в огне.
Что мне сделать, скажи, чтоб во сне увидеть
Ту, которая так заставляет страдать?
Говорят... если соли поесть перед сном,
То исполнится все, что задумано днем.

Как-то юноша, соли наевшись, уснул.
И во сне ему звонкий источник блеснул.
—Ах, как сладок был сон! Мне приснился ручей!
Почему же там не было мной?
—Соль не в сердце попала, и в этом беда:
Если б жажда была в твоём сердце, тогда
И во сне утолила б ее не вода!..

Как бездонны глаза твои! В их глубине
Разглядеть невозможно—там рай или ад?
То сверканье во мраке, то гром в тишине,
То сойдутся два ока в одном—и глядят!

Две вселенные, два негасимых огня.
Зов и отклик, двух вечных стихий голоса:
То сквозь женщину—дева глядит на меня,
То из девы—мне женщина глянет в глаза.

* * *

Ты приснилась.
И долог наш был разговор,
Обвиняли друг друга мы в этом и в том...
Наши вечные жалобы,
вечный укор,

Оскорбленные чувства,
причины для ссор—
Понеслись, полились,
а потом улеглись.
Что-то поняли мы
в этом сне золотом!

От обид мы избавились,
виден просвет,
Есть надежда, что к лучшему дело пойдет!
Это—мой от тебя, дорогая, секрет,
И рассказывать сон
я не буду, о нет:
Сны толкуют, как правило, наоборот!

В ПОЛУСНЕ

Это сон. Это явь.

Полуявь... Полусон...

Это спутанных мыслей
цепной перезвон,
переплавки туман...

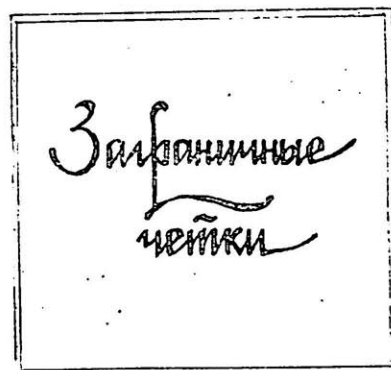
Это пламенный плен,
это плавятся мысли
в небесном тепле!

Спать?.. Проснуться?..

Остаться на этой развилке,
на распутье, в тумане,
где мысли так пылки!

Спать—чтоб ты мне приснилась.

Проснуться скорей—
чтоб душа породнилась
с печалью твоей.

ПУШКИ, КОТОРЫЕ НЕ СТРЕЛЯЮТ

Дворец султана прячется
За каменными стенами,
Высокими, толстенными.
Глядят незряче пушки,
Приземисты, как крабы.
Плевались ли они огнем,
Ну, раз один хотя бы?
А для чего стрелять им?
Султан живет отлично,
Знаком с послами лично
Державы заграничной.
Он огражден от «черни»,
Громадами камней.
Отчизна? Иностранцы
Хозяйничают в ней.
Над пушками, как траур,
Вуаль вечерней мглы.
Колеса сбиты временем
Заржавлены стволы.
Туристов модных в городе,
Как по весне—травы,
Они взирают гордо
На пушки, что мертвы.
Султан кейфует, пьет султан,
Он услаждает тело,
Ему какое дело
До подданных оборванных,
Обобранных, ободранных?
А пушки неустанно
Хранят покой султана
На крепостной стене.
К чему султану залпы?
Спокойней в тишине.

Зачем ненужным пушкам
 Стрелять, скажите мне?
 Пусть вымирает нация
 От нищеты и голода,
 И тощая, и голая,—
 Султан перед приезжими
 Любезно клонит голову.
 Будь у султана хвостик,
 Он стал бы им вилять.
 Зачем ненужным пушкам,
 Скажите мне, стрелять?
 Взгляните на лафеты—
 Заморская печать,
 Но подданным об этом,
 Голодным и раздетым,
 Приказано молчать.
 Продали эти пушки
 Послушному султану,—
 С орудьями — солиднее,
 Остерегаться станут.
 Они султану проданы
 В обмен на его родину,
 Чтоб он мечтал при пушках
 На бархатных подушках.
 Незряче смотрят дула
 С каменной стены,
 Пришельцев охраняют
 От жителей страны.
 Султан предался неге
 В блаженном полусне...
 Зачем ненужным пушкам
 Стрелять, скажите мне?

Тетуан, 1961.

ЯЗЫК КОРАБЛЕЙ

В море темная волна, неумная
 волна,
 что велит тебе она, что сулит тебе
 она?
 Муравьями холодок пробегает
 по плечам,
 в море жутко по ночам, плыть
 не шутка по ночам.
 Уплывают корабли в незнакомые
 края,
 индевеют над водой якорные
 остря.
 Ни покоя им, ни сна. От земли
 и до земли
 переходят корабли, в море ходят
 корабли.
 Только ветер, только ночь
 да гремучая волна,
 даже мачта не видна, вот—вблизи,
 а не видна.
 Вдруг мигнул издали светлой
 точкой огонек,
 свет—надежда моряка—взгляд
 штурвального привлек.
 Вот он вспыхнул, и на миг стало
 чуточку светлей,
 Это свет—язык морской,
 позывные кораблей.
 Говорят они в пути на наречии
 каком?
 Мне язык их незнаком,
 совершенно незнаком.

Словно звезды по ночам,
разговор ведут суда,
обмениются приветом, разойдутся
навсегда.

Непроглядна темнота, словно
каменный забор,
огоньки дрожат вдали, чуть
заметные вдали,
морьякам любым понятен
этот добрый разговор,
если даже и различны ваши флаги,
корабли,
ваши флаги, корабли.

Атлантический океан, 1961.

МУМИЯ

Нет ничего угрюмей
мумий.

Громоздкий, неуклюжий саркофаг.
Сказали мне:
в нем фараона прах.

Подумал я:
из мира уходящие
нам оставляют
кто—свои дела,
а от кого останутся
лишь ящики,
лишь ящики
да бранные тела.

Иstanbul, 1961.

ПОЕТ КЕМАНЧА

Мы их читали много раз,
В них боль народная жила,
Она объединяла нас,
Как тело птицы—два крыла.

Аракс остался позади,
Нас Темза в этот час свела,
Собрата боль в моей груди
Была горька и тяжела.

И на чужбине не могу
Я до конца всего понять,
Мой дом—на этом берегу,
Собрата дом—рукой подать.

И между нами лишь река,
Но что поделаешь с судьбой,
Была дорога далека,
Чтоб мы увиделись с тобой.

Чтоб я читал, смотря в окно:
«Доступна на небе луна,
Но встретить брата не дано,
Аракс меж нами, как стена».

Народной боли волен глас.
Трудней пройти нам пядь земли,
Чем на луну ступить подчас
В такой космической дали.

Все человек дерзает смель,
Ракеты строит, корабли,
Лишь то не может одолеть,
Что сами люди возвели.

Тоской седой струна больна,
И боль горька и горяча.
Народ—один, поет струна,
Поет и плачет кеманча.

Глазго, 1978 г.

МАЛЕНЬКОЕ ОКНО

В доме, где родился и вырос
шотландский поэт Роберт
Бернс, мерцает одно-единст-
венное, очень маленькое ок-
но,—память о тех временах,
когда величина уплачиваемого
налога возрастала с величиной
окна...

И даже солнца свет обложен был налогом...
В каморке урезал окно свое бедняк.
О, там, где правды нет,
там свет, зажженный богом,
Использует злодей—и наступает мрак.

Да, испокон веков драконовы законы
Готовы превратить небесный свет в товар!
Поэтому и был введен налог оконный,
Владелец не зевал и солнцем торговал.

Чудовищная дань, проклятье из проклятий!
Взимаемый побор за свет в твоём окне—
Прекрасный капитал для всех мероприятий
И мракобесных дел, сулящих тьму стране!

И ты рожден, поэт с душою светоносной,
Во мраке нищеты, за крошечным окном...
Свободу будешь петь
и гнет терпеть несносный
За крошечным окном,
где вечер—даже днем!

Из тесного окна увидишь солнце, звезды,
И землю, и луну,
и птицу в облаках,
Увидишь мир в тисках,
в колодках—свет и воздух.
Надежду и мечту—в колодках и в тисках!

Но пламенно—в груди!
Но сердце, а не камень
Колотится, болит
и любит горячо!
И это задавить колодками, тисками—
Еще никто не смог,
никто не смог еще!

...Поэт хлебнул сполна житейские невзгоды
За крошечным окном, где он обрел себя,
Но этот бедный мир
и бедные народы
Не проклял, а пригрел и в сердце нес, любя.

Да, испокон веков любовь сильнее мрака
И шлет она привет грядущим временам!
Поэт—кто от любви к земле несчастной плакал
И больше, чем себе, оставил света нам.

Поэт—чья боль жива и чьи глаза так зорки,
Что виден мир до дна и в крошечный просвет.
Великое окно—
окошечко в каморке,
Когда в него глядит пронзительно
поэт!

Шотландия, Ера, 1978 г.

ЧЕТКИ

Который день,
который век
кейфует этот человек,
сидит в своей лавчонке,
перебирая четки?
Они гремят
в его руке,
подобно камушкам в реке,
под бульканье кальяна.
Не первый день,
не первый год
он так сидит,
погоды ждет
у моря-океана.
О время —
океан людской,
его попробуй успокой!
А торговать сладостями
и чай прихлебывать
в тени
куда спокойней
в наши дни,
чем ссориться с властями!
Попасть недолго под замок,
а может, и на плаху.
Пока навеки не замолк,
тверди:
«Хвала аллаху!..»
Но не идут на ум хвалы,
и лавочник не в духе,
что не хотят его халвы
отведать даже мухи!

Видать,
в коммерческих делах
не разбирается аллах,
и не помогут четки
на шелковой бечевке.

«Не верь ни людям,
ни себе, —

его учили с детства, —
доверься небу и судьбе,
лишь на судьбу надейся.
Ты говоришь,

что пуст карман?

А ты заглядывай в коран
хотя бы в день три раза.

От нищеты тебя спасут
для омовения сосуд
и коврик для намаза...»
Багдад к оружию зовет,
а он и ухом не ведет,
сидит, надувши щеки,
перебирает четки.

Багдад!

Лицо твое в крови,
глаза темны,

как полночь.

Багдад!

Его ты не зови,
он не придет на помощь.
Но ты добьешься своего,
хоть и без помощи его,
и все ему припомнишь...
Весь день

жует он курагу,

и мысли

в замкнутом кругу,

и дни его,

как четки

на шелковой бечевке.

Багдад, 1959 г.

ПАНТЕОН В РИМЕ

Я не видал
таких количеств
их преподобий
и величеств!
Я в Пантеоне
час торчу
и изучаю

без помехи

их самоварные доспехи
и высочайшую парчу.

Бог знает,
из какого сплава
интриг,

насилий

и злодейств

ковалась призрачная слава
того, кто похоронен здесь.

Они за вечностью

в погоне

сооружали Пантеон.

Но есть могила

в Пантеоне,

которой не достоин он.

На ней ни статуй,

ни узоров,

она сурова и проста,

но привлекает

столько взоров

ее гранитная плита.

В дни праздников

и карнавалов

не вспоминают

кардиналов,

не навещают
 королей,
 чтобы отметить
 юбилей —
 идут не к ним,
 а к Рафаэлю,
 несут ему
 земной поклон.
 Из-за него
 семь дней в неделю
 туристов
 полон Пантеон.
 Дельцы,
 министры без портфеля
 сюда приходят
 неспроста...
 Сжималось сердце
 Рафаэля:
 как мимолетна
 красота!
 Порой он чувствовал
 бессилье,
 и холст
 отсвечивал мертво,
 и краски вздорные
 бесили,
 когда не слушались его.
 Он знал
 единственное
 средство,
 чтоб ожил красок карнавал, —
 подмешивал он
 в краски
 сердце,
 пока его не исчерпал.
 Но красоту —
 увековечил.
 Жизнь пронеслась, как ураган.
 О нем почти по-человечьи
 скорбит возвышенный орган,
 Вдыхает мощно и бездонно
 он всей утробой своей.
 Не знаю, слышит ли мадонна?

«Аве Марня...» — это ей.
 Созданье гения —
 бессмертно,
 оно из плоти
 и крови.
 А у могил своих бессменно
 торчат,
 как чурки,
 короли.
 Я с королями
 редко знаюсь,
 но я поклясться вам готов,
 что королей терзает зависть:
 «Какой художник?
 Кто таков?»
 Их возмущенью
 нет предела,
 что и за несколько веков
 толпа к нему не поредела
 и не убавилось венков.
 Душа художника поныне
 парит на крыльях красоты,
 а их давно уж
 нет в помине,
 одни надгробья
 и кресты.
 Ни их причуд,
 ни их художеств —
 народ не помнит
 ничего,
 и меркнет слава
 их ничтожеств
 перед величием
 Его.

Рим, 1961 г.

ПРОДАЖА

Лондон. Рынок Портобелло

Старый Лондон... Суматоха рынка...
Все здесь есть. Всему своя цена...
Даже предлагаются открыто
Гитлеровских армий ордена.

Позабывши о поре кровавой,
Боль свою открыто предают...
То, что было для фашистов славой,
За полфунта ловко продают.

Вот и крест серебряный... Не он ли
Вожделеньем был для «высших рас»?
Он, о чем мечтали миллионы,
Ищет покупателя сейчас.

На мундире старом или новом
Он когда-то доблестно блистал,
А теперь товаром полфунтовым
На толкучке Портобелло стал.

Маленький, блестящий, этот крестик
На весь мир бросал когда-то тень,
А теперь он в лондонском предместье
Любопытства праздного мишень.

Впрочем, если разобраться толком,
Не такой тут праздный интерес,
Если не залеживаться долго
На прилавке может этот крест.

Почему он нужным оказался,
Популярным, лондонцы, у вас,
Этот крест, которым награждался
Вас бомбивший гитлеровский ас?!

Не зазря он кем-то был получен,
Посмотри, британец, на него,
И на нем — ты погляди получше —
Кровь отца увидишь своего.

Так за тем ли, — в этом все и дело, —
Кровь свою отец твой проливал,
Чтоб теперь
На рынке Портобелло
За нее
Полфунта ты отдал?!

Лондон, 1978 г.

СВЯТОЙ ПРАХ ИМАМА ГУСЕЙНА

Здесь спит имам, детей своих покинув.
Столетия над гробницею прошли,
и неподвижно отсветы рубинов
на сумрак тканей сказочных легли.

Среди сокровищ дивных и несметных
почил пророк.
Но, право, не пойму:
когда, Гусейн, и впрямь ты
из бессмертных —
тогда все это золото к чему?

Когда ты свят, что в бриллиантах проку?
А между тем у склепа вид казны...
Выходит, что религии, пророку
все эти украшения нужны?!

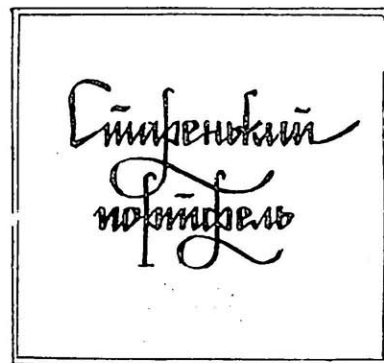
Текут в мечеть все новые богатства.
В великолепии пышном утонув,
здесь спит пророк...
И улица, босая,
стоит у входа, руку протянув.

Но что за дело мертвому пророку
до голода, до слез, до нищеты,
послал ли он когда-нибудь хоть кроху
молящимся с утра до темноты?!

Он лишь берет,
ему еще все мало.
О, странные контрасты!

Там и тут
на золоте спят мертвые имамы,
а дети их голодные бредут...

Кербела, 1959 г.

ПРОСТОРНЫЙ ШКОЛЬНЫЙ КЛАСС

Вот мы и встретились опять,
просторный школьный класс.
Не повернется время вспять, —
кто старше стал из нас?
Ты меньше кажешься теперь,
но с тех давнишних пор
я разглядел в тебе,

поверь,
невиданный простор!
В тебе —

начала всех дорог,
хоть с виду ты и прост.
Но для меня

твой потолок
простерт

превыше звезд.
Ты ярким солнцем освещен
всех стран

и всех морей,
ты трассами

пересечен
межзвездных кораблей!
Стремятся к звездам корабли,
но кто, скажи, забыл,
что тайны первые Земли
пилотам

ты открыл?
Не столь высок

полет иных,
но тоже — путь в борьбе!
Скажи,

начала скольких книг
задуманы
в тебе?

Ты аккуратно побелен,
ты занят уймой дел,
но
свыше
предопределен
высокий твой удел.
Как озабоченный отец,
угадываешь ты
в биениях маленьких сердец
несметные мечты.
Я тоже выученик твой,
просторный школьный класс,
в тебе

услышал я впервой
седых преданий глас.
Час от часу,

день ото дня—
самим собою быть,
учиться —

ты учил меня
и научил —

учить.

В тебе, мой класс,

я познавал
величие Земли.

Как современнику, пожал
я руку Физули,
пред ним я голову склонил,
суровым стал,

как он,
когда со мной ты говорил
о войнах

всех времен...
День ото дня

в тебе я рос,
в мельканье школьных лет...
Вопрос

рождал другой вопрос,
ответ

сметал ответ.

Вопросы, древние как мир,

вопросы как намеки —
о, как порой

вопрос томил,
как был ответ далек!

Ну что ж, недаром мы прошли
дорогами войны.

Ответы главные нашли,
мой класс,

твои сыны!

Не повернется время вспять,—
кто старше стал из нас?

Вот мы и встретились опять,
просторный школьный класс...

ПЕРВАЯ ТРОПА

Утро зимнее в окне.
Город больше не во сне,
Встали взрослые с детьми,
Город хлопает дверьми.
И выходит из ворот
Мой трудящийся народ.
Бодро движется толпа,
А за ней блестит тропа —

Тропка первая в снегу, понаваянном в пургу!
А немного погодя... по тропе идет дитя
и бежит гурьба детей —
На урок снежит скорей, тропкой свежую хрустя!
Эта тропка — всех белей.

Ты беги, ягненок мой, светлой радуйся судьбе.
Детство — лучшая пора, подтвердит тебе любой.
Ты приходишь в этот мир по протоптанной тропе,
Но и свой протопчешь путь, чтобы для кого-нибудь
стал он первую тропой!

СТАРЕНЬКИЙ ПОРТФЕЛЬ

Я окончил первый класс,
Второклассник я теперь!
Но за этот год как раз
Развалился мой портфель...
Папа дарит мне другой —
В сто раз лучше и новей,
Кожей пахнет он тугой,
Медью шелкает своей!
Но куда, скажи мне, деть
Этот старенький портфель?
— Выбрось! Нечего жалеть!
Он — развалина теперь!
Он — развалина теперь,
Зафутболь его за дверь! —

Я к груди его прижал:
— Нет! Не брошу старика!
В школу он со мной бежал,
Возле парты ждал звонка!
Кто пятерки нес домой?
Кто по швам трещал от книг?
Кто весь год дружил со мной,
Не покинув ни на миг?
Нет! Не выброшу за дверь
Этот старенький портфель!
Потому что старый друг —
Лучше, лучше новых двух!

ВСЕ-ТАКИ РАЗНИЦА ЕСТЬ,
ДОРОГОЙ!

Был я на свадьбе...
И вдруг увидал:
Старый мужчина
К столу опоздал,
Сесть ему негде —
Пирушка в разгаре,
Гости на свадьбе
Места разобрали!
Жметя старик,
Бородат и сутул,
Я уступаю несчастному
Стул.
И совершив
Это дело простое,
Вообразать
Начинаю в простое,
Хвастаться молча:
«Эх, я — молодец,
А не какой-нибудь там
Холодец!
Раньше других,
Что особенно лестно,
Я уступил
Старiku свое место!»
Очень и очень
Понравился мне
Голос, хваливший
Меня в глубине!

Я уже думал,
Что — сущий герой!
Но прошептал во мне
Голос второй:

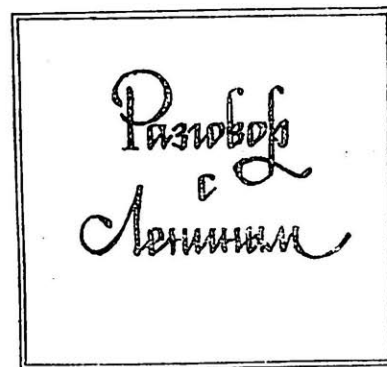
«Ну-ка, опомнись!
На свадьбе, где тесно,
Ты уступил
Старiku свое место.
Он же, старик,
Что весьма интересно,
В жизни тебе уступил
Свое место!
Все-таки
Разница есть,
Дорогой,
Между уступкою
Той и другой!..

ЦВЕТОК СРЕДИ ХЛЕБОВ

Красив цветок в саду,
На клумбе и в пруду.
И белый цвет прелестен,
И черный цвет прелестен,
Если он уместен.
Но там, где зреет хлеб,
Цветок всегда нелеп.
Сорняк и дармод, —
Он там наносит вред!
Такое существо
Не тронет никого,
Не восхитит никак!
А разглядят его —
И вырвут, как сорняк.

ПАДАЕТ СНЕГ

Видишь, как снег этот белый
тяжел?
В белое
город по горло ушел.
Если б не черных
воробушков стая,
как же тоскливо бы
в городе стало!

Поэмы

Не испытывал
 ни рая, ни ада...
 Тот, кто не брел
 по колено в снегу,
 Грудью ложась
 на ветра ножевые,
 Не различит на апрельском лугу
 Поодиночке
 травинки живые.
 Сердцем пожертвовать
 может лишь тот,
 Кто свою цель
 по достоинству ценит,
 Не разменяв,
 не пустив в оборот,
 Не расплескав ее
 в будничной пене.
 Смерти вершина вгоняет в дрожь
 Тех, кто согласен
 только на прибыль.
 Не понимая,
 зачем живешь,—
 Во имя чего
 пойдешь на погибель!
 Твоя судьба
 тебя возвела
 Выше вершины
 жизни и смерти.
 Нет, мера одной судьбы
 тут мала, —
 Ты путь для миллионов
 судеб наметил!
 Ты в мысль обернулся,
 прозрачный до дна,
 И молнией в сердце
 идея сверкнула!
 Босая,
 в цепях и лохмотьях страна
 В зеркальный родник
 на себя взглянула —
 И вздрогнула!
 Гнев пересилил страх.

В рост поднялась.
 разогнув колени.
 И вот уже
 у всех на устах
 Два главных слова:
 Революция.
 Ленин.

2. «ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК»

«Владимира Ильича можно
 было легко рассердить рас-
 плывчатой характеристикой
 какого-нибудь человека в ка-
 честве вообще «хорошего» че-
 ловека. «При чем тут «хоро-
 ший», — аргументировал он. —
 Лучше скажите — какова по-
 литическая линия его поведе-
 ния?»

Г. М. Кржижановский

(«Мыслитель и революционер»
 М., 1969, с. 25).

Прекрасно сказано!
 Быют прямо в цель слова.
 Не оболочка —
 Только сердцевина!
 Язык не утруждайте
 Речью длинной,
 Перечисляя свойства
 Естества.
 «Хороший человек»...
 А чем хорош?
 Он мягок и приветлив —
 Ну и что ж?
 Он вспыльчив, горд...
 А мне-то что за дело!
 Мне не характер важен —
 Идеал!
 В какую стычку
 Он ввязался смело?
 Кому помог,

3. ТРИ МИНУТЫ ПРАВДЫ

«Абстрактной истины нет,
истина всегда конкретна.»

(ППС, т. 42, с. 290)

Казалось бы, ты — песня...

Но тогда

Зачем трусливый затыкает уши?

Тебе в глаза глядеть —

лишь самым лучшим

Дозволено —

без страха и стыда.

Землетрясение ты.

Не признаешь

Незыблемых основ.

Колеблешь троны.

И с дребезжаньем сыпятся короны,

Когда ты

в ногу с временем

идешь.

Но не всегда

дорогой столбовой

Ты ходишь.

Знаешь темный закоулок.

И бедноту,

что горьким сном уснула,

Не потревожит

шаг тишайший твой.

Смиреницей слыла ты

до поры,

Пока

в России

не поспела жатва,

И ржавые щиты самодержавья

Народ не взял

в штыки и топоры.

О, истина!

На тучах всех времен

Ты клинописью эллинской возникала

И голосами трубного металла

Скликкала рать

под сень своих знамен.

Но оставался мир к тебе глухим,

Порядок Лжи

был всюду неизменен,

Пока тебе подобный гений —

Ленин —

Не стал

навек

глашатаем твоим.

Он возвестил о мире,

о земле.

Слова его —

конкретные,

простые —

Ложились, будто зерна золотые,

Чтоб всходы дать

В сырой, холодной мгле.

Без боя не сдавала рубежи

Неправда

перед Ленинскою новью,

И проступала правда

алой кровью

На черных одеяньях

подлой Лжи.

Героев павших

пыне свято чтут

По всей земле.

И хочется поведать

О каждой их,

пусть маленькой,

победе —

Длиной хотя бы в несколько минут...

...Он от неправды знал один рецепт —

Хосе Эчеварилья, храбрый парень:

Отчаянно

он на рассвете раннем

Напал с друзьями на радиопункт.

Но Куба сразу голос обрела,
 Когда,
 прорвавшись с боем к микрофону,
 Он крикнул:
 «Братья!
 Ложь сидит на троне
 И вас цепями рабства оплела!
 Вставайте, братья, —
 и она падет!
 Не кланяйтесь
 батистовскому клану!
 К оружию, компанйерос!
 Смерть тирану!
 Да здравствуют
 Свобода и Народ!»

Тут грянул выстрел в спину.
 Он упал...
 И алой струйкой оросились губы...
 Но на ухо внимавшей жадно Кубе
 Он что-то слабо все еще шелтал...

Пусть три минуты
 Длилась речь его,
 Но это были три минуты Правды!
 А для героев —
 выше нет награды,
 Чем Правды и Свободы торжество!

ОЦЕНКА

Моим студентам

1.

Мое призвание — поэт,
 Моя профессия — учитель.
 Разлада в этом не ищите.
 Но и согласия здесь нет.

Разделены часы и дни
 Меж — лекцией
 И рифмой звучной...
 Всю жизнь стремлюсь объединить
 Мечты свои
 И хлеб пасущный.

2.

Экзамен...
 Я могу сказать заранее —
 Есть или нету
 У студента знания,
 Я замечаю это по тому,
 Как он к столу подходит моему.

Один
 Берет решительно билет:
 Другой —
 «Счастливый» ищет взглядом долю.
 Кто лишь на свой надеется ответ,
 А кто — на состраданье мое только.

Один
 Толково излагает суть.
 Другой

Вспотел и мямлит что-то жалко.
А третий,
Чтоб совсем не утонуть,
Схватился за соломинку — шпаргалку.
А этот
Словно в книгу он глядит,
На все ответит, не моргнувши глазом,
Он гладко говорит,
Но видно сразу,
Не понимает сам, что говорит...

Я целый год
Передавал им знания.
От света знаний
Загорался сам.
Я вижу,
Что дошло до их сознания,
Не по ответам даже —
По глазам.

Я говорил и повторял все снова,
Не забывали чтобы одного,
Что, лишь вершины знания чужого
Ведут к вершинам
Знания своего.
Я перед ними неким эталоном
Премудрости
Казаться не хотел.
Но я хотел,
Чтоб каждым своим словом
Я разбудить сознание их сумел.
Чтоб в каждой фразе,
В каждом предложенье —
Души моей звучало продолженье.
Чтобы от скучных слов они не кисли,
Чтоб загорался их пылливый взор,
Чтоб довести до них
Чужие мысли
И вывести их мысли на простор!

3.

Вот юноша стоит передо мною.
Нескладен он,
Неприхотлив на вид,

Но с поднятой стоит он головою,
И убежденность
В голосе звучит.
Побриться не успел он,
Я смотрю,
Припухли веки,
Ночь не спал, конечно!
Напоминает юность мне мою
И жестом,
И порывистою речью...
-- Вы говорили так,
А тот — вот так.
У третьего иное я читаю...
Три взгляда на один и тот же факт...
Я, может быть, не прав, но я считаю...—
Он говорил умно и горячо,
И жест его и слово были страстны,
Пусть не созрела мысль его еще,
Она уже мне кажется прекрасной!
Тем, что ее
Не давит чья-то тень,
Что в ней своя
Проглядывает правда,
Тем, что она зовет в грядущий день,—
Прекрасна мысль,
Нацеленная в завтра!
Все то, чему учил его я с жаром,
По-своему мне излагает он.
Я свой огонь
Растранивал не даром —
Теперь его огнем я озарен!
Когда бы я искал лишь поклоненья,
Слепого повторенья одного,
Я б не имел
Живого продолженья
И знания,
И сердца моего...
Он в каждой вещи
Новый смысл находит,
В какой и я, быть может, не проник...
Коль ученик меня не превосходит,
Я — не учитель,
Он — не ученик!..

Вошла студентка,
 В модной мини-юбке,
 Прическа — шик...
 Подобной больше нет...
 Взяла билет
 И опустила руки...
 — Не знаю, —
 Прозвучал ее ответ.
 Ну, как тут быть?
 Поставить двойку просто,
 Не нарушая долга своего?
 Нет, погоди!
 Богатая прическа
 Такая —
 И под нею — ничего?!
 — Что ж, говорю,
 Другой билет возьмите... —
 Взяла другой,
 Сказала пару фраз
 И покраснела густо...
 — Извините.
 Я сдам, пожалуй, в следующий раз.
 Ей надо бы учинить головоломку,
 Но не сейчас, конечно...
 А когда?..
 С нелегким сердцем
 Вывожу ей двойку, —
 Легко их не выводят никогда.
 Ведь двойки,
 Словно тысячи вопросов,
 Учителям покоя не дают,
 И входят в сон его многоголоса,
 И как живые,
 Перед ним встают...

Уверенно подходит
 «Протеже»,
 У них своя, особая «реальность».
 Им кажется, что позади уже

Экзамен,
 Остается лишь формальность...
 Передо мной
 Стоит один из них.
 Улыбкой тонкой и едва заметной
 Напоминает мне
 Он «из своих»
 И чей-то мне передает «привет» он...
 Но мой вопрос
 Его бросает в пот,
 Он видит:
 Случай, кажется, не тот!..
 Лицо его изображает муку:
 Старательно прикладывает руку
 Он к голове —
 Но ничего в ней нет!..
 Нелеп,
 Бессодержателен ответ.
 Долбит одно он десять раз подряд:
 «Увидеть можно... Если бросить взгляд...»
 Не слышит сам,
 Что говорит язык...
 Как был уверен он,
 И как он сник!
 Он изнемог,
 Лишился дара речи.
 Он, кажется, сжимается в комок...
 Какой горой
 Обрушился на плечи
 Ему
 Билета маленький листок!

Вопрос — ответ
 Экзаменами правит...
 Вопрос — ответ...
 Все здесь, как на весах...
 И вот большой
 Широкоплечий парень
 В младенца превратился на глазах.

И я оценку должен ему дать...
 Поможет ли она ему понять,
 Что хоть и прожил он совсем не мало,

Но до сих пор
 Цены себе не знал.
 Что не в себе самом ее искал он,
 А в чьем-то покровительстве искал...
 Ты от других
 Удачи ждешь и блага,
 Зависит от других
 Твоя судьба...
 А где ж твое достоинство, бедняга!
 Зачем ты отрицаешь сам себя?!
 Ты отрицаешь собственное имя,
 Ты с именем чужим
 Пришел ко мне!
 Ты спрятался
 С надеждами своими
 В чужую тень
 И растворился в ней...
 Не веря самому себе,
 Ты рос.
 Как я в тебя поверю?
 Вот вопрос!
 Ответишь ты хотя бы на него?..
 Мне больно от молчанья твоего...
 Ты так безмолвно
 К полу не прирос бы,
 Когда б во все на свете
 Сам вникал.
 Тебя бы не страшили так вопросы,
 Когда б ты сам их
 Чаше задавал!
 Ведь у того,
 Кому все в жизни просто
 Нет за душою ровно ничего.
 Коль нет вопросов к миру,
 Под вопросом
 Само существование его!..
 С вопроса
 Начинают все на свете.
 Как детство начинается
 С «почему»?
 Вопросы задают
 До самой смерти
 Себе

И мирозданию всему.
 Вопрос — начало поиска,
 Свершенный.
 Он человека поднял в полный рост.
 Тем величавей
 Был на свете гений,
 Чем грандиозней
 Был его вопрос!
 Твой долг — вопросы миру задавать.
 Ты этого не знал,
 Не хочешь знать...
 Ты положенью веришь
 И заслугам
 Знакомого большого твоего,
 И не своим бессилием напуган
 Сейчас ты,
 А бессилием его!

6.

Знакомый...
 Мы друг друга с уважением
 Приветствуем при встрече всякий раз...
 Пропасть ли нашим добрым отношениям,
 Неужто их
 Перечеркнуть сейчас?!

Я и студент...
 Но между нами — он,
 Его звонок
 И «дружеская» просьба...

Задумал я построить новый дом
 На даче старой...
 Но не так-то просто
 Его мне оказалось возвести —
 Ни кирпичей, ни досок не найти!
 Я столько заявлений написал,
 Я подал все, какие нужно, справки...
 Но без него, наверно б, не достал
 Я до сих пор
 Ни кирпича,
 Ни балки...
 О злключениях моих узнав,

В какое-то
Он «звякнул» учреждение,
И миг решение принял некий «зав»,
И моментально
Все пришло в движение...

Что говорить,
Один его звонок
Тогда мне очень здорово помог...
Поставить двойку?..
А звонок?
Нет, нет.
Нельзя обидеть друга...
Не решаюсь...
И чувствую со страхом:
Не студент
«Срезается» сейчас —
Я сам срезаюсь!
Ведь если б
Он не стал тогда звонить,
Без новой дачи
Быть наверняка мне...
Но неужели совестью платить
Придется мне за доски и за камни?!

Не срезал я студента,
Нет, не смог.
Поставил «3».
Хоть совесть мне кричала:
«Ты продаешь за камень и песок
Меня сейчас...
Позорное начало!
Оно ведет в бесчестие и грязь...»
Но рассказать кому-то об успехе
Шел к выходу студент уже.
Смеясь,—
Плач истины
Был слышен в этом смехе...

Он распрямился...
Вышел, подбоченясь...
А я?

В трусливый сжался я комок...
Я вместе с ним пограл
И честь, и честность,
Позорный преподал ему «урок»!

Он будет умножать свои «победы».
Добыв успех
По-воровски, тишком,
Кто может предсказать,
Какие беды
Он причинит
На «поприще» таком?!

Не смог его остановить
Сейчас я...
Я совести своей сказал:
«Молчи!»
Как часто в жизни
С совестью несчастной
Мы поступаем, словно палачи!
А ведь в тот миг,
Когда беда грозит нам,
Когда нам гибель черная грозит,
Усталым, одиноким, беззащитным.
Тогда нам только совесть наша —
Щит!

И вот ее
Преступно растоптал я,
И вместе с ней
Закон я растоптал.
Я изменил своим же идеалам,
И сам себе
Я верить перестал...

Мы говорим высокими словами
Об Истине,
О Правде говорим,
Но часто мы не замечаем сами,
Как незаконно
Изменяем им.

Я спрашиваю ныне:
— Кто виновен?
Студент ли?
Я?

А, может, только он,
Знакомый наш.
Кто мне десяток бревен
Помог достать,
Чуть «искривив» закон?

Без тучи в небе дождик не прольется.
И, лист осенний — с ветром заодно...
Я должен был предвидеть,
Чем придется
Оплачивать мне, каждое бревно.

Быть справедливым —
Наше назначение.
И от него нельзя нам отступить, —
За каждым,
Самым малым, отступлением
Большого преступления можно ждать!

Студент «по блату» сдал сейчас экзамен,
Он так же
Заполучит и диплом...
И вот, глядишь,
Он место в школе занял —
Невежда за учительским столом!
Не преступление разве?!
Год от году
Он будет увеличивать его.
Что ж, наказать виновных?
Но кого?
Концы ушли, как говорится, в воду...
Кто до начал обмана доберется?
Но — «что посеешь, то пожнешь» —
Обман,
Настанет день,
Как бумеранг, вернется —
Мои детей
Начнет учить профан!

Когда я Справедливость преступаю,
Я сук рублю,
На коем сам сижу.
Грядущее под корень подрубаю,
Своих детей преступно подвожу...

Но знать не знал он
Всех моих терзаний.
Он тройку получил.
И — был таков!
А та студентка
С «модными» глазами?
Не слишком ли я с нею был суров?
Нет у нее «заступника», положим,
Но будь хотя б логичен, дорогой, —
Раз подписался под одною ложью,
Обязан подписаться под другой!
Перед своей же ложью безоружен,
Я становлюсь податлив, словно воск...
Я чувствую,
Что все в душе нарушил,
Перевернул во мне
Один прохвост.

Экзамен этот —
Вовсе не экзамен.
Хотя «по форме» принимал его,
«Несправедливость» —
Вот его название,
Его нагая сущность — воровство!

Но есть ли смысл теперь
В моих терзаниях?
Им не поправить факта одного:
Я оценил студента не по знаниям,
Я по знакомству оценил его...

Коркут¹,
Давая людям имена,
О сути думал их,
Об их деяниях.
Он знал,
Какая каждому цена
В трудах его
И в ратных испытаньях...

¹ Деде Коркут — герой одноименного древнетюркского эпоса.

Но быть, как он,
Мне не хватило сил,
Я изменил и совести, и долгу,
Несправедливость я благословил,
Я незаконность вывел на дорогу!

Отец Коркут!
Я не сумел воздать
Здесь одному сейчас
Чего он стоит,
Боюсь, не по заслугам будет брать
И в жизни он,
И разрушать устон.
И разрушаться будет сам, как раз,
Живя обманом
В обществе и мире...

Даст трещину, наверно, и алмаз,
Неверно оцененный ювелиром.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поэзия — души моей призванье,
Учительство — работа и судьба.
Я их объединил
В своем признании
И жалобе на самого себя.
Поэзия!
Нет у тебя кумира, —
Лишь истины высокий идеал,
Ты только правду миру говорила,
И лишь в тебе
Он сам себя узнал.
Так принимай
На свой костер лучистый
Всего меня —
От крика до слезы!
Пусть мне поможет
Пламенный и чистый,
Не знающий предательства язык!

СУД СОВЕСТИ

Поэма

Памяти матери

Часть I

РЕБЕНОК

I.

Стучит в висках,
И в мыслях беспорядок —
Не расчесать, как спутанные пряди.
Вот, в одеяло завернув младенца,
Она его рывком прижала к сердцу.
Встает...
Уже с надеждой распрощалась,
Ушла любовь, — обратно не зови.
Но если и любовь — такая жалость,
Зачем страдать по милости любви?
Изведав зло, на зло она решилась:
Раз бросила меня — и я тогда...
Но снова медлит, побороть не в силах
Смятения, и боли, и стыда.
Ребенка уложила на кроватку,
Он сладко спит —
Не голоден пока...
Грудь обнажила.

Выжала остатки
По капельке — густого молока.
Бутылочку в пеленку завернула
И вот — опустошенная — стоит,
Дрожат колени...
Молнией сверкнула

Мысль:

«Это — все.

Все выжато,

Весь стыд,

Вся боль несостоявшейся надежды,

Вся мука нерастраченной любви —

Все выжато в бутылочку

Вся нежность,

Вся нега, о которой соловьи

Поют в ночах,

На части разрываясь, —

Все с капелькой последней изшло!..

Что дать могу, с ребенком расставаясь,

Ему я?

Материнское тепло?

А много ль набралось его?

Вместилось

В бутылочку одну... И все дела?

Легко же я с долгами расплатилась.

Всего неделю матерью была.

И все.

Терпенье выжато до капли,

Нет больше сил,

Осталась боль в груди.

Чем стал ребенок для меня?

Лишь камнем,

Да, камнем преткновенья на пути.

И я виновна перед целым светом —

Девчонка из далекого села —

В том, что, ослив в вузе все предметы,

Я по любви экзамен не сдала.

Лишь по любви я срезалась...

Довольно

С меня науки этой городской!

Ребенка брошу — снова стану вольной.

С такой «оценкой» нет пути домой.

Мне нет пути домой...

С такой «оценкой»

Как покажусь я на глаза отцу?

А мать?

А братья?

А сосед с соседкой?

А все село?

Стыда я не снесу!

И для того ли мать с отцом растили

Меня, чтоб я им горе принесла

В подолы?..

Чтобы имя их честили?

Нет, я любимым не желаю зла!

Нет, свой позор и слезы я не выдам —

Пусть эти слезы выжгут сердце мне.

Пойду навстречу я любимым обидам,

А мать с отцом пусть будут в стороне!

Чем их позорить,

Лучше я покину

Ребенка своего...

Он — только мой!

Уже он сирота наполовину,

Теперь же станет полным сиротой...»

Прислушалась...

Стучат?

Нет, показалось...

Стучит в висках одна и та же мысль:

«А вдруг вернется?!»

Снова сердце сжалось.

«Ну что тебе я сделала?!

Вернись!

Ведь ты любил,

Ведь ты мне дал надежду!

А что теперь?

Теперь конец любви?

Ты много обещал мне:

Где же, где же

Сегодня обещания твои?

Ты радость, что с тобою я делила,

Ты все унес.

А что оставил мне?

Пойми же,

я одна нести не в силах

То, что отныне тяжелей вдвойне.

Любовь, любовь!

Ты оказалась байкой.

Прикидывалась щедрой — да какой! —

А обернулась жалкой попрошайкой —

Стоишь теперь с протянутой рукой...

Нет, нищенкой не буду я,
Не стану
Я никого о помощи просить.
Сочувственные взгляды, соль на рану,
За что всю жизнь я их должна сносить?
Когда теплом повеяло мне в душу,
Я думала — весна,
Весна идет!
Но ненаšlo безвременную стужу,
И цвет любви увял...
К чему же плод?
Ему расти зимою не пристало,
И ветке ни к чему такой изъясн...
Как беззаконно матерью я стала,
Так и сложу с себя я этот сан!
Никто о материнстве, погребенном
В глухом углу души, не будет знать,
И может статься, бедный мой ребенок
В чужой семье найдет другую мать...
Он невиновен,

он достоин счастья!
Пусть незаконно он рожден на свет,
Но требует он равного участия, —
Неужто у него и права нет
На свой очаг, на воздух и на солнце,
На радость и счастливую звезду?..
Ручей, что вытекает из болотца,
Виновен ли, что не в нагорном льду
Его исток?
И разве кто оспорит
Его права?
Рожденья грех над ним
Не тяготит весь век,
И примет море
Его радушно — наравне с другим...

2.

Я в городе всего лишь год,
а сколько
Успела пережить за этот срок!
Дорога жизни оказалась скользкой,
Под вешней травкой прятался ледок
Предательства...

И дорого ошибка
Мне стоила — вовек не расплачусь.
Покуда зло подобного пошиба
Скрывается под маской нежных чувств,
Никто не застрахован от паденья.
На мне ль одной пятно? — миллионы нас...
(Как в мире нет добра без продолженья,
Так зло рождает зло.
Всего лишь раз
Ошибся — и, бывает, жизни целой
Не хватит, чтоб исправить промах свой...)
А если ты страдаешь не за дело,
Должна ли ты пожертвовать собой?..
Я жизнь свою смогу начать сначала,
Я молода,

мне нет и двадцати,
Что видела я в жизни? — слишком мало!
К чему назад смотреть — все вперед!
Нет, мне один лишь выход остается!
С ним на руках лишаюсь я всего...»
Не подождав, пока из глаз прольется
Раскаянье, не видя ничего
Перед собой, она шагнула к двери...

Был вечер: Снег.
И ветер завывал...
«О чем он воет,
О какой потере?
Что в городе он этом потерял?
А я? Куда теперь? В такую стужу,
Ах, да... Я знаю...
Лишь бы повезло...
Его, конечно, сразу обнаружат...
Скорее...
Там, на лестнице, тепло...»
Лицо к своей живой склоняя ноше,
Горячим ртом бессвязные слова
Чуть слышно шепчет
и навстречу ночи
Пустынной улицей
едва жива
Спешит она.

«Вот этот двор... Быстрее.
 В парадную... Да, здесь тепло...
 Теперь —
 Второй этаж, отсюда я успею
 Сбежать во двор, пока откроют дверь.
 Как каблук стучат!
 На этот мрамор
 Дорожку б постелить... Поторопись!
 Что, прямо на пол?..
 А куда?!

Ой, мама,
 Проснулся и кричит!
 Скорее вниз!»
 Слетела с лестницы она, себя не помня,
 Дверь хлопнула, как выстрел.

Напрямик
 По улице помчалась. А в погоню
 За нею устремился детский крик.
 Она бежала. Сек лицо ей ветер
 И мелкий колкий снег слепил глаза,
 Она бежала от всего на свете,
 Ей не было уже пути назад.
 Бежала от любви, и от бесчестья,
 Бежала от несчастья и забот,
 От недопетой колыбельной песни
 И от бессонниц...

Зная наперед,
 Что этот крик ее настигнет всюду,
 Бежала и от крика,
 от судьбы
 Бежала, понадеявшись на чудо:
 Что можно бросить все
 И — позабыть...
 И все забыть,
 и избежать возмездья,
 И вновь любить,
 и жить, как человек...
 Она бежит...
 И холодно созвездья
 Следят сквозь тучи этот жалкий бег.

А фонари висят, со скрипом
 На проволоке качаясь,
 желтый свет
 Мешают с тьмой и снегом,
 с детским криком
 И со слезами —
 тьму и жесткий снег.
 Как будто, дверь за дверью растворяя,
 В огромном,
 Незнакомом ей дому,
 Из круга в круг она под фонарями
 Бежит,
 из тьмы — на свет
 И вновь — во тьму.

3.

Свободны руки наконец...
 Но что же
 К ним не вернулась легкость?
 Пустоту
 Не могут обнимать они без дрожи,
 Вспорхнут с колен —
 И тут же, на лету,
 Как крылья мертвой птицы,
 каменеют.

Промокла шаль,
 и волглое пальто
 Роняет капли на пол.
 Перед нею
 Кроватка, где, казалось, только что
 Лежал ребенок.
 А теперь на досках
 Лишь тоненький матрац,
 на нем — пятно...
 Нет, не пятно,
 на нем чернеет броско
 Лик пустоты.
 Нет, личико...
 Оно
 В глазах двонется, множится...
 На стену

Переметнулось,
 из угла глядит...
 Ну что ж, она теперь узнает цену
 Своей свободе...
 Какова на вид?
 С трудом поднявшись наконец со стула,
 К окну неверным шагом подошла
 И на него, как в зеркало, взглянула,
 Но своего лица там не нашла.
 Лишь желтое пятно из тьмы летело
 Навстречу ей,
 и тонкое стекло
 С порывом ветра в раме зазвенело...
 И вдруг ей будто сердце обожгло —
 Раздался плач ребенка.
 Поначалу
 Чуть слышимый, он острою иглой
 Царапнул по стеклу,
 потом, книжалом
 Тьму распоров,
 опережая вой
 Нахлынувшего ветра,
 прямо в сердце
 Вонзился, обжигая и сверля.
 Она едва успела опереться
 На подоконник — дрогнула земля
 И подогнулись ватные колени,
 А крик звучал, звучал со всех сторон.
 Он проникал сквозь двери и сквозь стены,
 Сквозь пол и потолок сочился он.
 То тихим всхлипом,
 то надрывом громким,
 Звучал, звучал,
 и не было конца
 Рыданиям одинокого ребенка,
 С расплывчатым пятном вместо лица...
 Она напрасно зажимала уши
 Что было сил ладонями:
 теперь
 Крик рвался изнутри, а не снаружи...
 И вот,
 не выдержав,
 она толкнула дверь

И выбежала в ночь.
 Как будто крылья
 Вдруг выросли,
 и ветер в спину дул,
 Ей помогая.
 Улицы покрылись
 Порошей чистой.
 Словно бы по льду,
 Она скользила невесомой тенью,
 Что для нее сейчас обида,
 честь? —
 Здесь не о чести речь,
 а о спасенье
 Ребенка своего!
 Что в мире есть
 Сильнее чувства этого?
 Что выше?
 Что в мире непреложнее для нас,
 Чем материнский долг?
 Но как же вышло,
 Как получилось,
 что всего лишь час
 Иль два часа назад она втоптала
 В грязь уличную свой высокий долг,
 Когда ребенка по дороге талой
 Несла подкинуть в незнакомый дом?
 По-воровски, тревожно озираясь,
 Несла его, как краденую вещь...
 Теперь же, прежний путь свой повторяя,
 Она как мотылек летит на свет,
 Не размышляя, не боясь паденья.
 И та ли это женщина?
 Как мог
 В ней этот свет перемешаться с тенью
 И совместиться с чистотой — порок?
 И только ли одна она — такая?
 Немного б стоила людская честь,
 Когда порокам скрытым потакая,
 Мы б совершали то, что в мыслях есть!..
 У этой женщины поступком стала
 Ее дурная мысль.
 Но, может быть,

Еще не поздно все начать сначала
И прежний черновик перебелить?
Перебелил же снег дурную слякоть,
И все следы бывшие замело...
«Успеть бы только!

Перестанет плакать
Ребенок мой, почувствовав тепло
Моей груди...

Скорее!

Настежь двери!»

Она взлетела на второй этаж
И замерла,

глазам своим не веря.
Была тиха площадка —

и — пуста.

Окаменела.

Опустились руки.
«Что делать мне?

В какую дверь звонить?
Чужие люди...

Разве эти муки
Поймут они?

И как им объяснить.
Что я — не я была, когда ребенка
Оставила,

что я была слепа.
И заблудилась временно в потемках,
А вот теперь...

Нет, видно, не судьба...
Своими же руками пуповину
Вторично разрывала ты...

Так что ж
Ты хочешь, чтоб признали неповинной
Тебя?

За правду выдавая ложь,
Ты первая расквасишься,
и снова

Ребенок встанет на твоём пути...»
Червя подобно вкрадчивое слово
Сомнения, засевшего в груди.
Нет, не сомненья, а самообмана,

Но только всякий, обманув себя,
Вновь ошибется
поздно или рано.
На этот раз не слишком-то скорбя...

4.

С той ночи дни прошли,
потом недели...

Она вернулась в город из села.
Нет, волосы ее не поседелели,
Порой грустна,

порою весела
Была,
но ежедневно в час урочный

Горели груди потайным огнем,
И этой болью тягостной заочно
Она с ребенком связана.

О нем
Подумать не могла она без боли
И не могла себя освободить
От капелек

его сиротской доли,
Что ядом запеклись в ее груди...
Ей говорили: «Ты похорошела,
И эта полнота тебе к лицу».

Но странно так
в ответ она глядела,
Что делалось не по себе льстецу.

Она подруг упорно избегала
И, памяти своей наперекор,
Переходила из того квартала,
Где испытала ужас и позор
Той бесконечной, беспросветной ночи,
Когда,

оставив у чужих дверей,
Она своей живой лишилась души,
Чтобы взамен легло на сердце ей
Молчанье, что тяжелее камня,
Чтобы томил ее напрасный груз
И каждая непролитая капля
Свинцовой пулей тяготила грудь...

Так что ж ты плачешь?

 Не ждала расплаты?
Намеревалась жить и не тужить?
Нет,

 что своей рукою подожгла ты,
Слезой раскаянья

 не затушить.
И это только цветики...

 А позже,
По улицам гуляя,

 будешь ты
Исподтишка,

 стыдливо,
 с тайной дрожью

Глядеть на безмятежные черты
Чужих детей,
 сверяя со своими,—

Похож как будто...
И опять в толпе

Исчезнешь,
эхом повторяя имя

Ребенка,
незнакомому тебе...

Часть II.

МАТЬ

1.

Я знаю мать.

 Лет с двадцати она
Вдовою стала

 и была должна
Одна растить двух сыновей своих.
Хватало бед с избытком на тронх,
Но все лишения мать превозмогла,
Два статных тополя она взрастить смогла.

И не она была тому виной,
Что срублен был один из них войной,
Что он сгорел в свои семнадцать лет...
Ушел в огонь,

И вот — пропал и след...

Остался младший рядом с ней расти,
И свет надежды не погас в груди.
Теперь ему всю жизнь свою отдам! —
Она шептала,

 плача по ночам...
И холила меньшого своего,

И вырастила...
 Только для кого?

Сыграла свадьбу сыну,
 а потом

Хозяйкою вошла невестка в дом,
Мать свой законный выполнила долг,
Но не иссяк любви ее исток.

Из детских одежонок вырос сын,
И вроде больше не было причин

Его своей опекой окружать.
Но разве это разумеет мать?

Не знала мать, что с радостного дня
Даст трещину ее любви броня.

В лихие годы в ней нуждался сын,
Но вот теперь он больше не один,

И все ж его от сердца отлучить
Не в силах мать

И как ей отличить

Подъем любви от спуска?

Долгий путь

Любви — не тяготил ее ничуть.

Хотя порою круг был и тяжел

И вот, выходит, он к концу пришел...

Весь дом на ней держался до поры,

Теперь же наподобие коры

Она была — морщинистой, сухой,

И может ли теперь прикрыть собой

Высокий ствол, что под защитой рос,

Не зная зноя и не слыша гроз?

Он вымахал в богатыря, сынок...

И не один лишь материнский сок

Теперь его пьет...

Сок любви

Пьяняще бродит в молодой крови,

И изгляд его,

и беспокойный сон

Не с матерью теперь соединен...
Что это значит?
Логика проста:
Ты нужен, когда есть в тебе нужда.
А если нет, то догадайся сам...
Но мать своим не верила глазам,
Вернее, до поры была слепа.
Но вот прозрела...
Словно тень сперва
Легла меж ней и сыном...
Что за тень?
Пустое! Растворится в тот же день!
Но время шло,
И эта тень росла,
И плоть, и взгляд, и голос обрела.
Невестки голос
И невестки взгляд,
Не тот, что знала год тому назад,
Улыбчивый и робкий,
А другой —
Он словно тетивую стал тугой
И стрелы выпустил.
Пока лишь вскользь.
Слегка царапнет — не пробьет насквозь.
А сын?
Он соль на рану подсыпал
Тем, что царапин тех не замечал.
Мать загрустила...
Сказано умно:
Где две хозяйки — нету ни одной.
Одна — стара,
Другая — молода,
Своя у каждой вроде правота...
Невестка и свекровь —
Извечный спор,
Так не решенный и до наших пор.
И в старине пока жива душа,
А новь — она всегда ли хороша?
Обычай был в том доме много лет:
Невестки поднимаются чуть свет,
Чтоб раньше всех приняться за дела.
Обычай этот мать переняла.
Недоглядела много снов в ночах,

Чтобы на зорьке растопить очаг,
Прибрать, сготовить, мужа накормить...
Священной ей казалась эта нить.
Дел каждодневных, ласковых забот...
Вот сын стал мужем,
Подошел черед
Невестке хлопотать у очага,
Но нить, как ни была она долга,
Невестку не опутала...
Вставать
Чуть свет

ее не приучила мать.
Куда там — не добудишься!

Сладки
Сны по утрам и тюфяки мягки...
Что ж, подождем... К чему до срока шум?
Возьмется ж наконец она за ум!
А сын-то кто? Иль прикусил язык?
Иль всухомятку завтракать привык?
Но сын молчал,
И закипала злость:
Да что ж она — хозяйка или гость?
Не выдержала как-то...
И в упор
Ей выложила все, что с первых пор
На сердце накопело...
О семье,
Где добрые порядки не в цене,
И о себе,
Как в двадцать лет вдовой
Осталась,
Как, не дорожа собой,
Растила сыновей — и для кого?
Один — войною отнят,
А его...
Тут сын потупился, в душе кляня
Себя за то, что проглядел огня
Рождение,
и вот — в семье пожар.
Пылают лица, и в глазах — угар...
Невестка ж не смутилась.
У нее
Готово было мнение свое.

Какой порядок завести в семье
 И кто стоять здесь должен во главе.
 — Вот в наше время... — повторила мать.
 Но не дала невестка досказать:
 — Довольно! Эти песенки стары.
 Тебе пора бы выйти из игры.
 Состарилась — должна сама понять,
 Что тут на время нечего пенять!
 Тебе вот наш обычай не хорош,
 А я — чужой не ставлю ни во грош!
 — Так я чужая вам? Что скажешь, сын?
 — Вам ссориться не вижу я причин.
 Вы обе для меня... —
 Но жалких слов
 Не терпит тот, кто сдаться не готов.
 Не по душе они пришлись жене,
 Для матери родной —

больны вдвойне.

Но поверить не могла пока,
 Что потеряла своего сына.
 «Да что он говорит? Он только мой!
 Единственный оставшийся... живой...
 Что говорит? — Давно ль его сама
 Учила выговаривать слова.
 Не я ль его вскормила? Молоко
 Давно ль обсохло на губах его?
 Навстречу чьим рукам качнулся он,
 Ступив на землю, слаб и несмышлен?
 Кто сможет у меня его отнять?»
 Свою любовь не разделяет мать
 Ни с кем.

Какой бы доброй ни была
 Разлучница — она причина зла.
 И был бы жив сейчас Деде Коркуд¹,
 Кто нам поведал, имена дают
 Не сразу при рождении, а тогда,
 Когда всем станет суть твоя видна,
 Невестку б он «Разлучницей» назвал,
 А не — «Входящей в дом»...

Но он не знал,

Что можно сесть к огню и оттеснить
 Того, кто призван тот огонь хранить...
 Мать не смирилась с участью своей,
 Но с каждым днем ей было все трудней.
 Одной заботой жизнь была полна,
 И вот — пустеет на глазах она.
 Тут вздохни не помогут — близок срок,
 Уходит время, как вода в песок,
 А если груз нести не хватит сил,
 Иль ты до срока с плеч его сложишь,
 Иль кто-то подменил тебя, то знай:
 Где вовсе нет забот — там жизни край,
 Мерило человека — в пользе той,
 Которую приносит он — живой
 Иль мертвый,
 Нужен, — значит, жив.
 Закон жесток —

никто не заслужил.

Процентов с капитала прошлых лет,
 Былых заслуг своих, былых побед,
 Былой любви, и всех ее тревог,
 И нежности былой...
 Да, он жесток —
 Закон оценки ценностей былых:
 Что непригодно нынче — то в пыли.
 Напрасно, мать, ты горько слезы льешь,
 Как не возьмешь ты в толк, что не вернешь
 Того, что ты двум сыновьям своим
 Давала щедро?..
 Долг невозвратим,
 Детей растить — в природе матерей.
 Чем младше дети — тем на них щедрей
 Льют материнства животворный свет,
 Вернется ль он?
 И через сколько лет?
 Нет, тот, кто на ребенка ласку льет,
 Не пополняет свой текущий счет,
 Ребенок — не ломбард, чтоб заложить
 В нем душу, а потом безбедно жить.
 Растет ребенок рядом, под крылом,
 Но день придет — и он покинет дом,
 Чтоб отыскать себе среди чужих
 Ту, что роднее станет всех родных...

¹ Легендарный мудрец и сказитель из огузского эпоса XI века.

Ах, дети, дети!

Не они для нас.

А мы для них!

Не золотой запас

Они — а завязь на ветвях любви,
Питай их соком сердца — и живи!
Тот сок они, конечно, не вернут,
Когда листом зеленым развернут
Свою судьбу...

Но в новых семенах

Взойдет любовь, превозмогая прах!
Когда ж любовь долгам открыла счет,
То кто ее любовью назовет?..

2.

Сын справляет день рожденья своего,
Собрались к нему друзья на торжество.
Раздаются тостов звонкие слова,
В них на счастье утверждают права.
Мать за дверью притаилась, словно тень,
Не без гордости словам внимая тем:
— Всем известны твоя смелость и твой ум,
Справедлив ты — мы свидетели тому! —
Почему же у порога мнется мать,
Почему б и ей свидетелем не стать
Шумной радости?

Хотела б, да нельзя:

Днем невестка, глядя прямо ей в глаза,
Намекнула: — Молодые к нам придут,
Понимаешь, стариков не будет тут, —
Понимаю, дочка, как же не понять —
К дню рожденья сына непричастна мать...
Снова слышен звонкий голос молодой:
— А сейчас, друзья, я пью здоровье той,
Кто народу подарила храбреца! —
Слышит мать, не утирая слез с лица.
Это что же, за нее подняли тост?
Ту, которая за дверью горечь слез
Пьет по капле, словно горькое вино?
Что ж, сыночек, будь счастливым все равно!
...А теперь пускай виновник торжества
Песню «Мать» исполнит! Помнишь ли слова?
В честь такого тоста подпоем мы все! —

Сын направился к стене, гда тар висел,
Снял его любовно и прижал к груди...
Струны дрогнули...

Ну что же ты, войди!

Покажись им! Это песня о тебе,
О твоей, достойной лучшего, судьбе.
О тебе поют и плачут струны те —
О бессонной материнской маете...
Ну, а ты, невестка, что ты прячешь взгляд?
Или песня зазвуча не попад?
Почему вдруг у тебя печальный вид,
Не забыла, кто за дверью там стоит?
Или вспомнила о матери родной?
Почему же причиняешь боль другой?
Ты задумайся:

Ведь скоро ты сама

Станешь матерью,

И хватит ли ума

У твоей невестки будущей понять,

Что свекровь — она для мужа просто мать?..

Песня кончилась

И отзвенела грусть...

С плеч невестки будто спал незримый груз, —

Улыбнулась и плечами повела,

За собою мужа в танец повела.

Мать пошла на кухню приготовить чай,

Утирая шалью слезы и шепча:

«Ничего, сыночек, я перетерплю,

Разве я любовь во зло употреблю?

Видно, в самом деле подошла пора

Мне, старухе, убираться со двора.

Лишь бы ты забот не знал, а я-то что...

Сгину с глаз — и не проводит никто.

Завтра ж в Дом для престарелых перейду, —

Видно, это речено мне на роду.

Так решила мать с обиды,

не со зла,

В чемоданчик старый вещи собрала

И ушла из дома, лишь рассвет настал.

Ну, а сын?

А сын задерживать не стал...

Часть III
ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ

1.

По двое, по трое сидят старики
В коридорах Дома для престарелых.
На лицах у них не осталось пробела
Для самой последней морщины-строки.
Сплошь — справа налево и наискосок —
Исписаны временем, долгим и трудным,
О чем они думают — молча, подспудно —
Попробуй пойми из запутанных строк!
Путь пройден до края, не стало забот,
Одна лишь осталась — сидеть, вспоминая
Всю жизнь от начала до этого края,
И дать ей оценку, и выставить счет,
Кто выиграл в жизни, а кто проиграл?
Сейчас уже меркой другою измеришь.
И главное — что ничего не изменишь,
Счастливый иль горький — финал есть финал.
Что щедрой рукою природа дала,
То время у нас отбирает нещадно,
И то, что иной нахватал себе жадно,
Рассыплется в прах и истлеет дотла.
Не сердца порывы — одна только мысль
Теперь их телами остывшими движет.
Ложатся, встают... будто ветер колышет
Сухой, шелестящий тихонько камыш...
А ночью им снова решить предстоит
Сегодня же, не полагаясь на завтра,
Какие обиды поставить на карту
Бессонницы, что в изголовье стоит...

2.

Здесь полубольничный бытует порядок,
У каждого в комнате — свой уголок.
Кровати, заправленные опрятно,
И тумбочки — полный аптечный ларек.
На столиках — книги, журналы, газеты.
И в вазах — привянувшие букеты.

Вторая неделя пошла, как он здесь.
Уста Алекпер, — а привыкнуть не может.
Стоит у окна, и тоска его гложет,
Хоть кто бы принес хоть какую-то весть
Из дому!
Неужто совсем позабыли?
Ведь я им — отец, не пойду на поклон.
Три сына... Семья... Виноградный балкон...
Теперь уж не скажешь, что есть они, —
Были...
Не выдержал как-то
И номер набрал
Знакомый...
— Алло! Вам кого? —
Он смешался.
Он имя свое назвать не решался,
Во рту пересохло...
— Бездельник, нахал!
Ну, долго ты будешь молчать? —
Этот звонкий,
Задиристый голос узнал он тотчас —
Внучок... Алекпер...
Свое имя припас
Ему он еще до рожденья ребенка...
Он трубку дрожащей рукой положил.
Ну что ж, прав мой внук.
Я нахал и бездельник,
Что больше не мог зарабатывать им денег,
Слесарничать трудно уже,
Нету сил,
Но внук мой еще за меня отомстит
Отцу своему.
Когда тот постареет!
Он старость его теплотой не согреет.
Я дал ему имя,
Но совесть и стыд
В том доме уже не прописаны больше...
— Послушай, уж коли решил ты дымить, —
Сосед тут окликнул его, —
Окно приоткрыть.
Хватит душу томить

так изволь же

Раздумьями,
лучше уж в нарды сыграем!
— Не хочется что-то... — ответил уста,—
А что до окна,
То погода такая,
Что, стоя здесь, я весь продрог неспроста, —
Сосед усмехнулся,
— Нет, братец, не то...
Взгляни-ка на градусник — двадцать четыре.
Нет, холод — он только внутри...

Ну, а в мире—
Поверим-ка Цельсию,—в мире тепло.
А куришь ты слишком уж много...

Пора бы
Всерьез о здоровье подумать своим...
Неужто не можешь без этой отравы?
— А что мне жалеть? Для чего мы живем?
Днем раньше, днем позже... конец одинаков!
Мы в этом саду как трухлявые пни,
Уж больше не зазеленеют они.
И тут не поможет ни лекарь, ни знахарь...
— Выходит, ложись да и помирай?
Нет, братец, уж тут ты хватил через край!
Нет, мне пусть он будет не очень-то сладок,
Но дорог и жизни последний остаток!
Да что говорить—я б и твой прихватил!—
Уста поневоле в ответ улыбнулся:
Сосед-то каков! И откуда он сил
Набрался таких?
Разве он не столкнулся
С предательством близких людей?
Или он
Совсем одинок — ни детей и ни внуков?
И тут он подумал, что, может быть, другом
Судьбою на старости лет награжден...
Друг прежний давно уж...
Еще на войне...
Уста отошел от окна
И к соседу
Поближе подсел, чтоб продолжить беседу.
И вдруг он заметил: висит на стене —
У зеркала — фотография чья-то,
Какого-то парня с насмешливым взглядом,

В пастушьей папаше, нарядной чохе.
Задравшего ноги в высоком прыжке.
— Кто это? — спросил.
— А ты разве не знаешь?
Отличный танцор. И известный притом.
Ну, что, узнаешь?
— Нет, он мне не знаком...
— Надень-ка очки!
— Ты меня обижаешь.
Я вижу прекрасно.

К тому же юнца
Любого
я помнить совсем не обязан...—
Улыбка сошла у соседа с лица:
— Вот как? Значит, стал я совсем безобразен,
Раз ты не узнал меня...
Это ведь я! —
Смутился уста:
— Да, улыбка — твоя...
— А знаешь, дружище, ведь я специально
У зеркала этот портрет прикрепил...
Когда у меня истощение сил,
На образ гляжу,—так сказать, идеальный.
И мне помогает забыть идеал
Того, кто меня в зеркалах так пугал.
А я ведь и вправду танцор был известный.
Я только мигни — и любая невеста
Со мною сбежала б в чужие края...—
Уста повторил:
— Да, улыбка — твоя!..
— А вот, погляди-ка! — и снимок семейный
Достал из кармана уста. — Погляди:
Вот сын мой. А это вот—с видом елейным—
Невестка. Вот—дочь. И внучок—впереди...—
Но, быстро скользнув глазами по снимку,
Сказал без ответной улыбки сосед:
— Да, видно, дружны, если снялись в
обнимку...

Да только тебя вот на снимке том нет...

Ночь...
Звезды в окне...
И еще — сигарета...

Улегся сосед, но ему не до сна—
Постель только телом его и согрета,
А значит—как ты не вертись—холодна...
— Дружище, а ты не обиделся часом?
Не надо.

За горькую правду прости.
Ты знаешь, я тоже обвыкся не сразу...
Потом станет легче...

Ложись лучше, спи.—
Ни слова в ответ,
Только кашель сухой,
Старик распрощался с погасшей звездой.

3.

Долго ищут ученые разных стран
На земле нашей древней—не клад,
А разгадку:

с чего вдруг Азербайджан
Долгожителями богат?
Тут, мол, климат причиной...
Целебный состав
Родниковой воды...
То да се...
Может, каждый из них по-своему прав,
У меня же — мнение свое.
Я его изложу.
Но сначала вопрос
Мне хотелось бы предложить.
Разве это не странно—дивиться всерьез,
Что способны мы долго жить?
Мы смиряемся с горечью ранних утрат,
С ранней проседью на висках,
Мы глядим, как на редкостный экспонат,
На глубокого старика.
На свидетеля доэлектронных времен
Мы с усмешкой всезнайки глядим:
Мол, замшелым он опытом обременен,
Что он может дать молодым!
Что он может нам дать?
То, что корни дают,
То, что дал Кёр-оглу Ченлибель!¹

¹ Легендарное место сражения народного героя Кёр-оглу.

Потому, что наш край не убогий приют
Долгожителей—
Их колыбель!

Да, их щедро понла родная земля
Родниковой целебной водой.
Не скупилось и море, по-братски деля
С рыбаком свой запас золотой.
Но не в этом причина того, что до ста
Дотянуть — далеко не предел.
Долголетия тайна сложна и проста —
В том, каков стариковский удел.
«Воду—младшему, старшему—место...»
Народ

Поговорку недаром изрек.
Вряд ли долгую жизнь тот старик проживет,
Кто ее повторит, как упрек...

И ребенок, кто матерью брошен своей,
Тот, кто ласку ее не испытал,
Вряд ли будет зачислен в ряды тех людей,
Кто столетье переступил,
Как рабенок малый,

так и старик
Беззащитен на склоне лет...
Кто в такую пору покинет их,
Для того оправданья нет.
Младшим—свет материнства,
А старшим—почет.
Вот откуда свой счет
Долголетье ведет!..

Часть IV

ДЕТСКИЙ ДОМ

1.

Детский дом и Дом для престарелых...
Стоит лишь дорогу перейти.
Ту, что пролегла скупым пробелом
Меж началом и концом пути.
Снова,
Встав пораньше в воскресенье,

Как бы опасаясь опоздать,
Захватив конфет или печенья,
Ту дорогу переходит мать.
Путь между восходом и закатом,
Между тем, что будет, и былым...
В детском доме ждут ее ребята,
Мать успела привязаться к ним.
К одному — особенно...
В веснушках
Все лицо, живой и умный взгляд...
Припасла она ему игрушку
Заводную — то-то будет рад!..

В день воскресный в детском доме праздник —
Для того, кого возьмут домой.
А других он попусту раздражит
Мимолетной шумной суетой.
У детей, что в стороне притихли,
Вдруг во взгляде искорка мелькнет —
Искорка надежды:

уж не их ли
Эта тетя за руку возьмет?
Но, едва лишь вспыхнув, искра гаснет,
И печаль сгущается в глазах...
Нет, она — чужая,

а для нас — нет
Слова «мама» —
некому сказать...

Неужели так всегда и было
И не сыщешь той уже вовек,
Чтоб тебя единственно любила,
А не группу в двадцать человек?
Напроказишь — сразу же осадят,
Не склонив участливо лица.
Да, ребенка по голозке глядят
Чаще только ради лишь отца
Или матери...

И если ласку
Женщине в обязанность вменить,
То легко, надев улыбки маску,
Ласку суррогатом подменить.
Только все старания — впустую,
Нелегко ребенка обмануть.

Лишь один магнит и существует,
Чтоб его сердечко притянуть.
Любящее сердце?

Нет на свете
Ничего, что может подменить
Луч твой светлый!..
И вслепую дети
Отличать умеют эту нить
От любой поддельной иль случайной...
И еще себя не осознав
Личностью, стремятся изначально
К достиженью главного из прав —
Права на любовь!
Нам это право
При рождении мать передает.
Не отыщешь драгоценней сплава,
Чем когда душа к душе прильнет.
Теплота полночного дыхания,
Материнской нежности броня...
Остальное — просто воспитанье,
Распорядок будничного дня.
Дети обделенные!

Кто вправе
Требовать любви потом от них,
Если их в младенчестве оставить
Без отца и матери —
одних?

Свой ребенок —
он раним и чуток,
От чужого — голова болит...
Мать, едва накажет за проступок,
Тотчас пожалеет и простит.
Воспитатель — даже справедливый —
Видит пред собой живой объект:
Маленький, напуганный, сопливый,
Озорной, растрепанный, шумливый,
Слишком молчаливый иль болтливый —
В каждом есть какой-нибудь дефект!
Нужно быть внимательным и строгим.
В этом воспитатели правы.
Но чтоб справедливые упреки
Лаской были сдобрены — увы!
Только мать способна на прощенье

Там, где не простит никто другой,
И на первый зов

без размышленья
Встанет сердце матери горой
За сердечко хрупкое...

А если
У ребенка отнят этот щит,
Он и веселясь не будет весел,
И, питаясь впрок, не будет сыт.
Но, надеясь, тычась по-слепому
В мире,

переполненном людьми,
Он сторицею воздаст любому
За крупницу искренней любви!
Знали б вы,

что с ними происходит,
Когда в детский дом —
смотреть невмочь! —

Женщины бездетные заходят,
Чтобы выбрать

сына или дочь!..
Как они спешат принарядиться,
Оживают, глядясь в зеркала,
Будто бы какая-то Жар-птица
К ним впорхнула —

счастье принесла!
Подступают с трепетной надеждой
К женщине —

не мама ли она? —
Прикоснуться к краешку одежды,
Заглянуть в глаза...

Не знает она,
Кто хотя бы раз увидел это,
Если в нем душа еще жива...
Как сказать о переливах света
В замерших глазах?

Бедны слова!..

2.

На лице у мальчика
Прыгают веснушки —
Он смеется звонко,
Видно, рад игрушке.

Ну и мать довольна:
— Ах ты мой Джиртдан!¹

Тут же он с вопросом:
— Кто такой Джиртдан?
— Разве ты не знаешь?
Ну, тогда садись
И послушай сказку...
Только не вертись!
Жил на свете мальчик,
Целый день играл,
Даже темной! ночью
Глаз он не смыкал...

— Значит, мамы тоже
Нету у него?
— Ты постой...
Послушай...
В мире ничего
Не боялся он...
— Я тоже не боюсь!
Я сдружусь с Джиртданом,
Если он не трус!

Женщина смеется:
— Коль сойдется вы,
Не сносить и
Злому диву головы!

— Бабушка, а скоро, —
Вдруг спросил малыш, —
Ты меня с Джиртданом
В гости пригласишь?

Что ему ответить?
В горле — горький ком...
— Подожди, мой милый,
Как-нибудь потом...

¹ Маленький персонаж азербайджанских сказок, мальчик, победивший злого дива.

Только б эту горечь
Не пролить из глаз...
— Знаешь, у Адиля
Мама вдруг нашлась!
А моею мамой —
Хочешь? — будешь ты...

— Ах ты мой бедовый...
Мало теплоты
В своем старом сердце
Сохранила я,
Но до самой смерти
Вся она — твоя...

Повзрослевшим сыном
Брошенная мать
Тянется чужого
Мальчика обнять,
Что же означает
Встреча двух сердец?
Для него —
Начало,
Для нее —
конец...

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Встаньте,
граждане,—
суд идет!
Из глубин
нашей чести и совести
Суд идет!
Он предъявит счет
Неподсудной
покамест
подлости!
А свидетели — вот они!
Те,
Кто беспомощными покинуты,

Но отечеством
подняты,
приняты
В беззащитной своей наготе!
Да,
у нас—
обездоленных нет,
Но и тем,
кто покинут близкими,
Обеспечив
и кров им,
и хлеб,
Мы должны сочувствие высказать!
А сочувствовать —
значит понять
То, что нам далеко до хорошего,
Если сына —
бросила — мать,
Или —
мать
своим сыном
брошена.
А сочувствовать —
значит судить
Тех, кого на скамью подсудимых
Может совесть одна посадить —
С ликом строгим
и в ранних сединах,
И изречь приговор свой:
живи,
Присужденный
к лишению любви!

ПРОБЛЕСКИ РАДОСТИ В ТУМАНЕ ПЕЧАЛИ

Поэма

I

Пил он чай за столом.

Пил он чай, мой отец,
Когда рухнул он, словно подбитый птенец...
Миг назад — за столом мы сидели одним,
А теперь я мечусь, как безумный над ним —
Двери настезь, окно! Лейся в грудь, кислород!
Хорошо еще — врач по соседству живет,
Я привел его к нам через десять минут,
Он очки нацепил, там пощупал и тут —
Осмотрел он отца...

Покачив головой,
«Нет надежды!» — сказал мне с тоской деловой.
«Нет надежды!» —

Как жутко он это сказал!
— Доктор, я умоляю вас, правду в глаза —
Что случилось с отцом? Почему обречен?!
— Кровь ударила в мозг, не поправится он.
К сожаленью, ничем я не в силах помочь.
Может быть... он скончается в эту же ночь.

Он ушел, этот врач,
И в разверстую твердь
Рухнул мир, потому что дежурила смерть.
У меня на глазах — отец умирал,
Задышался он в четырех стенах.
Что же, кроме забот, он от жизни брал —
На земле, где боль и тревожный страх?
Для меня он жил — до последних сил,
За меня он был умереть готов.
Он дитя растил, он плоды растил —
Не вкусил плодов от своих трудов.

Но зато страданиям и черным дням
Обломать он крылья свои не дал.
Для полета он окрылил меня,
И у жизни — крылышки смерти взял...

А теперь он стонет, хрипит среди
Мрака смертного, что тяжелей свинца.
Сын, беспомощно руки скрестив на груди,
Ждет последнего вздоха отца.

* * *

...Даже дико подумать, что человеческий мозг,
Бросающий сети с Земли на Луну,
На дальние скопища огненных звезд, —
От капельки крови идет ко дну,
В камень беспомощный превратив
Того, кто еще минуту назад
Был человеком, и был в пути,
Чувствовал, мыслил и был крылат!
Почему не вмещается капля одна,
Эта капелька крови в мозгу головном?
Что так тесно ей там, где во все времена
Помещалась Вселенная?

Мозг — астроном,
Обнимающий тайны земли и небес,
Телескопы вонзающий в огненный мрак!
Человеческий мозг позабыл о себе,
Вдохновенно мечтал о звездных мирах.
Человеческий мозг — в бесконечном долгу
Перед собственной жизнью, где много темнот:
Отчего эта капелька крови в мозгу?
От каких она мыслей, волнений, забот?
От каких перегрузок, тревог и сует?
Неужели рождаются люди на свет,
Чтобы тяжесть поднять тяжелее судьбы,
Непосильнее жизни, труда и борьбы?

Эта капелька крови — она из глубин,
Где волнуются мысли, а чувства бурлят.
За характер — отца я так сильно любил,
За черты, что покоя никак не сулят!
Жил он трудно, труднее других, но при том
Не искал он поблажек, не льстил и не врал.

Никогда не ходил он окольным путем.
Равнодушных всегда презирал.
Эта капелька крови — да если б она
В камень брызнула, в твердь валуна,
Разорвался бы он, потому что страшна
Эта сжатая капля одна,
Капля, сжатая вечным напором тревог,
Напряженностью мыслей, страстей,—
Если б слово ей дать, содрогнуться бы мог
Этот мир от ее новостей!..

* * *

Я вспомнил внезапно, как в прошлом году
Отец мой вот так же упал на ходу,
Приехала «скорая», в доме у нас
Собрался консилиум — смертника спас.
Он тогда кислородной подушкой дышал!
Может, стоит попробовать дать кислород?
И опять я к соседу-врачу побежал—
Ведь надеждами жив человеческий род!
Я жалел потом,
Что врача опять
Попросил о том,
Что не мог он дать.

В это время, над шахматной сидя доской,
Он обдумывал ход и взглянул на меня:
Что за тип, мол, явился нахальный такой
Дважды нас беспокоить в течение дня?
С сыном в шахматы доктор играл, углубясь
В поединок с фигурами, ставшими в строй.
Я увидел нечаянно жуткую связь:
Неужели и смерть он считает игрой?
Почему он так холоден к боли моей?
Чем он так от страданий моих защищен?
Занимаясь разменом слонов и коней,
Он спросил, словно горе мое ни при чем:
— Ну... скончался отец?
Или что там у вас?
— Доктор, в прошлый ведь раз...
кислород его спас...

Может... стоит попробовать...
— Что ты, сынок!..
Кислород ему нужен...
как зайцу звонок...
Это все уже не
для отца твоего...—

Он сказал мне и холодно глянул, мертво!
И слона приподняв, словно этим слоном
Нашу землю он мог опрокинуть вверх дном,
«Шах!» — он вдруг объявил.
Дурно сделалось мне,
Кто-то горло сдавил в ледяной тишине.
«Нет! Покуда я жив,
Ни за что, никогда

Не приду я сюда, не приду я сюда!
Доктор! Дело не в том, что помочь ты не смог.
Ты — чудовище! Ты — бессердечен, жесток!» —
В столбняке я беззвучно, безмолвно орал.
Мой отец умирал,
Мой отец умирал.
Солнце жизни его закатилось во мгле,
Когда медленно стало светать на земле
И забрезжило солнце в оконном стекле...

II

Похоронной процессии
Траурный ход...
От порога до кладбища
Шествует он.
Не боюсь я, что слезы
Увидит народ.
Не могу же не плакать
Я в день похорон.
Из почтенья к усопшему
Люди идут,
Каждый хочет нести
Погребальный табут.
Чередуются все,
Но на этом пути
Свою ношу я буду
Бессменно нести.

— Отдохни, надорвешься! — мне друг предложил.
— Мой отец надорвался, чтоб легче я жил.
И сегодня он мне надорваться не даст,
Хоть лежит его тело, как каменный пласт.

Я и вправду несу
Эту тяжесть с трудом,
Задыхаюсь, и весь
Превратился в комок.
Тяжек мертвый отец
На табуте святом.

Я шатаюсь, я падаю с ног.
Как же нес он, не жалуясь, столько забот,
Столько мыслей о жизни моей, о судьбе?..
Слышу, справа и слева идущий народ
Говорит меж собою в печальной ходьбе:
Ведь у каждого — тысяча тайных вестей
И тревог сокровенных! И с разных сторон
Люди сходятся, многих я знаю людей,
Что встречаются только лишь в дни похорон.

Первый разговор

— Женим нашего парня, послушай, Али,
Умоляю тебя, вечерок удели,
Заходи к нам сегодня же все обсудить,
Будешь главным на свадьбе —
Кому ж еще быть?!

— Эх, была — не была,
Лишь бы свадьба была!

Второй разговор

— Знаешь, снова честил тебя шельма — Орхан
И не мало ему подпевало, скажу!
— Погоди, погоди, он узнает, болван,
Кто есть я и кто — он! Я ему покажу!

Третий разговор

— Здравствуй!
— Здравствуй, мой братец! Ты в городе?
— Да.
— Почему я не вижу тебя?

— Суета!
По горло в работе, видит аллах...
Полгода у матери не был в гостях.
Знакомых забыл, родных и друзей,
Едва рассвело — уже ночь у дверей,
Время летит... ах, как время летит.
Кто это время нам, брат, возвратит?

Четвертый разговор

— С новой должностью вас я поздравить хочу.
— Поздравленье не к месту — я в пропасть лечу!
Разве можно сравнить это с прежним постом?
— Больше думайте о человеке простом!

Пятый разговор

— Что с тобой?
Мне совсем твой не нравится вид!
Уж не болен ли ты?
— Очень сердце болит.
И дышу я с трудом, и хожу я с трудом.
Вот защита пройдет... отдохну я потом.

* * *

Суетится, хлопочет, торопит свой век,
От мечты отказаться не может никак, —
И в толпе похоронной готов человек
Размышлять об исходе грядущих атак.

Эта страсть ненасытная, этот напор
Есть в тебе и во мне, и в любом из людей.
Но сейчас — рядовой, бытовой разговор
Диким кажется в свете печали моей!..

На кладбище движется наша толпа.
Я пот рукавом утираю со лба.
Не знал никогда, что так тяжек табут!
Я рухну сейчас — и меня погребут.
Но вдруг я заметил на самом краю
Дороги, которой с табутом шагал:
Любимая в сторону смотрит мою

И видит, как жалок ее идеал!
 Коленн мои задрожали сильней,—
 Я был этой встречей ужасно смущен!
 В каком же я виде предстал перед ней?!
 Мой облик ничтожен, мой облик смешон!
 Что делать? И как положение спасти?
 Куда подевались родные, друзья?
 Могли бы немного табут понести,
 Пока надрываюсь и мучаюсь я.
 Куда они спрятались? Был я неправ,
 Храбрясь поначалу и всем отказав,
 Кто вызвался мне добровольно помочь.
 Напрасно, напрасно! Теперь я непрочь!
 Направо, налево я глянул тайком —
 Ну, был бы хоть кто-то мне близко знаком,
 Так я бы к нему обратился с мольбой,
 Чтоб он заменил меня тут же собой!
 И вдруг я соседа-врача увидал,
 Мгновенно
 Он просьбу мою прочитал,
 И понял он душу мою хорошо,
 И встал под табутом,
 А я отошел.
 Я свежего воздуха
 Выпил глоток—
 И в сердце почувствовал
 Силы приток...
 И дух мой взбодрился.
 И чувства ко мне
 Вернулись, и стал я
 Прекрасен вполне:
 В порядок я волосы нигом привел,
 И вид человеческий я приобрел.
 И шел я, как радуга после дождя,
 За женщиной краешком глаза следя...

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Брожу бульваром Карбышева и ноза,
 Весенний ветер тербит листву,
 И зреет в сердце медленное слово,
 И я судьбою павшего живу,
 Встающей величаво и сурово
 Сквозь дым и пламя, словно паяву.

А листья шелестят не устая,
 Вскипает дум тревожная волна,
 И проступает даль времен седая,
 Где жизнь и смерть, и подвиг, и страна.

Все шире листьев шум... Они, должно быть, маршируют
 Жизнь вечную на милой им земле,
 Прислушайся, и Родина представит
 Свой долгий путь, проложенный в золе.

Был пачат путь с Японскою войною,
 Был Карбышев в Гойджоу и Футджоу,
 На самых тяжких и глухих фронтах
 Дальневосточным порохом пропах.

Четырнадцатый. Бойня мировая.
 Истерзаны и небо и земля,
 И носит он серебряный темляк,
 В атаку пехотинцев поднимает.

Гражданская... Разбиты и разъяты
 На части семьи, земли, времена.
 Пылают города и умирают хаты,
 И надвое разорвана страна.

Нет, не сломил их подлый враг, жестокий —
 Не лед, а героический заслон.
 И понял враг — что сам он на пороге
 Крушения и погибает он.

Герои знали — впереди победа.
 Что трудно жить, что просто умереть.
 И тот, кто сердцем понимает это —
 Продолжит жизнь, преодолит смерть.

Не умер Карбышев! Его душа живая
 Сегодня согревает души нам.
 В смертельный лед героя обращая,
 Враги его причислили к векам.

Он верой жил, отвагой и победой,
 Он отступленье гибель предпочел.
 Он выстоял среди страды военной,
 Он вечность и величие обрел.

Бульваром Карбышева вечером весенним
 Который раз задумчиво бреду.
 Я сам живу тем подвигом бессмертным:
 Бессмертие как Вечность — на виду.

И пусть меня отныне не минуют
 Твои пути среди жизненных дорог,
 Когда-то ты в свободную минуту
 Здесь подмосковный проходил лесок.

С приятелем ты шел или подругой,
 Ты здесь бывал, великий человек.
 Сидел на солнце над речной излучкой,
 И что-то понял для себя навек.

Но мог ли догадаться тот подросток,
 Что этот путь вдоль просеки лесной,
 Бульваром Карбышева назовется,
 И станет жизнью Вечной и Второй.

СОДЕРЖАНИЕ

Егор Исаев. Прикосновение словом 5

ДАВАЙ, ПОМЕДЛИМ!

«Величайшим путником...» Перевод М. Веклюза	9
Жизнь—горенье. Перевод Н. Гребнева	10
«Откликнись, строка, словно эхо...» Перевод В. Лугового	11
Монолог на тему личной ответственности. Перевод В. Лугового	13
Полет. Перевод В. Лугового	15
Смех младенца. Перевод Ю. Кузнецова	18
В горах водопад — мой брат. Перевод Ю. Мориц	19
Карусель. Перевод Н. Гребнева	22
Ожог. Перевод Н. Гребнева	24
Рифма. Перевод Н. Гребнева	25
Новогодние раздумья. Перевод А. Кушнера	26
Когда заходит солнце... Перевод А. Кушнера	28
Шеки. Перевод А. Кушнера	29
Читательские письма. Перевод А. Кушнера	30
Моим студентам. Перевод И. Шкляревского	32
Два путника. Перевод И. Шкляревского	34
Могилы героев. Перевод И. Шкляревского	36
«Нет на небе зеленых платанов...» Перевод И. Шкляревского	38
Карабахский конь. Перевод Ф. Фирсова	39
Горный поток. Перевод В. Лугового	43
Ответ. Перевод В. Лугового	45
Довольно! Перевод А. Персидсва	47
Мой тост. Перевод А. Персидсва	49
Паузы. Перевод Ю. Мориц	51
«Что печалит тебя?» Перевод Ю. Мориц	52
«На этом берегу Аракса...» Перевод Ю. Мориц	53
Земля и карта. Перевод Вл. Кафарова	54
Контрасты. Перевод Вл. Кафарова	55
Тот, кто ищет, найдет. Перевод М. Синельникова	57
Говорят предметы. Перевод М. Синельникова	60
Тьма. Перевод Э. Балашова	62
Размышление. Перевод Э. Балашова	63
Рана, нанесенная слезам. Перевод Т. Давидова	64
Между «да» и «нет». Перевод Т. Давидова	66
Ветер и трава. Перевод Т. Давидова	68
«Ты говоришь...» Перевод А. Ахундовой	70

«Мосты стоят...». Перевод А. Ахундовой	71
Дар матери. Перевод В. Проталина	72
«Нередко мать прикрикнет...». Перевод В. Проталина	73
Суть сущности. Перевод Р. Казаковой	74
«Свет есть свет...». Перевод Р. Казаковой	75
Два слепца. Перевод Р. Казаковой	76
Поездка в ночи. Перевод Р. Казаковой	77
Движение. Перевод Р. Казаковой	79
Дворец и лачуга. Перевод Р. Казаковой	80
Найти — потерять. Перевод Евг. Рейна	81
Пожесь. Перевод Евг. Рейна	83
Слушая Бетховена. Перевод Евг. Рейна	85
По ночам звезды падают мне в сердце. Перевод В. Широкова	86
Может быть... Перевод В. Широкова	87
Мы на одном корабле. Перевод Евг. Рейна	88
Давай, помедлим... Перевод Вл. Кафарова	89

ВЕК И ЧЕЛОВЕК

«Земли на свете меньше...» Перевод Вл. Кафарова	93
Состязание. Перевод Вл. Кафарова	94
Земля—небо. Перевод Вл. Кафарова	95
«Вся жизнь...» Перевод Вл. Кафарова	96
Козел—вожак. Перевод Евг. Евтушенко	97
Легенда об Улькер. Перевод Евг. Евтушенко	99
«Конь мой...» Перевод Вл. Цыбина	101
«Ничего, когда слепого...» Перевод Вл. Цыбина	102
«Скончался он...» Перевод Вл. Цыбина	103
«Человек я!». Перевод Вл. Цыбина	104
Баллада о времени. Перевод В. Лугового	105
«Весною живем ожиданием зимы...» Перевод Ю. Мориц	107
Долг. Перевод Ю. Мориц	108
«Ты пел вскаки, соловей...» Перевод Ю. Мориц	109
«Огни семафоров считая в пути...» Перевод А. Кушнера	110
Невесомость. Перевод А. Кушнера	111
Хорошо, что не знаем... Перевод А. Кушнера	113
«Смертельный груз уносят самолеты...» Перевод А. Кушнера	115
«Подня я дерево...» Перевод А. Кушнера	116
Некролог. Перевод А. Кушнера	117
«В последний час...» Перевод А. Кушнера	118
«Я болен...» Перевод А. Кушнера	119
Кибернетика. Перевод Е. Елисеева	120
Антенна. Перевод Т. Жирмунской	122
Обсерватория в Пиркули. Перевод А. Грича	124
Астроном—поэт. Перевод А. Грича	126
Лед, отец и я. Перевод А. Передревева	128
Мне жаль тебя. Перевод А. Передревева	130
Море—берег. Перевод А. Передревева	132
Не хватает времени. Перевод Н. Гребнева	133
Письма. Перевод Н. Гребнева	135
Откуда тебе знать? Перевод Н. Гребнева	136
Кто-то был, а кто-то нет... Перевод Ю. Кузнецова	138

Встреча. Перевод Ю. Кузнецова	140
Пятьдесят. Перевод В. Широкова	141
Большая ли, маленькая ли... Перевод Ю. Поройкова	143
Жалоба на возраст. Перевод Ю. Поройкова	144
Человек-экспонат. Перевод Э. Балашова	146
Сегодня день седьмой. Перевод Ю. Балашова	148
Кажется нам... Перевод А. Ахундовой	151
Четыре времени в сердце. Перевод А. Ахундовой	153
Самолеты. Перевод А. Ахундовой	154
Вершина. Перевод Л. Латынина	156
Свадьба сына. Перевод Л. Латынина	157
Мать и дети. Перевод Евг. Рейна	160
Свое и чужое. Перевод Евг. Рейна	161

АВТОПОРТРЕТ

Разговор с самим собой. Перевод А. Кушнера	165
Дневник. Перевод А. Кушнера	166
Не гаси. Перевод И. Шкляревского.	168
Упорство. Перевод И. Шкляревского	169
Такая мысль... Перевод И. Шкляревского	170
Черные волосы—белые волосы. Перевод И. Шкляревского	172
«Я сам не пойму...» Перевод А. Кушнера	173
Собственный мир. Перевод Ю. Мориц	174
Корни. Перевод Ю. Мориц	176
Лесная дорога. Перевод Ю. Мориц	177
«Ты говорил...» Перевод Ю. Мориц	179
Тишина моей души. Перевод Ю. Мориц	180
«Так хочется сказки...» Перевод Ю. Мориц	181
Дочери моей. Перевод А. Передревева	182
Гара-зурна. Перевод А. Передревева	184
Утешение. Перевод А. Передревева	186
«Что-то голова моя болит!..» Перевод Н. Гребнева	189
Пути-дороги. Перевод Н. Гребнева	190
Борьба. Перевод Н. Гребнева	191
«Мой товарищ...» Перевод Р. Казаковой	192
Весна. Перевод Л. Латынина	194
Сходство. Перевод Л. Латынина	195
Если нет вопросов... Перевод М. Синельникова	197
«Взгляни—течение жизни...» Перевод Вл. Кафарова	199
Когда погаснет телеэкран. Перевод Ю. Поройкова	200
Одиночество. Перевод Ю. Поройкова	203
Миг тишины. Перевод Ю. Поройкова	204
Доброе слово. Перевод Ю. Поройкова	205
Открой окно. Перевод Евг. Рейна	207
Изумление. Перевод Т. Жирмунской.	208
Мои искания. Перевод Э. Балашова	211
Я — компас. Перевод Э. Балашова	212
Стихи о смерти. Перевод А. Ахундовой	213

ЖАЖДА У РУЧЬЯ

Тонн голоса. Перевод Евг. Рейна	217
«Чего мы хотим...» Перевод Р. Казаковой	219

«Ты суждена мне...» Перевод Н. Гребнева	221
Жажда у ручья. Перевод Ю. Мориц	222
Счетчик. Перевод Ю. Мориц	224
Замок. Перевод Евг. Евтушенко.	225
«Какое ты пламя...» Перевод А. Ахундовой	226
«Сегодня минуло полжизни...» Перевод А. Ахундовой	227
Косы на земле. Перевод Л. Латынина	228
Баллада о любви. Перевод Л. Латынина	229
Уходя от тебя. Перевод Вл. Кафарова	232
Поэт и джейран. Перевод Вл. Кафиров	234
Память рук. Перевод Ю. Поройкова	235
В разлуке. Перевод В. Лугового.	235
Приснился сон мне... Перевод А. Передреева	238
Шуберт. «Ночная серенада». Перевод А. Кушнера	239
Время и пространство. Перевод А. Кушнера	240
Размолвка. Перевод А. Кушнера	242
«Как странно...» Перевод А. Кушнера	244
«Разлука—мука». Перевод А. Кушнера	245
«Пусть продлится...» Перевод Ю. Мориц	246
Что случилось? Перевод Ю. Мориц	247
«Хоть во сне...» Перевод Ю. Мориц	249
«Как бездонны глаза твои!» Перевод Ю. Мориц	250
«Ты приснилась...» Перевод Ю. Мориц	251
В полусне. Перевод Ю. Мориц	252

ЗАГРАНИЧНЫЕ ЧЕТКИ

Пушки, которые не стреляют. Перевод В. Зайцева	255
Язык кораблей. Перевод В. Зайцева	257
Мумия. Перевод В. Зайцева	259
Дворец Топкапы. Перевод Л. Латынина	260
Поэт кманча. Перевод Л. Латынина	261
Маленькое окно. Перевод Ю. Мориц	263
Четки. Перевод Е. Елисеева	265
Пантеон в Риме. Перевод Е. Елисеева	267
Продажа. Перевод А. Передреева	270
Святой прах имама Гусейна. Перевод В. Лугового.	272

СТАРЕНЬКИЙ ПОРТФЕЛЬ

Просторный школьный класс. Перевод В. Лугового	275
Первая тропа. Перевод Ю. Мориц	278
Старенький портфель. Перевод Ю. Мориц	279
Все-таки разница есть, дорогой! Перевод Ю. Мориц	280
Цветок среди хлебов. Перевод Ю. Мориц	282
Падает снег. Перевод Ю. Мориц	282

ПОЭМЫ

Разговор с Лениным. (Фрагмент из поэмы). Перевод М. Векилова	285
Оценка. Перевод А. Передреева	293
Суд совести. Перевод М. Векилова	305
Проблески радости в тумане печали. Перевод Ю. Мориц	336
Вторая жизнь. Перевод Евг. Рейна	343

Редактор Сиявуш Мамедзаде.

Художник Э. Лазымов.

Художественный редактор А. Мамедов.

Технический редактор В. Плиткина.

Корректоры Н. Шамшур, Г. Монина.

ИБ № 1606

Сдано в набор 28. 01. 1983 г. Подписано к печати 27. 04. 1983 г. Формат бумаги 81×108¹/₃₂. Бумага № 2. Литературная гарнитура. Печать высокая. Физ. п. л. 11. Условн. п. л. 18,48. Учетн.-изд. л. 12,8. Заказ № 435. Тираж 7.000. Цена 1 руб. 90 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Язычы», 370058

Баку, проспект Кирова, 18.

Типография «Красный Восток», 370000

Баку, ул. Ази Асланова, 80.

Ваһабзаде Ҳабиб-и-Ҳасанов

Бир кәминин јолчусулуғ

(рус тилинде)

Јазычы - Бақы - 1983

1R99K.

2
580195